

ISSN 2686-7753

КРИМИНАЛИСТЪ

2026 № 3(56)

Санкт-Петербург
Литейный, 44

КРИМИНАЛИСТЪ

2026 № 3 (56)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2008 года Санкт-Петербургским юридическим институтом (филиалом)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Учредитель Университет прокуратуры Российской Федерации

Главный редактор А.А. Сапожков, заместитель директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Редакционный совет

А.Ю. Захаров, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации; Н.Е. Солнышкина, начальник управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе; Т.А. Ашурбеков, доктор юридических наук; Е.Е. Амлеева, кандидат юридических наук, доцент; И.А. Антонов, доктор юридических наук, профессор; Е.В. Болотина, доктор юридических наук; Н.А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор; Л.В. Готчина, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор; Н.А. Данилова, доктор юридических наук, профессор; А.А. Дорская, доктор юридических наук, профессор; И.Г. Дудко, доктор юридических наук, профессор; Е.В. Емельянова, доктор юридических наук, профессор; Е.Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор; Г.П. Ермолович, доктор юридических наук, профессор; В.Н. Исаенко, доктор юридических наук, профессор; А.С. Карцов, доктор юридических наук; Н.П. Кириллова, доктор юридических наук; О.Н. Коршунова, доктор юридических наук, профессор; А.Н. Кузбагаров, доктор юридических наук, профессор; Э.К. Кутуев, доктор юридических наук, профессор; В.В. Лавров, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент; Ю.В. Мишальченко, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор; Н.С. Нижник, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор; Т.Г. Николаева, доктор юридических наук, профессор; М.Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор; А.Н. Попов, доктор юридических наук, профессор; С.М. Прокофьева, доктор юридических наук, профессор; Е.Н. Рахманова, доктор юридических наук; Р.А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор; Е.Б. Серова, кандидат юридических наук, доцент; С.А. Смирнова, доктор юридических наук, профессор; Ю.А. Тимошенко, доктор юридических наук; Н.И. Уткин, доктор юридических наук, профессор; О.В. Чельшева, доктор юридических наук, профессор; В.С. Шадрин, доктор юридических наук, профессор; Р.Д. Шаронов, доктор юридических наук,

профессор; Ю.Б. Шубников, доктор юридических наук, профессор; В.Ф. Щепельков, доктор юридических наук, профессор; А.А. Эксархонупо, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия

А.А. Сапожков (главный редактор), кандидат юридических наук, доцент; Д.А. Безбородов (заместитель главного редактора), кандидат юридических наук, доцент; М.А. Григорьева (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; О.А. Гуреева, кандидат юридических наук; Е.В. Елагина, кандидат юридических наук, доцент; А.В. Зарубин, кандидат юридических наук, доцент; Э.А. Кузбагаров, кандидат юридических наук; Н.В. Кулик, кандидат юридических наук, доцент; Е.Л. Никитин, кандидат юридических наук, доцент; Ш.М. Шурпаев, кандидат экономических наук, кандидат юридических наук; И.Л. Честнов, доктор юридических наук, профессор

Адрес редакции, издательства и типографии:

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: kriminalist_institut@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76805 от 16.09.2019. Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4. Распространяется бесплатно.

Подписано в печать 22.09.2026. Печ. л. 25,0. Формат 60х84/8. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1 – 160). Заказ 25/26.

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации. Дата выхода в свет 28.09.2026.

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: rio-procuror@yandex.ru

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных материалах несут авторы. Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2026

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
НАУКИ**

- Акименко П.А. Проблемы противодействия криминальным посягательствам в сфере банкротства3
- Баумштейн А.Б. О криминальной ситуации в учреждениях УИС и российской пенитенциарной преступности (латентность, структура, динамика)14
- Бояринцев А.А. Коллизия процессуальных статусов свидетеля и лица, в отношении которого ведется уголовное производство24
- Кононенко М.М. Перспективы межведомственного взаимодействия при выявлении хищений в сфере государственных и муниципальных закупок с использованием ГИС «Антикартель».....30
- Корсаков К.А. Методология организации познавательной деятельности в уголовном судопроизводстве — научное наследие профессора Г.А. Густова.....38
- Корчагин А.А. Объект и предмет как основополагающие категории криминалистической науки.....46
- Кравченко Р.М. Проблемы соотношения преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, со смежными составами53
- Круподеров Н.В. Некоторые аспекты наказуемости рецидива преступлений.....59
- Латышева Е.В. Криминологический анализ как информационная основа прогнозирования насильственной преступности в семейно-бытовой сфере65
- Перевозникова Е.Ю. Определение места совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, включая сеть «Интернет»74
- Попова-Логачева Ю.П. О предмете незаконной выдачи документа, дающего право на получение наркотических средств или психотропных веществ..80
- Серова Е.Б. Незаконный майнинг цифровой валюты: особенности прокурорского надзора за исполнением законов в досудебном производстве87
- Сотников К.И. Ретроспективный взгляд на криминалистику в свете отечественной уголовной политики (конец XX века — настоящее время)95
- Ткачев И.О. Соотношение норм об ответственности за преступления экстремистской и террористической направленности и системные связи уголовного права.....101
- Халиков А.Н. Правовые проблемы пресечения и предупреждения дистанционных хищений.....109

Шурпаев Ш.М. Вопросы квалификации злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ), совершаемого в сфере государственных (муниципальных) закупок..116

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ**

Кабанова М.Б. Правовые основы государственного контроля (надзора) в сфере промышленной безопасности: исторический аспект, вопросы правоприменения и перспективы совершенствования.. 124

**ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ
НАУКИ**

- Задерейчук И.П. Деятельность прокуратуры на территории Крымской АССР в июне 1941 — июле 1942 гг.130
- Коваленко М.А. К вопросу о некоторых существенных признаках экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций (на примере экспериментальных правовых режимов в области телемедицины).....139

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Максимов В.А., Пиддубриная А.Ю. Адаптация классических норм о письменных доказательствах к цифровой среде: опыт французского законодательства и судебной практики148
- Порохов М.Ю. Телеологическая редукция как средство обеспечения справедливости в цивилистическом процессе157
- Стукалова Д.Д., Слинько А.В. Правосубъектность искусственного интеллекта: границы авторского права в эпоху нейросетевых технологий.....164

ПЕРСОНАЛИИ В НАУКЕ

- Рахманова Е.Н., Краснова К.А. Вклад профессора В.С. Прохорова в развитие отечественного учения о преступлениях.....174
- Холопов А.В., Дементьева О.Ю., Тимощук О.Е. Значение научного наследия М.Б. Вандера в обеспечении следствия криминалистическими технологиями (к 95-летию со дня рождения ученого).....181

**РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ,
МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ**

- Честнов И.Л., Тимощук О.Е. Правоприменение в контексте постклассических исследований права: обзор Всероссийской научно-теоретической конференции.....190

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.3/7

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНЫМ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА

Павел Александрович АКИМЕНКО

Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, nochnoy_patrul@mail.ru

Аннотация. В статье речь идет о некоторых особенностях противодействия криминальным посягательствам в сфере банкротства. Проводится анализ проблемных аспектов, связанных с предупреждением, выявлением и пресечением данных противоправных деяний. Рассматриваются вопросы выработки алгоритма для повышения эффективности выявления преступлений, предусмотренных статьями 195–197 УК РФ. Исследуется вопрос обмена информацией между заинтересованными контрольно-надзорными и правоохранительными органами при наличии признаков криминальных банкротств. Предлагаются возможные способы повышения эффективности противодействия указанному виду преступлений.

Ключевые слова: прокурорский надзор, криминальные посягательства, банкротство, обмен информацией, противодействие

Для цитирования: Акименко П.А. Проблемы противодействия криминальным посягательствам в сфере банкротства // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 3 – 13.

Original article

CHALLENGES IN COMBATING BANKRUPTCY-RELATED CRIMINAL OFFENCES

Pavel A. AKIMENKO

*University of the prosecutor's office of the Russian Federation, Moscow, Russia,
nochnoy_patrul@mail.ru*

Abstract. The article examines the specific features of combating criminal offences in the field of bankruptcy. It analyses the problematic aspects related to the prevention, detection, and suppression of such illegal acts. Particular attention is given to developing a procedural algorithm to enhance the efficiency of detecting offences under Articles 195–197 of the Criminal Code of the

© Акименко П.А., 2026

Russian Federation. The article also explores the mechanisms of information exchange between relevant regulatory, supervisory, and law enforcement agencies upon the identification of indicators of bankruptcy-related offences. The author proposes possible measures to improve the efforts to combat this category of offences.

Keywords: prosecutorial supervision, criminal offenses, bankruptcy, information exchange, countermeasures

For citation: Akimenko P.A. Challenges in combating bankruptcy-related criminal offences. *Criminalist*. 2026;3(56):3-13. (In Russ.).

Для правоприменителей вопросы выработки алгоритма противодействия криминальным посягательствам в сфере банкротства, обеспечения обмена информацией для своевременного выявления фиктивных сделок, неправомерного отчуждения имущества, оценки подлинности представленных собственниками организации-должника документов при включении в реестр прав требований кредиторов, а также в целях установления аффилированности соответствующего круга лиц остаются особенно актуальными.

Стоит отметить, что межотраслевой институт несостоятельности (банкротства) является важным компонентом рыночных отношений, поскольку выполняет охранительную функцию защиты субъектов предпринимательской деятельности. При этом процедура банкротства обеспечивает защиту от злонамеренных действий недобросовестных участников экономического оборота в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения взятых на себя обязательств.

В статье 2 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) дано определение несостоятельности (банкротства)¹. В статье 3 Закона о банкротстве указаны при-

знаки банкротства юридического лица, согласно которой к ним относятся неспособность удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены.

Следует учитывать, что судебная практика по делам о банкротстве ссылается также на Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 года № 855, которым утверждены Временные правила проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства, а также сама процедура такой проверки². Кроме того, необходимо обратить внимание и на письмо Минэкономразвития России от 27 августа 2010 года № Д06-2891 «О применении Постановления Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 855 „Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия

¹ О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ : текст с изм. и доп. на 9 апр. 2026 г. Ст. 2 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102078527> (дата обращения: 09.04.2026).

² Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства : Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 855 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=7&nd=102090366 (дата обращения: 09.04.2026).

признаков фиктивного и преднамеренного банкротства»¹, в котором в более детальной форме дается некое правовое понимание применения соответствующего постановления Правительства Российской Федерации.

Криминальные банкротства представлены тремя статьями Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), предусматривающими ответственность за неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ), преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ) и фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ).

Проблемы, связанные с криминальными посягательствами в сфере банкротства, заслуживают пристального внимания. Статистика и судебная практика подтверждают, что такие случаи

наносят ущерб кредиторам, искажают смысл процедуры несостоятельности и подрывают доверие к институту банкротства в целом.

По результатам анализа статистических данных, количество выявленных преступлений, связанных с неправомерными действиями при банкротстве, преднамеренным банкротством, фиктивным банкротством (ст. 195–197 УК РФ), в 2024 году сократилось на 24,4 % (таблица).

В течение последних трех лет правоохранительными органами выявлено незначительное количество преступлений указанной категории. Так, в 2024 году зарегистрировано 121 преступление, в 2023 году — 160, в 2022 году — 154, из них фиктивных банкротств регистри-

Т а б л и ц а

**Сведения о зарегистрированных преступлениях в сфере
криминального банкротства в Российской Федерации, 2022 — 2024 гг.**

	2022 год	+,- в %	2023 год	+,- в %	2024 год	+,- в %
Выявлено преступлений в отчетном периоде	154	-29,0	160	+3,9	121	-24,4
В том числе совершенных в крупном или особо крупном размере либо причинивших крупный ущерб	148	-28,5	156	+5,4	112	-28,2

руются единицы, при этом, например, в 2022 году ни один преступник, совершивший фиктивное банкротство, не был выявлен².

¹ О применении Постановления Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства»: письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 27 августа 2010 г. № Д06-2891 // Министерство экономического развития Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.economy.gov.ru/> (дата обращения: 09.04.2026).

² Статистические сведения по форме № 1-ЕГС (491) «Единый отчет о преступности» // Генеральная прокуратура Российской Федерации :

По оценкам экспертов, «динамика снижения количества преступлений по неправомерным действиям при банкротстве, преднамеренном банкротстве, фиктивном банкротстве обусловлена реализацией схем преднамеренных банкротств, все более маскирующихся под гражданско-правовые отношения» [1, с. 41].

Как отмечают некоторые ученые, «низкий уровень раскрываемости криминальных банкротств связан, с одной стороны, с высокой латентностью данных составов преступлений, а с дру-

офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/?ref=vc.ru/> (дата обращения: 09.04.2026).

гой — с правоприменительной практикой, которая даже при выявлении таких банкротств нередко рассматривает действия подозреваемых как нормальные отношения хозяйствующих субъектов. Более того, дополнительные трудности вызывает наличие механизма привлечения к субсидиарной ответственности. И в результате правоохранительными органами в лучшем случае может быть возбуждено уголовное дело по иным нормам, предусматривающим уголовную ответственность за преступления против собственности или экономической деятельности» [2, с. 88 — 97].

Так, анализ следственной практики по делам указанной категории свидетельствует, что основные проблемы при расследовании связаны с совершением противоправных деяний на протяжении длительного периода времени, предшествующего их выявлению, что, в свою очередь, ведет к необходимости установления юридических лиц, не осуществляющих на момент расследования финансово-хозяйственную деятельность и созданных для участия в криминальных схемах (в том числе для вывода денежных средств), руководители и учредители которых — номинальные лица, проживающие за пределами интересующего региона, длительность получения финансовой документации в связи с ее подготовкой и предоставлением кредитными организациями, сложность и длительность производства бухгалтерских и финансово-аналитических судебных экспертиз, которые сопряжены с исследованием большого объема финансовой документации, что приводит к затягиванию сроков производства по уголовному делу¹.

Противодействие криминальным банкротствам очень сложный процесс, что «обусловлено длительностью самой процедуры, необходимостью привлечения узкопрофильных специалистов в данной области, а также непосред-

ственно в бизнесе должника, проведения оценки, экспертиз, сбора и обеспечения сохранности доказательств, проведения большого объема иных необходимых мероприятий» [3, с. 6 — 7].

Кроме того, как указал А.П. Елисеев, «проблемы доказывания преступлений в сфере криминального банкротства обусловлены в том числе сложностью уголовно-правовой квалификации данных деяний» [4, с. 131 — 134].

Исходя из практики высшей судебной инстанции, сложилось два способа определения признаков банкротства должника: по оценке неплатежеспособности и по оценке недостаточности имущества. В этой связи можно согласиться с позицией А.К. Субачева, согласно которой «поскольку в законе о банкротстве под несостоятельностью понимается именно неспособность должника в полном объеме исполнить свои денежные обязательства, которые, исходя из определения соответствующего понятия, должны исполняться посредством уплаты денежных средств, превышение размеров иных, помимо денежных средств, активов должника над его пассивами само по себе не может свидетельствовать о финансовом благополучии должника и об отсутствии у него признаков несостоятельности. В подобных случаях при отсутствии у должника денежных средств, достаточных для исполнения имеющихся у него денежных обязательств, возможность использования должником своих активов для прекращения обязательств носит ограниченный характер и во многом зависит от спроса на соответствующем рынке, а также от волеизъявления кредиторов. В частности, принятие должником мер по продаже принадлежащего ему имущества в целях погашения образовавшейся задолженности может и не увенчаться успехом, а кредиторы могут попросту отказаться от прекращения обязательств предоставлением отступного. Более того, сама по себе необходимость поиска денежных

¹ По информации из материалов прокуратур субъектов Российской Федерации.

средств либо исполнения обязательств иными, помимо предусмотренных соглашением сторон, способами уже свидетельствует о реальной невозможности рассчитаться с кредиторами.

Следовательно, сущностным признаком несостоятельности должника является именно отсутствие у него денежных средств, достаточных для исполнения обязательств, срок исполнения которых наступил.

Из изложенного следует, что признаки банкротства для целей квалификации содеянного как неправомерных действий при банкротстве возникают в момент наступления срока исполнения денежных обязательств, выплаты выходных пособий и (или) оплаты труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) срока исполнения обязанности по уплате обязательных платежей при условии неплатежеспособности должника» [5, с. 120–127].

Необходимо учитывать, что основанием банкротства может быть не только задолженность по гражданско-правовым сделкам, но и неспособность осуществлять обязательные платежи в бюджет и во внебюджетные фонды. При этом уклонение от погашения кредиторской задолженности, уплаты налогов и сборов должно носить злостный характер и определяться упорным и целенаправленным нежеланием должника выполнять обязательства при наличии возможности для их исполнения. Об указанном факте может свидетельствовать совокупность таких обстоятельств, как смена должником места своего жительства, сокрытие реальных доходов и имущества, на которые может быть обращено взыскание, совершение мнимых сделок, несмотря на долги, ведение явно роскошного образа жизни и др. По мнению Л.В. Борисовой, «одним из доказательств отклонения должника от добросовестного поведения и уклонения от погашения кредиторской задолженности является отказ от трудовой деятельности, включая отсутствие тру-

доустройства, увольнение с основного места работы, непостановку на учет в центре занятости и др.» [6, с. 38–41].

Вместе с тем отсутствие детально проработанной методики выявления признаков криминального банкротства значительно усложняет процесс выявления таких фактов. Действующие нормативные правовые акты в основном дают лишь общие разъяснения.

В данном случае вызывает интерес точка зрения А.П. Елисеева, согласно которой «рассматривая вопрос организации выявления и последующего пресечения преступлений в сфере криминального банкротства, необходимо в первую очередь остановиться на источниках информации, из которых сотрудники правоохранительных органов узнают о таковых фактах. Анализ следственной практики показывает, что чаще всего такими источниками являются:

постановление арбитражного управляющего, который в процессе проведения процедуры банкротства выявил в действиях каких-либо физических лиц признаки криминального банкротства;

заявление одного из конкурсных кредиторов должника, которому был причинен ущерб от действий арбитражного, конкурсного управляющего;

рапорт оперативного сотрудника, который в процессе производства оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) выявил признаки криминального банкротства в действиях правонарушителей;

заявления иных лиц, кому был причинен крупный материальный ущерб от объявления должника банкротом» [4, с. 131–134].

В ходе изучения правоприменительной практики установлено, что одним из недостатков, допускаемых органами следствия при расследовании уголовных дел данной категории, являются случаи, когда при наличии данных, указывающих на заинтересованность лица в исходе дела о банкротстве, его причастность

к совершению преступления не проводится, оценка его действиям не дается. Так, региональной прокуратурой при изучении материалов уголовного дела, возбужденного по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 196 УК РФ, выявлены нарушения, допущенные конкурсным управляющим Д., составившим заключение, в которое включены не все сделки, совершенные фигурантами в интересующий период времени. По данному факту в орган следствия прокуратурой внесено требование, которое рассмотрено и удовлетворено. В отношении Д. проведена проверка в порядке ст. 144, 145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, по ее результатам принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела¹.

Можно привести другой интересный пример, когда 22 мая 2025 года следователем СО по Ленинскому району г. Энска СУ СК России по Энской области возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 196 УК РФ. Источником сообщения, послужившего поводом для возбуждения уголовного дела, явилось другое уголовное дело, возбужденное по факту невыплаты заработной платы генеральным директором ООО «РЭК»².

Кроме того, ограниченными возможностями для выявления противоправных деяний в данной сфере располагают арбитражные суды Российской Федерации, а также территориальные налоговые органы.

В частности, в целях выявления и документирования фактов криминального банкротства можно использовать сведения налоговых органов, например информацию о налогоплательщиках, по которым налоговые органы направили в суд заявления о признании должника

несостоятельным (банкротом). По результатам их анализа можно определить налогоплательщиков, имеющих непогашенную задолженность по платежам в бюджет и не осуществляющих финансово-хозяйственную деятельность, представляющих отчеты с прочерками или вовсе их не представляющих в последнее время.

Прокурорами также вскрываются схемы широкого применения в целях неисполнения контрактных обязательств института фиктивного банкротства, посредством которого полученные бюджетные средства недобросовестные подрядчики выводят в теневой сектор экономики.

Так, в 2024 году профильным управлением прокуратуры области проведена проверка в отношении должника-банкрота — общества с ограниченной ответственностью «База производственного обслуживания — Огородный», по результатам которой в период с 1 января 2019 года по 31 декабря 2022 года установлен ряд сделок, обладающих признаками недействительности и направленных на вывод активов должника на общую сумму около 280 млн рублей путем перечисления денежных средств в адрес аффилированных юридических лиц. В этой связи 13 июня 2024 года для решения вопроса об уголовном преследовании материалы направлены в орган расследования в порядке, предусмотренном п. 2 ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. По результатам процессуальной проверки СО ОМВД России по г. Огородный возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 196 УК РФ³.

Прокуратура в настоящее время не выступает гарантированным получателем сведений о выявленных признаках криминального банкротства, поскольку не указана в перечне уполномоченных органов, которым представляется соот-

¹ По информации из материалов прокуратуры субъектов Российской Федерации.

² По информации из материалов прокуратуры субъектов Российской Федерации.

³ По информации из материалов прокуратуры субъектов Российской Федерации.

ветствующая информация оператором Единого федерального реестра сведений о банкротстве (далее — ЕФРСБ)¹, не является органом предварительного расследования или административным органом, специально уполномоченным возбуждать дела о такого рода административных правонарушениях.

Ученые отмечают следующее: «В ходе анализа поступившей информации сотрудникам оперативных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России необходимо обращать особое внимание на следующие сведения:

- о фактах заключения фиктивных договоров между юридическими лицами, в том числе на кабальных условиях;

- о неоднократных заключениях сделок на заведомо невыгодных для предприятия условиях;

- о неоднократном виновном невыполнении обязательств юридического лица перед кредиторами и (или) неуплате обязательных платежей;

- о неожиданном и необоснованном изменении состава учредителей предприятия;

- о фактах досрочных исполнений обязательств по договорам;

- о заключении заведомо убыточных сделок либо совершении иных действий, которые могут привести к крупным убыткам для предприятия;

- об открытии филиалов предприятия либо учреждении директором основной компании нескольких предприятий с передачей им части активов;

- о сокрытии от арбитражного управляющего или кредиторов информации об имуществе и его состоянии, изъятии

бухгалтерской или иной документации, ее умышленном уничтожении;

- о безвозмездной передаче денежных средств и иного имущества в сторонние организации;

- об искажении бухгалтерской отчетности» [7, с. 293 — 301].

И этот перечень далеко не исчерпывающий.

Выявление и обеспечение сохранности криминалистически значимой информации реализуется в двух формах: оперативной проверки, осуществляемой оперативными подразделениями, и следственной проверки одного из поводов к возбуждению уголовного дела, осуществляемой как органом дознания, так и следователем.

Как справедливо считает А.П. Елисеев, «при получении данных, указывающих на признаки криминального банкротства, необходимо осуществить такие ОРМ, как опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, в рамках которых с помощью налоговых органов необходимо:

- получить сведения о налогоплательщиках, по которым направлены в соответствующий арбитражный суд Российской Федерации заявления о признании должника несостоятельным (банкротом);

- установить, имеется ли у указанных организаций задолженность по налогам и сборам, принимались ли налоговым органом меры по ее принудительному взысканию;

- получить бухгалтерскую и налоговую отчетность, справки о наличии расчетных счетов для установления даты возникновения признаков неплатежеспособности, периода ухудшения финансового состояния должника и иных сведений;

- изучить наблюдательные дела с целью выявления фактов отчуждения имущества и денежных средств.

¹ О представлении оператором Единого федерального реестра сведений о банкротстве сводной информации о результатах процедур, применявшихся в деле о банкротстве, в федеральные органы исполнительной власти: Постановление Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2013 г. № 999 // Официальное опубликование правовых актов: сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201311080016> (дата обращения: 10.02.2026).

В последующем соответствующие материалы, включающие в себя документальные подтверждения неправомерных действий, передаются в органы предварительного следствия. Как показывает практика, для возбуждения уголовного дела по ст. 195–197 УК РФ должны быть соблюдены следующие условия:

на момент документирования признаков криминального банкротства должник в установленном законом порядке должен быть признан банкротом;

признаки неправомерных действий при банкротстве, преднамеренном и (или) фиктивном банкротстве должны быть установлены в заключении арбитражного управляющего по результатам анализа финансово-хозяйственной деятельности должника и подтверждены документами, на основании которых оно подготовлено» [4, с. 131–134].

Так, на момент возбуждения уголовного дела сумма ущерба составила 43 млн рублей. В ходе расследования установлено наличие между действующим генеральным директором ООО «Тавра» К. и бывшим генеральным директором А. корпоративного спора по вопросу отчуждения имущества организации. Согласно сведениям арбитражного управляющего, действия А. не содержат признаков криминального банкротства, а являются некомпетентными действиями руководителя коммерческой организации при отчуждении имущества общества. По результатам расследования 12 апреля 2022 года следственным органом вынесено постановление о прекращении уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с отсутствием в действиях А. состава преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ, оснований для отмены которого надзирающим прокурором не установлено¹.

Полагаем, что к основным направлениям повышения эффективности

¹ По информации из материалов прокуратуры субъектов Российской Федерации.

противодействия криминальным посягательствам в сфере банкротства относятся: совершенствование уголовного законодательства, связанного с криминализацией противоправных деяний в сфере банкротства; улучшение качества выявления, раскрытия и расследования указанных преступлений.

Кроме того, представляется, что вопрос обеспечения эффективного обмена информацией для своевременного выявления фиктивных сделок, неправомерного отчуждения имущества, дачи оценки подлинности представленных собственниками организации-должника документов при включении в реестр прав требований кредиторов, а также в целях установления аффилированности соответствующего круга лиц является весьма актуальным.

В данном контексте взаимодействие субъектов противодействия криминальным банкротствам должно реализовываться в том числе путем проведения согласованных мероприятий, направленных на нейтрализацию и устранение различного рода детерминант преступлений, предусмотренных ст. 195–197 УК РФ.

Выборочное исследование показало, что межведомственное взаимодействие чаще всего осуществляется в следующих формах: обмен информацией, участие в совместных проверках, предоставление соответствующих специалистов, консультации, проведение финансовых исследований. При этом компетентные контрольно-надзорные органы располагают реальной возможностью отследить всю цепочку движения материальных и нематериальных активов проверяемой организации, установить факт использования «фирм-однодневок».

Обмен информацией при применении процедуры банкротства в Российской Федерации строится на основе Закона о банкротстве и происходит через публичные и индивидуальные каналы.

К публичным источникам информации относятся:

ЕФРСБ, где содержатся сведения о всех значимых событиях по делу о банкротстве. Здесь можно найти следующие данные: сведения о введении процедур банкротства (наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство), решение о признании должника банкротом, отчеты арбитражного управляющего, сведения об инвентаризации имущества, оценке и торгах и др.;

картотека арбитражных дел, где приводятся все судебные акты и информация о движении дела о банкротстве, рассматриваемого арбитражным судом;

газета «Коммерсантъ», в которой обязательно публикуются сведения о введении процедур банкротства.

В соответствии с положениями ст. 20.3 Закона о банкротстве при выявлении признаков преднамеренного и фиктивного банкротства в порядке, установленном федеральными стандартами, арбитражный управляющий обязан сообщать о них лицам, участвующим в деле о банкротстве, в саморегулируемую организацию, членом которой является арбитражный управляющий, собранию кредиторов и в органы, к компетенции которых относятся возбуждение дел об административных правонарушениях и рассмотрение сообщений о преступлениях.

Кроме того, в ходе рассмотрения арбитражными судами Российской Федерации дел о банкротстве могут быть выявлены признаки, свидетельствующие о криминальном характере банкротства.

При этом в соответствии с требованиями ч. 4 ст. 188.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в случае, если при рассмотрении дела арбитражный суд обнаружит в действиях лиц, участвующих в деле, иных участников арбитражного процесса, должностных лиц или иных лиц признаки преступления, суд сообщает об этом в органы дознания или предварительного следствия. К сожалению,

информация, поступающая из данного источника, не систематизируется надлежащим образом.

Обязанность по выявлению признаков криминального банкротства также возложена и на налоговые органы.

Например, письмом Федеральной налоговой службы от 24 августа 2012 года № АС-4-2/14007@ «Об участии органов внутренних дел в выездных налоговых проверках»¹ Федеральная налоговая служба в целях качественного и полного сбора доказательственной базы по нарушениям законодательства о налогах и сборах, повышения эффективности совместной работы поручила налоговым органам в обязательном порядке инициировать привлечение сотрудников органов внутренних дел для участия в проводимых налоговыми органами выездных налоговых проверках при обнаружении признаков неправомерных действий при банкротстве, преднамеренного и фиктивного банкротства налогоплательщика.

Используются и другие способы межведомственного взаимодействия. Как правильно указывают ученые, основываясь на опыте правоприменительной практики, «проблемные вопросы, возникающие в области противодействия криминальным схемам в рамках дел о банкротстве, обсуждаются на заседаниях межведомственной рабочей группы налоговых, правоохранительных и следственных органов» [8, с. 48–50].

Например, в целях совершенствования межведомственного взаимодействия, оперативного обмена информацией и подготовки совместных мероприятий региональные прокуратуры принимают участие в ежеквартально

¹ Об участии органов внутренних дел в выездных налоговых проверках : письмо Федеральной налоговой службы от 24 августа 2012 г. № АС-4-2/14007@ // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/doc/pisto-fns-rossii-ot-24082012-n-as-4-214007/> (дата обращения: 10.02.2026).

проводимых управлением Федеральной налоговой службы по региону заседания межведомственной рабочей группы по противодействию незаконным финансовым операциям в отношении предприятий, имеющих признаки банкротства или находящихся в процедурах банкротства¹.

На основании изложенного с целью выработки эффективного алгоритма противодействия, направленного на предупреждение, выявление и пресечение противоправных деяний в сфере банкротства, полагаем разумным рассмотреть вопрос о разработке компетентными органами соответствующих методических рекомендаций для нейтрализации указанного негативного явления.

Кроме того, представляется целесообразным изучить вопрос о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2013 года № 999 «О представлении оператором Единого федерального реестра сведений о банкротстве сводной информации о результатах процедур, применявшихся в деле о банкротстве, в федеральные органы исполнительной власти», включив в обязанности оператора ЕФРСБ обязанность предоставлять соответствующую сводную информацию в органы прокуратуры с целью повышения эффективности их деятельности по профилактике правонарушений в соответствии со ст. 5 Федерального закона от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»².

Законодателю целесообразно разрешить арбитражным судьям размещать

информацию о признаках криминального банкротства в ЕФРСБ, расширив тем самым их полномочия. Это позволит оптимизировать процедуру информационного обмена по противодействию криминальным банкротствам, признаки которых уже установлены в том или ином судебном заседании.

Вместе с тем с целью обеспечения безопасности экономических отношений, более эффективного межведомственного взаимодействия для своевременного выявления фиктивных сделок, неправомерного отчуждения имущества, оценки подлинности представленных документов при включении в реестр прав требований кредиторов, установления аффилированности соответствующего круга лиц следует рассмотреть вопрос о выработке решения об издании совместного приказа заинтересованными органами об утверждении инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия криминальным банкротствам. На основе соответствующей инструкции могут быть регламентированы ключевые вопросы указанного межведомственного взаимодействия. При этом за образец при подготовке указанного приказа может быть взят совместный приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 511, Росфинмониторинга № 244, МВД России № 541, ФСБ России № 433, ФТС России № 1313, СК России № 80 от 21 августа 2018 года «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем»³.

¹ По информации из материалов прокуратур субъектов Российской Федерации.

² Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ : текст с изм. и доп. на 8 авг. 2024 г. Ст. 5 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102402071> (дата обращения: 10.02.2026).

³ Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 511, Росфинмониторинга № 244, МВД России № 541, ФСБ России № 433, ФТС России № 1313, СК России № 80 от 21 августа 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Васильева Н.С. Выявление преднамеренного банкротства в системе финансового менеджмента хозяйствующих субъектов : специальность 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит» : дис. ... канд экон. наук / Васильева Нина Сергеевна. Новосибирск, 2022. 225 с.
2. Барабаш А.С., Репецкая А.Л. Криминальное банкротство: компаративный анализ и проблемы законодательной регламентации в российском законодательстве // Сибирский юридический вестник. 2022. № 2 (97). С. 88 – 97.
3. Емельянова М.А. Противодействие криминальным банкротствам // ЭЖ-Юрист. 2016. № 19.
4. Елисеев А.П. Источники информации, свидетельствующие о признаках криминального банкротства // Аграрное и земельное право. 2020. № 2 (182). С. 131 – 134.
5. Субачев А.К. Проблемы установления обстановки совершения неправомерных действий при банкротстве // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 1. С. 120 – 127.
6. Борисова Л.В. О доказывании недобросовестности должника и защите прав и законных интересов кредиторов по делам о несостоятельности (банкротстве) граждан // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 8. С. 38 – 41.
7. Братко М.В., Лошаков А.С. Актуальные направления деятельности органов внутренних дел по диагностике и выявлению признаков преднамеренного банкротства предприятия // Актуальные вопросы современной науки и образования : сборник научных статей по материалам XX Международной научно-практической конференции, Киров, 19 – 23 апреля 2021 года. Москва : Моск. финансово-юрид. ун-т МФЮА, 2021. С. 293 – 301.
8. Балакирева К.С., Якупов Д.А. Органы и должностные лица, обязанные выявлять незаконные банкротства и неправомерные действия при банкротстве // Законность. 2016. № 5. С. 48 – 50.

Информация об авторе

П.А. Акименко – ведущий научный сотрудник Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

P.A. Akimenko – Senior Research Fellow at the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.8

О КРИМИНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УИС И РОССИЙСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (ЛАТЕНТНОСТЬ, СТРУКТУРА, ДИНАМИКА)

Антон Борисович БАУМШТЕЙН

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, 5068896@list.ru

Аннотация. Пенитенциарная преступность остается одним из наиболее латентных и управленчески чувствительных сегментов общей преступности, поскольку проявляется в условиях уже реализованного уголовно-правового принуждения — лишения свободы. В статье показано, что уровень латентности пенитенциарной преступности формируется сочетанием закрытости среды, субкультурного давления, зависимостей потерпевшего и учетных фильтров; структура преступности концентрируется вокруг насилия и принуждения, теневых рынков запрещенных предметов и противодействия режиму; динамика пенитенциарной преступности 2005–2025 гг. описывается через периодизацию по доминирующим факторам; криминальная ситуация предложена как система индикаторов раннего предупреждения. Эффективность профилактики пенитенциарной преступности требует перехода от набора мероприятий к управлению рисками: аудит учета, защита заявителя и потерпевшего, адресная работа с группами давления, антикоррупционная устойчивость персонала и синхронизация режимных, оперативных и психолого-воспитательных контуров.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, преступность осуждённых, латентность преступности, криминальная ситуация, виктимологическая безопасность, пенитенциарный рецидив, профилактика, учреждения УИС, риск-ориентированное управление.

Для цитирования: Баумштейн А.Б. О криминальной ситуации в учреждениях УИС и российской пенитенциарной преступности (латентность, структура, динамика) // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 14 – 23.

Original article

ON THE CRIMINAL SITUATION IN CORRECTIONAL FACILITIES AND RUSSIAN PENITENTIARY CRIME (LATENCY, STRUCTURE, AND DYNAMICS)

Anton B. BAUMSHTEIN

Southwest State University, Kursk, Russia, 5068896@list.ru

Abstract. Penitentiary crime remains one of the most latent and management-sensitive segments of overall crime, as it manifests within the context of already implemented criminal-law coercion, namely deprivation of liberty. The article demonstrates that the latency of penitentiary crime is driven by a combination of factors: the closed nature of the environment, subcultural pressure, the vulnerability and dependency of a victim, and statistical recording filters. Furthermore, the structure of such crime is concentrated around violence and coercion, illicit markets for prohibited items, and resistance to the prison regime. The author analyses the dynamics of penitentiary crime between 2005 and 2025 through periodization based on dominant contributing factors, and propos-

© Баумштейн А.Б., 2026

es to consider the criminal situation as a system of early warning indicators. Effective prevention of penitentiary crime requires a transition from a set of isolated measures to risk-based management. This includes auditing crime registration, protecting complainants and victims, conducting targeted interventions against informal pressure groups, ensuring the anti-corruption resilience of staff, and synchronizing the custodial, operational, and psychological-educational frameworks.

Keywords: penitentiary crime, inmate crime, crime latency, criminal situation, victimological safety, penitentiary recidivism, prevention, correctional facilities, risk-based management

For citation: Baumshtein A.B. On the criminal situation in correctional facilities and Russian penitentiary crime (latency, structure, and dynamics). *Criminalist*. 2026;3(56):14-23. (In Russ.).

Пенитенциарная преступность относится к числу наиболее сложных для изучения и профилактики разновидностей преступности. Ее принципиальная особенность состоит в том, что преступное поведение реализуется в условиях уже действующего уголовно-правового принуждения — отбывания наказания в виде лишения свободы. Следовательно, любой устойчивый объем преступности в местах изоляции выступает индикатором ограниченности исправительного потенциала наказания и одновременно индикатором дефектов институционального контроля, виктимологической защищенности и управленческих контуров безопасности.

Современные российские исследования фиксируют, что пенитенциарная преступность сохраняет стабильную проблемность и значимую латентность, а ее оценка по данным регистрации нуждается в осторожной интерпретации. Так, отмечаются трудности разграничения дисциплинарных нарушений и преступлений, а также зависимость статистической видимости от ведомственных практик учета и реагирования [1, с. 51]. Констатируются устойчивые тенденции и специфика преступности в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее также — УИС), в том числе роль закрытости среды и тюремной субкультуры [2, с. 84]. В литературе подчеркивается криминогенный эффект теневого рынка запрещенных предметов и их связь с насилием и вымогательством [3, с. 120]. Отдельный пласт составляют рабо-

ты, ориентированные на предупреждение пенитенциарной преступности как системную задачу управления [4, с. 124]. Анализ организационных проблем профилактики — включая межслужебную координацию и практики реагирования — показывает, что набор мероприятий сам по себе не гарантирует снижения рисков без корректного учета и риск-аналитики [5, с. 48].

Концептуально важным достижением отечественной криминологии стало обоснование категории «криминальная ситуация» применительно к уголовно-исполнительной системе: она позволяет описывать не только факты преступлений, но и совокупность условий и индикаторов, предшествующих эскалации насилия, формированию групп давления, росту теневого рынка и противодействию законным требованиям администрации [6, с. 21]. В виктимологическом измерении доказано, что защита потерпевшего и заявителя в местах лишения свободы является самостоятельным критерием эффективности профилактики, поскольку страх реталиации и зависимость от неформальных структур власти порождают невидимых потерпевших и закрепляют латентность [7, с. 281]. Анализ виктимогенных факторов насилия в местах лишения свободы дополнительно показывает, что статистическое благополучие может маскировать высокий уровень внутрисредового принуждения [8, с. 76].

Феномен пенитенциарного рецидива (преступной активности в период отбы-

вания наказания) рассматривается как особая форма продолжения криминальной карьеры, сопряженная с сохранением неформальных связей, перераспределением статусов и ресурсов внутри учреждения [9, с. 78]. В криминологической плоскости детерминанты пенитенциарной преступности раскрываются через комплекс факторов: личностные характеристики, микросредовые конфликты, организационные уязвимости и доступность запрещенных предметов [10, с. 75]. Исследования преступности осужденных в исправительных учреждениях показывают, что структура преступности смещается вокруг насильственного и принудительного ядра, а также вокруг экономических механизмов зависимости и долговых цепочек [11, с. 56].

Практико-ориентированный сегмент исследований посвящен специфике профилактического воздействия в условиях изоляции, где эффективность зависит от точности диагностики рисков, от доверия к легальным каналам защиты и от синхронизации режимно-надзорного, оперативного и воспитательного контуров [12, с. 230]. Значимую роль играет анализ личности осужденного, склонного к дезорганизации деятельности учреждения, поскольку именно такие субъекты часто выступают организаторами конфликтов, каналов теневого влияния и насилия [13, с. 287]. Наконец, доказано, что психотерапевтические и психологические технологии воздействия на осужденных способны снижать уровень агрессии и конфликтности, однако их эффект ограничен при доминировании субкультурных норм и теневой экономики [14, с. 334]. Важным криминогенным компонентом выступает и профессиональная деформация персонала УИС, влияющая на коррупционные риски, качество реагирования и уровень доверия к легальным механизмам защиты [15, с. 75].

Цель статьи — предложить целостную модель анализа пенитенциарной преступности в Российской Федерации в 2005–2025 годах через четыре взаимосвязанных блока: **латентность, структура, динамика и криминальная ситуация** в учреждениях УИС — с учетом уголовно-правовых ориентиров (Уголовного кодекса Российской Федерации, далее также — УК РФ, Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации (по назначению наказания, коррупционным преступлениям, наркопреступлениям) и практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по делам о преступлениях в местах лишения свободы.

Методологическая рамка исследования построена на сочетании: (1) системного подхода (пенитенциарная преступность как подсистема общей преступности и как функция институциональной среды), (2) криминологического анализа детерминант (факторные группы: личностные, микросредовые, организационные, ситуационные), (3) виктимологического подхода (механизмы вторичной виктимизации и латентности), (4) элементов ситуационного анализа (оценка возможностей совершения преступления и «окна» управленческого контроля), (5) риск-ориентированного управления (индикаторы раннего предупреждения, карты рисков, аудит учета).

Зарубежные модели используются не как универсальные объяснения, а как сравнительные инструменты, позволяющие точнее артикулировать механизмы: (а) модель импортирования (внос криминальных установок и субкультурных норм), (б) модель депривации (порождающее влияние условий изоляции), (в) ситуационные модели и логика рутинной

активности, объясняющие зависимость преступности от структуры возможностей и контроля [16, р. 144; 17, р. 590]. В части эмпирической криминологии тюремного насилия и дисциплинарных нарушений используются выводы о совокупном действии депривационных, импортирующих и ситуационных факторов, а также о предсказуемости пенитенциарного проступка/преступления по совокупности риска [18, р. 340; 19, р. 420; 20, р. 210].

Для периода 2005 – 2025 годов принципиально важен тезис: динамика зарегистрированных показателей не тождественна динамике реального явления, поскольку на «видимость» влияют латентность и изменчивость учетных практик. Поэтому в статье применяется периодизация по доминирующим факторам, а не построение чистых рядов без поправок на закрытость и фильтрацию.

Результаты и обсуждение

1. Понятийные границы и объект анализа.

В российской научной традиции пенитенциарную преступность чаще всего связывают с преступностью осужденных в период отбывания лишения свободы, подчеркивая уникальность субъекта и режимно-правового контекста [2, с. 83]. Вместе с тем практический анализ криминальной ситуации в учреждениях УИС неизбежно выводит к системным связям между преступностью осужденных и преступными практиками иных участников пенитенциарных отношений (включая персонал и внешних посредников), прежде всего в сфере запрещенных предметов, коррупционных каналов и покровительства теневым рынкам [3, с. 121].

Для целей настоящей статьи пенитенциарная преступность понимается как совокупность преступлений, совершаемых: (а) осужденными в местах изоляции в период отбывания наказания, (б) ины-

ми лицами в связи с исполнением наказания, если деяние функционально связано с режимом, безопасностью, правами осужденных и (или) незаконными теневыми практиками пенитенциарной среды. Такая дефиниция позволяет корректно увязать структуру преступности с категорией криминальной ситуации и механизмами латентности.

Уголовно-правовая рамка объекта задается нормами Уголовного кодекса Российской Федерации о преступлениях против личности, против порядка управления и правосудия, наркопреступлениях и др., а также нормами Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, определяющими режим, права и обязанности осужденных и полномочия администрации. Особое место занимают составы, прямо связанные с функционированием мест лишения свободы: побег из места лишения свободы (ст. 313 УК РФ), дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), преступления против представителей власти, а также преступления, совершаемые посредством незаконного оборота запрещенных предметов.

2. Латентность: механизмы, уровни и «учетные фильтры».

2.1. Естественная латентность.

Пенитенциарная среда по своей природе закрыта, а отношения в ней асимметричны: потерпевший и свидетель зачастую находятся в зависимости от неформальных групп, подвергаются риску санкций со стороны субкультуры и не обладают свободой выбора стратегии поведения. Это формирует естественную латентность, особенно по эпизодам насилия, вымогательства, унижений, сексуальных посягательств и экономики принуждения [7, с. 282; 8, с. 76]. В таких ситуациях отсутствие заявлений является не показателем отсутствия преступности, а маркером высокого уровня страха и неэффективности каналов защиты.

Виктимологические исследования показывают, что в местах лишения свободы возникают невидимые потерпевшие: субъект предпочитает молчание, поскольку обращение к администрации может привести к ухудшению положения в отряде, утрате статуса, повторной виктимизации [7, с. 283]. Это принципиально отличает пенитенциарную преступность от открытой: здесь правовая реакция часто блокируется не столько отсутствием факта, сколько отсутствием возможности безопасной коммуникации.

2.2. Искусственная (учетная) латентность.

Наряду с естественной латентностью существенную роль играет искусственная латентность, обусловленная практиками учетной фильтрации: подмена уголовно-правового реагирования дисциплинарным, квалификационные ошибки, организационные стимулы демонстрировать управляемость и благополучие. В литературе подчеркивается, что профилактический дискурс иногда приводит к парадоксальному эффекту: стремление снизить показатели стимулирует не снижение реальной преступности, а изменение режима регистрации [5, с. 48].

Критически важно: дисциплинарное нарушение режима и уголовно наказуемое деяние имеют различную природу, разные доказательственные стандарты и различные последствия для безопасности учреждения. Подмена уголовно-правовой реакции дисциплинарной разрушает принцип неотвратимости ответственности и снижает превентивный эффект наказания, особенно по насильственным посягательствам.

2.3. Практический вывод по латентности.

Латентность в пенитенциарной сфере требует специальных инструментов диагностики: индикаторов травматизма, сигналов психологической службы, анализа конфликтности по отрядам, мониторинга долговых зависимостей и тене-

вых рынков [6, с. 22]. Без этих контуров регистрационная статистика неизбежно будет неполной и может вводить в заблуждение при оценке динамики.

3. Структура пенитенциарной преступности: «ядро», периферия и теневые рынки.

3.1. Насилие и принуждение как структурное ядро пенитенциарной преступности.

Структурное ядро пенитенциарной преступности образуют насильственные и принудительные практики: причинение вреда здоровью, угрозы, вымогательство, внутрисредовые санкции, давление на свидетелей и потерпевших. Исследования виктимогенных факторов подтверждают, что насилие в местах лишения свободы часто является механизмом поддержания неформальной иерархии и распределения ресурсов [8, с. 77]. Наличие устойчивых групп давления повышает риск эскалации конфликтов до форм, подпадающих под ст. 321 УК РФ, когда происходит противодействие законным требованиям администрации, насилие в отношении сотрудников или угрозы такого насилия.

Для уголовно-правовой оценки принципиально важно учитывать контекст: одинаковый формальный набор действий может быть проявлением спонтанного конфликта либо элементом организованного принуждения. Поэтому судебные ориентиры по назначению наказания (индивидуализация, учет обстоятельств, личности виновного, характера и степени общественной опасности) выступают ключевым правовым инструментом «корректировки» криминологической сложности в уголовно-правовую меру. В этом смысле постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» имеет значение и для пенитенциарных преступлений, совершаемых в период отбывания лишения свободы.

3.2. Теневые рынки запрещенных предметов и криминогенный эффект дефицита.

Второй структурный контур — теневые рынки запрещенных предметов, прежде всего наркотиков и средств связи. Даже относительно малый объем запрещенных предметов в условиях дефицита порождает непропорционально высокий криминогенный эффект: формируются долговые зависимости, вымогательство, коррупционные каналы, насилие за контроль над поставками [3, с. 121]. Связь теневого рынка с насилием объясняется тем, что в пенитенциарной среде легальные способы защиты права и взыскания долга ограничены, а потому на первый план выходят принуждение и неформальные санкции.

Детерминанты пенитенциарной преступности в значительной мере концентрируются вокруг этой экономико-субкультурной связки: доступ к запрещенным ресурсам становится источником власти и статуса, а сопротивление администрации и давление на потерпевших — способом сохранения контроля [10, с. 76].

3.3. Пенитенциарный рецидив как продолжение криминальной карьеры.

Пенитенциарный рецидив характеризуется тем, что преступная активность продолжается внутри учреждения, часто в форме организаторской роли: управление «общаком», контроль теневого рынка, координация давления [9, с. 78]. Важный криминологический аспект — сохранение внешних связей через незаконные средства коммуникации и посредников, что усиливает необходимость оценивать пенитенциарную преступность как связанную с внешней преступностью систему.

4. Динамика пенитенциарной преступности за 2005 — 2024 годы и 2025 год (предварительные данные): обоснование периодизации по доминирующим факторам.

Для временного ряда 2005 — 2024 годов некорректно исходить из линейной

динамики: показатели преступности в учреждениях УИС зависят не только от реального уровня криминальной активности, но и от изменчивости учетных практик, трансформации режима и профилактических технологий, кадровых колебаний, колебаний каналов поступления запрещенных предметов, изменения состава контингента, а также внешних ограничений. Существенное влияние оказали эпидемиологические меры 2020–2021 годов, которые изменили режим, коммуникации и интенсивность контрольных мероприятий. В совокупности указанные условия формируют «разрывы» ряда и изменяют статистическую видимость преступности.

В целях корректной интерпретации динамики и последующего анализа структуры и латентности целесообразно использовать периодизацию по доминирующим факторам — тем условиям, которые в конкретный интервал преимущественно определяют либо интенсивность криминальных проявлений, либо вероятность их выявления и регистрации.

Предлагается следующая рабочая периодизация:

2005 — 2009 годы — этап адаптации управленческих и учетных процедур и контингентных эффектов: высокая доля внутрисредовых конфликтов и насильственных проявлений сочетается с нестабильностью фиксации событий, что повышает риск статистических колебаний за счет различий в практиках регистрации;

2010 — 2014 годы — усиление профилактического дискурса и организационных мер: при росте внимания к предупреждению преступлений повышается риск учетной фильтрации, когда уголовно-правовая реакция подменяется дисциплинарной, что снижает сопоставимость показателей во времени [4, с. 125];

2015 — 2019 годы — нормативная и практическая стабилизация: возрастает роль судебных ориентиров Верховного Суда Российской Федерации и стандар-

тизации реагирования, формируются более устойчивые подходы к квалификации и индивидуализации ответственности;

2020 — 2024 годы — внешние ограничения и цифровой фактор: изменение каналов коммуникации и поставок, повышение значимости незаконных средств связи как инфраструктуры теневой экономики и координации давления, а также эффекты ограничительных мер 2020 — 2021 годов, влияющие на режим, контроль и выявляемость;

2025 год (предварительные данные) — показатели рассматриваются как предварительные и приводятся справочно; они не включаются в расчеты долгосрочных трендов и периодных сравнений до публикации итоговой статистики и проверки сопоставимости методики учета.

Предложенная периодизация не претендует на универсальность; ее назначение — снизить методологический риск прямого сопоставления регистрационных чисел без учета латентности, управленческих изменений и факторов выявляемости.

5. Криминальная ситуация в учреждениях УИС: индикаторы и сценарии.

Категория криминальной ситуации в УИС полезна тем, что связывает криминологический анализ с практикой управления рисками. Криминальная ситуация отражает совокупность условий и тенденций в учреждении: уровень конфликтности, устойчивость групп давления, насыщенность теневого рынка, качество режимного контроля, кадровую стабильность и профессиональную устойчивость персонала [6, с. 22].

На практике целесообразно выделять индикаторы четырех типов:

конфликтно-насильственные. Рост травматизма, косвенные признаки принуждения, учащение угроз, психологические маркеры (тревожность, отказ от участия в мероприятиях, социальная изоляция потерпевших) [7, с. 284];

режимные. Рост нарушений режима, формирование устойчивого противодействия законным требованиям администрации, признаки подготовки к групповым конфликтам. Эти индикаторы важны для предупреждения эскалаций, потенциально подпадающих под ст. 321 УК РФ;

рыночные. Изменение «цен» на запрещенные предметы, рост долговых цепочек, появление посреднических фигур, что обычно коррелирует с вымогательством и насилием [3, с. 122];

кадрово-организационные. Текучесть кадров, снижение этических стандартов, профессиональная деформация, рост коррупционных рисков и «выученной беспомощности» в реагировании [15, с. 75].

Сценарно криминальная ситуация может развиваться по тихому типу (рост латентного насилия при внешнем благополучии) либо по взрывному типу (быстрые эскалации конфликтов). И в том, и в другом случае упреждающее управление возможно только при наличии индикаторов и доверительных каналов сообщения.

6. Личность осужденного и «пенитенциарная адаптация»: отечественные выводы и зарубежные модели.

Отечественные исследования личности осужденного, склонного к дезорганизации деятельности учреждения, показывают устойчивую связь между типом криминогенных установок и выбором способов противодействия режиму: ориентация на доминирование, высокая конфликтность, использование насилия как инструмента статуса [13, с. 288]. В смежных работах подчеркивается взаимосвязь личностных свойств пенитенциарных преступников с особенностями совершения преступлений и их ситуативной приспособленностью к закрытой среде [13, с. 289].

Зарубежные подходы позволяют точнее формализовать эти механизмы. Модель импортирования (*inmate culture*)

объясняет перенос криминальных норм и иерархий в пенитенциарную среду и их воспроизводство в условиях изоляции [16, р. 146]. Логика рутинной активности и ситуационного подхода подчеркивает зависимость преступности от структуры возможностей, контроля и рутины взаимодействий: при изменении контроля, или «окон доступа», меняется и преступная активность [17, р. 594]. Комплексные исследования тюремного насилия и порядка в учреждениях показывают, что насилие является одновременно продуктом условий (депривации) и механизмом установления социального порядка в среде дефицита [18, р. 214].

С практической точки зрения вывод сводится к следующему: индивидуальная профилактика должна синхронизироваться с управлением криминальной ситуацией. Психотерапевтические и психологические технологии способны снижать агрессию и конфликтность, но их эффект ограничен при доминировании групп давления и теневых рынков [14, с. 335]. Следовательно, гуманитарные технологии воздействия необходимы, но недостаточны: без нейтрализации структур принуждения они оказываются поглощенными субкультурой.

7. Персонал УИС и коррупционно-деформационный контур.

Пенитенциарная преступность не может быть объяснена без анализа персонала как элемента институционального контроля. Профессиональная деформация снижает качество реагирования, увеличивает коррупционные риски, формирует толерантность к нарушениям и способствует латентности [15, с. 75]. В результате теневые рынки получают дополнительную устойчивость, а потерпевший — меньше оснований доверять легальным механизмам защиты.

Юридически значимым инструментом противодействия коррупционным практикам являются разъяснения Пле-

нума Верховного Суда Российской Федерации по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях. Они задают стандарты оценки посредничества, предмета и размера взятки, квалификации действий должностных лиц, что важно для пресечения коррупционных каналов вокруг учреждений.

8. Риск-ориентированная профилактика: от «мероприятий» к управлению.

Исследования профилактического воздействия в условиях изоляции показывают, что эффективность определяется не количеством мероприятий, а точностью диагностики и адресностью воздействия [12, с. 231]. Организационные проблемы профилактики (координация работы служб, обмен данными, стандарты фиксации и реагирования) остаются центральными [5, с. 48].

Предлагаемая риск-ориентированная модель включает следующие блоки:

1) аудит учета нарушений и снижение искусственной латентности. Регулярная проверка случаев перевода уголовно-правовых фактов в дисциплинарные, контроль квалификационных решений, разделение показателей дисциплинарных проступков и преступности;

2) защита заявителя и потерпевшего как ключ к снижению естественной латентности. Безопасные каналы сообщения, режимы конфиденциальности, минимизация риска реталиации, виктимологическая поддержка [7, с. 285];

3) адресная работа с группами давления и теневыми рынками. Выявление экономики принуждения, долговых цепочек, посредников; упреждающее разоблачение устойчивых структур [3, с. 123];

4) антикоррупционная устойчивость персонала. Ротации, контроль конфликтов интересов, этические стандарты, проверка сигналов; профилактика профессиональной деформации [15, с. 76];

5) синхронизация режимного, оперативного и психолого-воспитательного контуров. Психотерапевтические и пси-

хологические технологии должны сочетаться с реальным снижением структур принуждения и рисков [14, с. 336].

В уголовно-правовом измерении профилактика поддерживается судебными ориентирами по назначению наказания (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 (ред. от 23 декабря 2025 года) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания») и по квалификации наркопреступлений (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 года № 32 (ред. от 9 декабря 2025 года) «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»), поскольку именно наркоконтур часто запускает цепочки насилия и вымогательства.

Пенитенциарная преступность в Российской Федерации в 2005 – 2025 годах характеризуется сочетанием высокой латентности, структурной концентрации вокруг насилия и принуждения, устойчивостью теневых рынков запрещенных предметов и зависимостью динамики от управленческих и учетных факторов. Регистрационная статистика без анали-

за латентности и учетных фильтров не отражает реальный уровень криминальных рисков и способна создавать иллюзию благополучия. Категория криминальной ситуации в учреждениях УИС позволяет перейти от констатации фактов к управлению рисками: индикаторы раннего предупреждения, карты рисков, адресные меры против групп давления и коррупционных каналов.

Ключевой вывод заключается в необходимости перехода от профилактики как набора мероприятий к профилактике как управлению: аудит учета, виктимологическая защита потерпевшего и заявителя, антикоррупционная устойчивость персонала и синхронизация режимного, оперативного и психолого-воспитательного контуров. При таком подходе уголовно-правовые ориентиры Верховного Суда Российской Федерации (по назначению наказания, коррупционным преступлениям, наркопреступлениям) приобретают прикладное значение: они обеспечивают единообразие квалификации и индивидуализации ответственности, повышая предсказуемость и профилактический эффект правоприменения.

Список источников

1. Федотова Е.Н. Современное состояние пенитенциарной преступности в России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 8. С. 50 – 55.
2. Репецкая А.Л., Сутурин М.А. Российская пенитенциарная преступность: состояние и тенденции // Сибирский юридический вестник. 2019. № 4 (87). С. 82 – 88.
3. Фумм А.М., Яковлева О.Н. Пенитенциарные преступления: детерминанты и современное состояние // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3. С. 118 – 124.
4. Хохрин С.А. Предупреждение пенитенциарной преступности: проблемы и пути решения // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 122 – 128.
5. Потоцкий Н.К. О проблемах организации предупреждения преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Российский пенитенциарный журнал. 2020. № 1. С. 47 – 49. DOI: 10.24411/2687-0185-2020-10013.
6. Гирько С.И. Криминальная ситуация в уголовно-исполнительной системе: криминологический анализ и предложения по ее изменению // Научный портал МВД России. 2021. № 2 (54). С. 19 – 25.
7. Смирнов А.М. Виктимологическая безопасность осужденных к лишению свободы // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 2. С. 277 – 289. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).277-289.
8. Патрушев Е.В. Виктимогенные факторы насильственной преступности в местах лишения свободы // Юридическая наука. 2018. № 6. С. 74 – 80.

9. Филиппова О.В., Садовникова М.Н. Пенитенциарный рецидив и пенитенциарная политика // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2 (77). С. 76–80.
10. Киселев А.И., Егоров О.Н. Криминогенные детерминанты и предупреждение пенитенциарной преступности // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. Т. 1, № 4 (15). С. 73–78.
11. Красильникова М.С. Преступность осужденных в исправительных учреждениях: криминологический анализ // Вестник Кузбасского института. 2020. № 3 (44). С. 52–63.
12. Тищенко Ю.Ю. Некоторые особенности профилактического воздействия в условиях изоляции // Человек: преступление и наказание. 2019. № 3. С. 228–232. DOI: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.228-232.
13. Акчурин А.В. Личность типичного осужденного, дезорганизирующего деятельность исправительного учреждения // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15, № 3. С. 285–291. DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-3-285-291.
14. Антонян Ю.М., Красикова Ю.Ю., Савельева Т.И. Психотерапевтические возможности воздействия на осужденных // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26, № 3. С. 331–339.
15. Анфиногенов В.А. Профессиональная деформация сотрудников уголовно-исполнительной системы // Социально-экономические и общественные науки. 2018. № 8. С. 74–76.
16. Irwin J., Cressey D.R. Thieves, Convicts and the Inmate Culture // Social Problems. 1962. Vol. 10, No. 2. P. 142–155.
17. Cohen L.E., Felson M. Social Change and Crime Rate Trends: A Routine Activity Approach // American Sociological Review. 1979. Vol. 44, No. 4. P. 588–608.
18. Bottoms A.E. Interpersonal Violence and Social Order in Prisons // Crime and Justice: A Review of Research. 1999. Vol. 26. P. 205–281.
19. Jiang S., Fisher-Giorlando M. Inmate Misconduct: A Test of the Deprivation, Importation, and Situational Models // The Prison Journal. 2002. Vol. 82, No. 3. P. 335–358.
20. Gendreau P., Goggin C., Law M. Predicting Prison Misconducts // Criminal Justice and Behavior. 1997. Vol. 24, No. 4. P. 414–431.

Информация об авторе

А.Б. Баумштейн – профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

A.B. Baumshtein – Professor at the Department of Criminal Law, Southwest State University, Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343

КОЛЛИЗИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СТАТУСОВ СВИДЕТЕЛЯ И ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ УГОЛОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Андрей Александрович БОЯРИНЦЕВ

Прокуратура Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия, 2400910@inbox.ru

Аннотация. В статье приводится анализ правовых позиций Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации по вопросу определения процессуального статуса лица, проверяемого на причастность к расследуемому преступлению, выдвигается тезис об усилении процессуальных гарантий прав подобных участников с момента начала осуществления персонифицированной обвинительной деятельности, недопустимости коллизии процессуального статуса свидетеля и лица, в отношении которого осуществляется скрытая обвинительная деятельность.

Ключевые слова: обвиняемый, свидетель, гарантии процессуальных прав, допрос

Для цитирования: Бояринцев А.А. Коллизия процессуальных статусов свидетеля и лица, в отношении которого ведется уголовное производство // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 24 – 29.

Original article

COLLISION OF PROCEDURAL STATUSES OF A WITNESS AND A PERSON SUBJECT TO CRIMINAL PROCEEDINGS

Andrei A. BOYARINTSEV

Prosecutor's Office of St. Petersburg, St. Petersburg, Russia, 2400910@inbox.ru

Abstract. The article analyses the legal positions of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation regarding the determination of the procedural status of a person being examined for involvement in a crime under investigation. The author argues that procedural guarantees for such participants must be strengthened from the moment individualized accusatory activity begins. The article also substantiates the inadmissibility of a conflict between the procedural status of a witness and that of a person in respect of whom covert accusatory activity is conducted.

Keywords: accused, witness, guarantees of procedural rights, interrogation

For citation: Boyarintsev A.A. Collision of procedural statuses of a witness and a person subject to criminal proceedings. Criminalist. 2026;3(56):24-29. (In Russ.).

Закрепленная в статье 51 (ч. 1) Конституции Российской Федерации гарантия, состоящая в освобождении любого

лица от обязанности давать показания, способные ухудшить положение его самого или его близких, является одной

© Бояринцев А.А., 2026

из важнейших предпосылок реального соблюдения прав и свобод человека и гражданина и проистекает из презумпции невиновности, закрепленной в ст. 49 Конституции Российской Федерации и ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Именно в уголовном судопроизводстве, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, действие данной гарантии проявляет себя более всего, поскольку именно здесь лицо сталкивается с возможностью использования сообщаемой им информации для осуществления в отношении его или его близких публично-правового преследования.

Самой распространенной формой вовлечения лица в процессуальную деятельность является производство его допроса.

Как правило, в качестве свидетелей допрашиваются лица, осведомленные об исследуемых обстоятельствах. В круг таких лиц входят и потенциальные подозреваемые (обвиняемые).

В пункте 5.1 Постановления от 5 марта 2026 года № 12-П Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что разграничение показаний свидетеля и показаний лица, в отношении которого ведется производство по делу, и, соответственно, их процессуальных статусов является традиционным для российского права и воспринято законодателем (ст. 25.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; далее — УПК РФ). Это разграничение основывается на признании за лицом, в отношении которого ведется производство по делу, особого статуса в целях предоставления ему возможностей защищаться от обвинения.

Согласно Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 года № 17-П само по себе распространение правил допроса свиде-

теля на процедуру дачи показаний лицом, уголовное дело которого выделено в отдельное производство, в судебном заседании по основному уголовному делу не превращает его — в системе действующего правового регулирования — в свидетеля в собственном смысле этого слова (как относящегося к иным, помимо сторон обвинения и защиты, участникам судопроизводства), поскольку такое лицо одновременно является по выделенному уголовному делу обвиняемым в совершении преступления, в котором в рамках основного уголовного дела обвиняются его возможные соучастники.

Подробно анализируя процедуры вовлечения лица в мероприятия налогового контроля, высшая судебная инстанция конституционного контроля отметила, что, во всяком случае, налогоплательщик, вызванный в налоговый орган для дачи пояснений, вправе рассчитывать на присущие производству по делу о налоговом правонарушении процессуальные гарантии и до его формального возбуждения в связи с составлением акта налоговой проверки, в котором зафиксированы признаки состава конкретного правонарушения.

В контексте налоговой проверки значимость права налогоплательщика не свидетельствовать против себя и своих близких подтверждается и тем, что по результатам проверки и привлечения к налоговой ответственности он может столкнуться не только с налоговыми доначислениями и необходимостью уплаты налоговых санкций, но и с иницированием его уголовного преследования.

Отметим, что право на защиту от административного или уголовного преследования за совершение налогового деликта возникает у соответствующего субъекта правоотношений до непосредственного проведения налоговым органом действий по его привлечению к ответственности, в момент начала процессуальной деятельности соответствующих должностных лиц, по результатам

которой может встать вопрос о наличии признаков соответствующего преступления или иного правонарушения.

Конституционный Суд Российской Федерации особо подчеркнул, что в случае направленности деятельности уполномоченного органа на проверку причастности конкретного лица к совершаемому правонарушению, в том числе когда все необходимые признаки такого деликта еще не установлены в соответствующих процедурах, оно должно иметь весомые процессуальные гарантии защиты от подобной деятельности со стороны государства. При этом само содержание этих гарантий не раскрыто.

Не придает иного смысла и взгляд на схожие правоотношения, возникающие при попадании лица в орбиту следственной деятельности, когда предметом соответствующей уголовно-процессуальной деятельности является оценка фактических обстоятельств дела.

Однако здесь же Конституционный Суд Российской Федерации, по нашему мнению, делает важнейшую оговорку, объявляя, что сама по себе вероятность наличия у лица заинтересованности в исходе дела — в условиях, когда может иметь место неопределенность в вопросе о субъекте деяния, установление которого относится к предмету деятельности правоприменительного органа, осуществляющего производство по делу (преследование и привлечение к публичной ответственности), — не означает недопустимости признания его свидетелем.

Данная позиция отсылает к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2024 года № 37-П, где отмечается, что при невозможности совмещения процессуальных статусов различных участников уголовного процесса в ситуации, когда еще не выяснены значимые обстоятельства дела, касающиеся причастности конкретных лиц к криминальному событию, действующее регулирование

и основанная на нем правоприменительная практика не исключают допрос в качестве свидетеля потенциального (предполагаемого) подозреваемого лица, которому могут быть известны обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения дела. Проверка позиции стороны защиты о невиновности или непричастности подозреваемого либо обвиняемого к преступлению и о наступлении преступных последствий в результате деяний иных лиц осуществляется при отсутствии официальных подозрений, в том числе путем их допроса в качестве свидетелей.

Анализ приведенных правовых позиций позволяет выделить их некоторую нелогичность и несогласованность в оценке роли лица, в отношении которого ведется производство по делу.

Так, базово не допуская смешения процессуальных статусов свидетеля и уголовно преследуемого лица, одновременно презюмируется возможность наделения статусом свидетеля заинтересованного участника расследования, в отношении которого, по существу, уже осуществляется обвинительная деятельность.

Напомним, что согласно Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П лицу, в отношении которого осуществляется скрытая обвинительная деятельность, в соответствии с ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации должны быть обеспечены условия, позволяющие получить должное представление о его правах и обязанностях, о выдвигаемом против него обвинении, следовательно, эффективно защищаться, и гарантирующие в дальнейшем защиту от признания недопустимыми полученных в ходе расследования доказательств.

В Постановлениях от 11 июля 2024 года № 37-П и от 5 марта 2026 № 12-П Конституционный Суд Российской Фе-

дерации не касается того обстоятельства, что «заинтересованный свидетель», потенциально способный стать впоследствии подозреваемым (обвиняемым), в силу сложившейся правоприменительной практики в отличие от свидетеля не является надлежащим субъектом преступлений, предусмотренных ст. 307 и 308 УК РФ, а его показания, полученные при допросе в статусе свидетеля, не являются надлежащим средством доказывания выдвинутого в отношении его подозрения или обвинения.

В данной ситуации приходится говорить о некоем смещении акцента с обеспечения реальной защиты прав личности исходя из ее фактического положения в деле в сторону следственного усмотрения, когда объем соответствующих прав и обязанностей лица ставится в зависимость от принятия либо неприятия соответствующих процессуальных решений.

Также остается не вполне понятным, в каком виде предполагается существование преемственности результатов процессуальной деятельности лица в качестве свидетеля по собственному уголовному делу и их дальнейшее использование в доказывании после официального придания лицу соответствующего статуса.

Если же такая преемственность вовсе не подразумевается, то какая цель преследуется при допущении подобной практики?

Затронутая нами проблематика отнюдь не ограничивается лишь теоретическими измышлениями, а носит определенный практический характер.

Так, исключая из приговора Рязанского областного суда от 17 июля 2020 года, апелляционного определения Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 9 сентября 2020 года в отношении О. ссылку на показания допрошенных в качестве свидетелей сотрудников полиции Г. и Н. в части обстоятельств

совершенного О. в отношении потерпевшего З. преступления, ставших им известными в ходе проводимой с О. беседы на месте происшествия, куда они прибыли после получения сообщения о поджоге, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации вновь напомнила о недопустимости использования для обоснования обвинения показаний лица, полученных без соблюдения установленной процедуры, без участия защитника.

Тем самым подчеркнута исключительная важность закрепления показаний уголовно преследуемого лица в надлежащих процедурах, предполагающих не только соответствующую форму, но и обеспечение надлежащих гарантий для такого лица, которые не ограничиваются одним лишь участием в допросе адвоката-защитника.

Принимая во внимание, что совмещение процессуальных статусов двух рассматриваемых участников процесса недопустимо, а их положение и объем прав и интересов различны, возможно сделать вывод о том, что процессуальная форма закрепления показаний заподозренного лица не позволит в дальнейшем использовать их в качестве доказательств вины последнего при придании ему статуса подозреваемого (обвиняемого).

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2026 года № 12-П констатируется наличие коллизии процессуальных статусов свидетеля и лица, в отношении которого ведется производство по делу, которая проявляется в случае признания налогоплательщика, в отношении которого проводится выездная налоговая проверка, свидетелем и его допроса в таком качестве об обстоятельствах, связанных с предметом проверки.

Несмотря на то, что в приведенном случае объектом оценки со стороны Конституционного Суда Российской Федерации являлись отношения, воз-

никающие между налоговым органом и налогоплательщиком при реализации соответствующих контрольных процедур, указанные обстоятельства не теряют своей актуальности и при их переносе на взаимоотношения, возникающие при необходимости допроса представителя налогоплательщика по обстоятельствам расследуемого следственным органом преступления, предусмотренного ст. 198 – 199.2 УК РФ.

Конструкция составов указанных преступлений предполагает специальный субъект преступления, под которым в общем виде понимается лицо, на которое в соответствии с законодательством о налогах и сборах возложена обязанность по исчислению и уплате в соответствующий бюджет налогов, сборов, страховых взносов, по представлению в налоговые органы налоговой декларации и иных документов, необходимых для осуществления налогового контроля, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным, либо его представитель (пп. 6 и 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 года № 48). На практике уголовные дела о таких преступлениях преимущественно возбуждаются по признакам преступления, а не в отношении конкретного лица, которое автоматически становится объектом уголовного преследования без формально определенного статуса подозреваемого.

Подобная практика организации расследования с «выводом за скобки проверяемого на причастность» формально не противоречит действующему законодательству, однако, на наш взгляд, при таком подходе возможности для защиты от осуществляемой персонально обвинительной деятельности со стороны государства существенно сужаются, прежде всего за счет ограничения доступа к информации о проводимом расследовании.

В этой связи нуждается в признании тот факт, что положение лиц, в отношении которых осуществляется производство по уголовному делу, не ограничивается лишь формальным наделением их статусом подозреваемого и обвиняемого. Признание данного факта и обособление процессуального положения лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность, позволяет обосновать запрос на предоставление таким лицам надлежащих гарантий обеспечения их прав и законных интересов с момента фактического признания подозреваемым [1].

В данном контексте уместно вспомнить слова М.Л. Якуба о том, что «обвиняемый» — не технический термин, которым обозначают подследственное лицо, а термин, выражающий процессуальное положение лица в деле, его отношение к делу по существу. И в этом смысле соучастник остается обвиняемым и после его осуждения, обратное свидетельствовало бы о парадоксальной ситуации, когда обвиняемый после осуждения превращается в свидетеля относительно обстоятельств совершенного им преступления [2].

Осознавая необходимость обеспечить должностным лицам органов предварительного расследования возможность выполнения следственных и процессуальных действий в объеме, достаточном для обоснованного вывода о причастности конкретного лица к расследуемым обстоятельствам, после чего допустимо с точки зрения положений ст. 46 и 171 УПК РФ осуществление персонифицированного уголовного преследования, представляется важным не впасть в иную крайность — когда реализация уголовно преследуемым лицом своих законных прав и интересов в уголовном преследовании будет поставлена в зависимость от следственного усмотрения и принятия соответствующих процессуальных решений.

Выходом видится разграничение ситуаций, когда расследование имеет целью закрепление следов преступления и проверку имеющихся следственных версий о субъекте преступления и выдвижение приоритетной из них и когда по результатам анализа собранных на первоначальном этапе доказательств следствие формирует уголовную претензию к конкретному лицу, которое ранее могло участвовать при производстве по уголовному делу в качестве сведущего об обстоятельствах преступления лица.

При выработке критериев, по которым возможно определение направленности расследования не на установление общей картины преступления, а на изобличение конкретного заподозренного лица, следует опираться на правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, приведенные в Постановлении от 27 июня 2000 года № 11-П.

Так, факт уголовного преследования и, следовательно, направленная про-

тив конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться, в частности, проведением в отношении лица следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений в отношении его.

Нередко в обоснование необходимости производства обыска в жилище лица следствием указывается некоторая совокупность установленных в ходе расследования обстоятельств, указывающих на нахождение у такого лица искомых следов или орудий преступления, что иначе как обвинительной деятельностью назвать затруднительно.

Добросовестное поведение должностного лица, производящего расследование, на наш взгляд, предполагает своевременное придание лицу соответствующего статуса по делу, не искажающего его фактического положения в уголовном деле.

Список источников

1. Бояринцев А.А. К вопросу о правовом положении свидетеля, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование // Российский следователь. 2020. № 12. С. 23–26.
2. Якуб М.Л. Показания обвиняемого как источник доказательств в советском уголовном процессе. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1963. 80 с.

Информация об авторе

А.А. Бояринцев – прокурор зонального отдела управления по надзору за процессуальной деятельностью в органах Следственного комитета Российской Федерации прокуратуры Санкт-Петербурга.

Information about the author

A.A. Boyarintsev – Prosecutor at the Territorial Division of the Directorate for Supervision over the Procedural Activities of the Investigative Committee of the Russian Federation, Prosecutor's Office of St. Petersburg.

Научная статья
УДК 343

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ХИЩЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГИС «АНТИКАРТЕЛЬ»

Максим Михайлович КОНОНЕНКО

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, m.m.kononenko6040@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается проблема межведомственного взаимодействия органов прокуратуры Российской Федерации и органов Федеральной антимонопольной службы при выявлении признаков хищений в сфере государственных и муниципальных закупок в условиях внедрения государственной информационной системы по предупреждению, выявлению и пресечению ограничивающих конкуренцию соглашений. Обращается внимание на перспективы использования информации о признаках картелей при принятии уголовно-процессуальных мер реагирования. Автор приходит к выводу о необходимости подзаконного урегулирования вопросов межведомственного взаимодействия в части установления условий для направления запросов, требований, а также материалов, полученных посредством ГИС «Антикартель» и содержащих признаки хищения бюджетных денежных средств.

Ключевые слова: государственные и муниципальные закупки, межведомственное взаимодействие, выявление преступлений, хищение бюджетных денежных средств

Для цитирования: Кононенко М.М. Перспективы межведомственного взаимодействия при выявлении хищений в сфере государственных и муниципальных закупок с использованием ГИС «Антикартель» // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 30–37.

Original article

PROSPECTS FOR INTERAGENCY COOPERATION IN DETECTING EMBEZZLEMENT IN THE SPHERE OF PUBLIC PROCUREMENT USING THE «ANTICARTEL» STATE INFORMATION SYSTEM

Maksim M. KONONENKO

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, m.m.kononenko6040@gmail.com

Abstract. This article examines the issue of interagency cooperation between the prosecutorial authorities of the Russian Federation and the Federal Antimonopoly Service in identifying signs of embezzlement in the sphere of public procurement, particularly in the context of the implementing the State Information System for the prevention, detection, and suppression of anti-competitive agreements. The article highlights the prospects of using information regarding cartel indicators when initiating criminal procedural responses. The author concludes that it is necessary to establish subordinate regulatory acts of interagency cooperation, specifically to define the conditions for

© Кононенко М.М., 2026

sending requests, demands, and materials obtained through the «Anticartel» State Information System that contain indications of the misappropriation of budgetary funds.

Keywords: public procurement, interagency cooperation, crime detection, misappropriation of budgetary funds

For citation: Kononenko M.M. Prospects for interagency cooperation in detecting embezzlement in the sphere of public procurement using the «Anticartel» State Information System. *Criminalist*. 2026;3(56):30-37. (In Russ.).

Институт государственного и муниципального заказа играет важную роль в экономике государства, поскольку, с одной стороны, реализация закупочной деятельности решает задачи ресурсного обеспечения бюджетного сектора экономики, различных отраслей государственного управления, обороны и социальной сферы, обеспечивает стабильность их функционирования, а с другой стороны, предоставляет коммерческим организациям обширные возможности извлечения прибыли.

Эти возможности, в свою очередь, зачастую являются причиной недобросовестного поведения участников контрактной системы в сфере закупок, в том числе заключения соглашений, подрывающих конкурентные механизмы закупочной деятельности (картелей), которые влекут неэффективное, нецелевое расходование, хищение бюджетных денежных средств.

В этой связи Генеральной прокуратурой Российской Федерации противодействие рассматриваемым преступлениям обозначено в качестве одного из приоритетных направлений надзорной деятельности прокуратуры. В частности, в п. 2.11 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 14 января 2021 года № 6 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок»¹ прокурорам предписано акцентировать

внимание на выявлении и пресечении фактов откатов, хищений, нецелевого использования бюджетных средств и других уголовно наказуемых деяний с использованием различных противоправных схем.

Важную функцию в выявлении подобных фактов, природа которых зачастую носит коррупционный, преступный характер, выполняет Федеральная антимонопольная служба, инструментарий которой с недавнего времени пополнен государственной информационной системой по предупреждению, выявлению и пресечению ограничивающих конкуренцию соглашений (ГИС «Антикартель»).

Предпосылки внедрения системы заложены в Межведомственной программе мер по выявлению и пресечению картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений на 2024 – 2028 годы, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2024 года № 512-р², в соответствии с разделом IV которой в систему мероприятий включены цифровизация методов выявления картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений, проведение комплекса мероприятий по выявлению и пресечению

¹ Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14 января 2021 г. № 6 // Законность. 2021. № 3.

² Об утверждении Межведомственной программы мер по выявлению и пресечению картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений на 2024 – 2028 годы : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2024 г. № 512-р // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202403110035> (дата обращения: 02.03.2026).

правонарушений и преступлений, связанных с заключением ограничивающих конкуренцию соглашений в стратегически важных и социально значимых отраслях экономики, а также преступлений коррупционной направленности.

Сущность ГИС «Антикартель» наглядно отражена в пункте 10 раздела IV Положения о государственной информационной системе по предупреждению, выявлению и пресечению ограничивающих конкуренцию соглашений, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2025 года № 1933¹, согласно которому система по предупреждению, выявлению и пресечению ограничивающих конкуренцию соглашений обеспечивает формирование аналитической и статистической информации о вероятности (рисках) заключения и реализации ограничивающих конкуренцию соглашений при осуществлении предпринимательской деятельности на товарных рынках и при проведении торгов. С 1 июля 2026 года необходимые для формирования аналитической информации сведения предоставляются из единой информационной системы в сфере закупок.

Иными словами, разрабатываемая на основе технологии машинного обучения система в автоматическом режиме осуществляет обработку торгов по заранее предустановленным критериям с целью выявления признаков картелей².

¹ Положение о государственной информационной системе по предупреждению, выявлению и пресечению ограничивающих конкуренцию соглашений : утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2025 г. № 1933 // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512080029> (дата обращения: 02.03.2026).

² Доклад М.А. Шаскольского // Федеральная антимонопольная служба : офиц. сайт. URL: <https://fas.gov.ru/news/34333> (дата обращения: 02.03.2026).

Нельзя не согласиться с мнением некоторых ведущих ученых-экономистов, полагающих, что система по предупреждению, выявлению и пресечению ограничивающих конкуренцию соглашений есть важный ответ на угрозы конкуренции, вызванные противоправными коллективными действиями участников хозяйственного оборота [1].

По официальной информации, представленной Федеральной антимонопольной службой, в 2025 году Службой возбуждено 385 дел об антиконкурентных соглашениях и координации экономической деятельности (в 2024 году — 315 дел), принято 246 решений о нарушении антимонопольного законодательства (в 2024 году — 315); доля раскрытых картелей на торгах с использованием информации ГИС «Антикартель» составила 21 %³, и это притом, что система по предупреждению, выявлению и пресечению ограничивающих конкуренцию соглашений внедрена в деятельность Федеральной антимонопольной службы лишь с 1 августа 2025 года.

В частности, выявлены факты заключения картельных сговоров при проведении торгов на поставку медицинских изделий и расходных материалов для учреждений здравоохранения города Москвы на сумму 276 млн рублей и на оказание услуг по транспортированию твердых коммунальных отходов на территории Республики Башкортостан на сумму 1,8 млрд рублей.

Несмотря на наличие столь высоких показателей работы системы по предупреждению, выявлению и пресечению ограничивающих конкуренцию соглашений в столь незначительные с момента ее внедрения сроки, усматривается потенциал как для повышения эффективности применения ГИС «Ан-

³ ФАС подвела итоги антикартельной деятельности за 2025 год // Федеральная антимонопольная служба : офиц. сайт. URL: <https://fas.gov.ru/news/34534> (дата обращения: 02.03.2026).

тикартель» путем межведомственного взаимодействия, так и для укрепления законности в сфере государственного и муниципального заказа в целом.

Как справедливо отмечают некоторые авторы, работники прокуратуры при осуществлении надзора за исполнением законов «обращали и обращают пристальное внимание не только на сами нарушения уголовного закона, но и на то, какие меры были приняты по материалам осуществленной проверки» [2]. По выявленным в ходе проверки фактам нарушения уголовного закона прокурором выносится согласно п. 2 ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹ постановление о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Указанное постановление, предусмотренное уголовно-процессуальным законом, обеспечивая полноту комплекса мер прокурорского реагирования и позволяя в полном объеме реализовать полномочие прокурора требовать привлечения лиц, нарушивших закон, к установленной уголовным законом ответственности, является одним из наиболее эффективно влияющих на укрепление законности актов прокурорского реагирования. В подавляющем большинстве случаев результативность вынесения такого постановления не ставится под сомнение: работники прокуратуры, будучи представителями органа, осуществляющего уголовное преследование, надзор за исполнением процессуального законодательства органами предварительного расследования преступлений, обладают соответству-

ющей компетенцией для оценки имеющихся материалов проверки с точки зрения их достаточности для формирования суждения о наличии признаков нарушения уголовного закона и «предварительной» квалификации выявленных нарушений.

Соглашение, заключаемое в ходе закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, ограничивающее конкуренцию, безусловно, представляет интерес для правоохранительных органов, несмотря на отсутствие очевидной причинной связи с хищением бюджетных денежных средств, поскольку при наличии факта неисполнения или ненадлежащего исполнения контракта такое соглашение признается не только нарушением антимонопольного законодательства, но и способом совершения хищения. Иными словами, можно утверждать, что целью данного соглашения при наличии указанных выше обстоятельств является воспрепятствование заключению государственного или муниципального контракта со «сторонними» лицами и, как следствие, обеспечение заключения такого контракта с «нужным» лицом, зачастую вовлеченным в планирование хищения задолго до размещения извещения об осуществлении закупки.

Например, обеспечить заключение государственного или муниципального контракта с «нужным» лицом участники преступной схемы могут посредством включения в извещение об осуществлении закупки необоснованно завышенных требований к участникам закупки и (или) таких условий будущего контракта, которые любому добросовестному участнику закупки будет выполнить крайне затруднительно или вовсе невозможно. В подобных случаях участниками закупок обычно являются исключительно фигуранты преступной схемы (либо единственный участник, либо не-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : текст с изм. и доп. на 9 апр. 2026 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942> (дата обращения: 02.05.2026).

сколько аффилированных друг другу участников), поскольку добросовестные участники, изучив извещение, не станут участвовать в закупке вовсе.

Как было отмечено ранее, заключение картеля нередко служит инструментом, обеспечивающим недобросовестным участникам закупки возможность хищения бюджетных денежных средств на стадии исполнения государственного или муниципального контракта, в связи с чем в настоящее время уже распространена практика инициирования органами прокуратуры надзорных мероприятий с последующим направлением в органы предварительного расследования преступлений постановления в порядке, предусмотренном п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, на основании установленных органами Федеральной антимонопольной службы при проведении контрольных мероприятий признаков нарушения уголовного закона.

Оценивая аналитические возможности ГИС «Антикартель» в контексте прокурорского надзора за исполнением законодательства о государственных и муниципальных закупках, можно сделать вывод об очевидных перспективах использования данной системы для обеспечения осуществления исчерпывающего комплекса мер прокурорского реагирования в отношении участников картельных сговоров, в том числе путем принятия мер уголовно-процессуального характера.

До внедрения в деятельность Федеральной антимонопольной службы ГИС «Антикартель» проведение проверки, подразумевающей установление всех реально имевших место признаков ограничения конкуренции и являющейся трудоемким и длительным процессом, обычно, вполне обоснованно, могло длиться месяцами.

Например, в связи с выявлением в действиях ГПБОУ НСО «Новосибирский авиационный технический кол-

ледж им. Б.С. Галуцака» и ООО «Центр промоборудования» при проведении электронного аукциона на поставку оборудования для обучения по специальности «Производство и обслуживание авиационной техники» признаков нарушения п. 1 ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции»¹ Управлением Федеральной антимонопольной службы по Новосибирской области 7 октября 2022 года возбуждено антимонопольное дело и создана комиссия по его рассмотрению; 31 мая 2023 года решением антимонопольного органа указанные организации признаны нарушившими п. 1 ч. 1 ст. 17 указанного Федерального закона, иными словами, признаны ограничившими конкуренцию. Таким образом, расследование антимонопольного дела заняло порядка семи месяцев.

При этом работнику прокуратуры сделать вывод о наличии либо отсутствии признаков хищения бюджетных денежных средств в подобных случаях возможно лишь после установления и описания антимонопольным органом всей совокупности признаков ограничивающего конкуренцию соглашения, т. е. после изучения вынесенного решения по делу и материалов проверки.

В условиях внедрения ГИС «Антикартель», в случае направления в орган прокуратуры материалов, полученных посредством данной системы, работники прокуратуры могут инициировать собственную проверку, не дожидаясь вынесения решения по антимонопольному делу, самостоятельно оценив выявленные системой признаки на предмет наличия факта хищения бюджетных денежных средств, а в случае установления

¹ О защите конкуренции : Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ : текст с изм. и доп. на 8 марта 2026 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108256> (дата обращения: 08.03.2026).

подобного факта — направить в органы предварительного расследования преступлений постановление в порядке, предусмотренном п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Кроме того, полученные в дальнейшем в ходе предварительного расследования доказательства могут быть использованы антимонопольным органом при расследовании картеля.

Описанный алгоритм позволит сократить время проведения проверки и повысит продуктивность деятельности прокуроров.

Необходимо отметить, что существующий нормативный механизм получения органами антимонопольного контроля аналитической и статистической информации, сформированной системой по предупреждению, выявлению и пресечению ограничивающих конкуренцию соглашений, детально не регламентирует порядок предоставления такой информации иным государственным, в частности правоохранительным, органам.

Пунктами 2, 3 Положения о системе по предупреждению, выявлению и пресечению ограничивающих конкуренцию соглашений предусмотрено, что полномочия обладателя информации, содержащейся в системе по предупреждению, выявлению и пресечению ограничивающих конкуренцию соглашений, от имени Российской Федерации осуществляет оператор системы — Федеральная антимонопольная служба.

Перечень полномочий обладателя информации представлен в ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹, в соответствии с которой

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ : текст с изм. и доп. на 29 дек. 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108264> (дата обращения: 02.03.2026).

обладатель информации, если иное не предусмотрено федеральными законами, вправе передавать информацию другим лицам по договору или на ином установленном законом основании.

Универсальным и повсеместно применяемым способом получения прокурором необходимой для осуществления надзорной деятельности информации является требование, предусмотренное ст. 6, 22 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»². Однако в отсутствие поступивших от контрольного органа «сигналов» о наличии информации, представляющей интерес для органа прокуратуры для целей проведения проверки с последующим направлением постановления и соответствующих материалов в органы предварительного расследования преступлений в порядке, предусмотренном п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, подготовка вышеупомянутого требования попросту невозможна.

С учетом вышеизложенного с целью полномасштабной реализации функционала ГИС «Антикартель», в том числе посредством мер прокурорского реагирования, целесообразной представляется дополнительная подзаконная регламентация межведомственного взаимодействия в части установления условий для направления запросов, требований, а также материалов, полученных посредством ГИС «Антикартель».

Необходимо упомянуть, что на уровне подзаконных правовых актов уже урегулированы вопросы межведомственного взаимодействия в сфере оборонно-промышленного комплекса. В частности, Приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации

² О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 : текст с изм. и доп. на 29 дек. 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014157> (дата обращения: 02.03.2026).

№ 405, Министра обороны Российской Федерации № 484, Министерства промышленности и торговли Российской Федерации № 2193, Федеральной антимонопольной службы № 677/15 от 31 июля 2015 года¹ утверждено Положение о порядке взаимодействия в сфере оборонно-промышленного комплекса, в разделе 2 которого предусмотрены формы межведомственного взаимодействия, в разделе 7 — порядок направления материалов и запросов. Так, пунктом 7.2 Положения предусмотрено, что направляемые в прокуратуры материалы должны содержать данные о выявленных нарушениях со ссылкой на статьи нормативных правовых актов, требования которых нарушены, и сведения о лицах, причастных к этим нарушениям, о размере и характере ущерба, а также о принятых в пределах компетенции мерах. Подобного рода информация при поступлении в орган прокуратуры будет подлежать в том числе уголовно-правовой оценке для решения вопроса о направлении в орган предварительного расследования постановления и материалов в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

С учетом того, что объем осуществляемых в сфере оборонно-промышленного комплекса закупок относительно общего их числа не так значителен, необходимым видится распространить данную практику подзаконного урегулирования на сферу государственного и муниципального заказа в целом, включив положения о порядке и формах предостав-

ления аналитической и статистической информации, полученной посредством ГИС «Антикартель» и содержащей признаки хищения бюджетных денежных средств, в органы прокуратуры для рассмотрения вопроса об уголовном преследовании.

Подобное урегулирование послужит предпосылкой не только для увеличения потенциала реализации системы по предупреждению, выявлению и пресечению ограничивающих конкуренцию соглашений, но и для повышения эффективности выявления хищений в сфере государственных и муниципальных закупок, подавляющее большинство которых носит коррупционный характер.

Следует отметить, что принятие такого рода организационных мер в полной мере соответствует целям и задачам ранее упомянутой Межведомственной программы мер по выявлению и пресечению картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений на 2024 — 2028 годы, соисполнителями которой являются Федеральная антимонопольная служба и Генеральная прокуратура Российской Федерации.

Исследованная в настоящей работе проблема требует скорейшего разрешения в целях обеспечения максимальной эффективности противодействия хищениям бюджетных денежных средств при исполнении государственных и муниципальных контрактов, возможность совершения которых зачастую появляется исключительно благодаря ранее заключенным антиконкурентным соглашениям.

ГИС «Антикартель», эксплуатируемая органами Федеральной антимонопольной службы, в современных условиях уже зарекомендовала себя в качестве эффективного инструмента по борьбе с ограничивающими конкуренцию соглашениями. Нельзя не отметить, что достигаемые посредством эксплуатации данной системы результаты также,

¹ Об утверждении Положения о порядке взаимодействия в сфере оборонно-промышленного комплекса : Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 405, Министра обороны Российской Федерации № 484, Министерства промышленности и торговли Российской Федерации № 2193, Федеральной антимонопольной службы № 677/15 от 31 июля 2015 г. // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossi-n-405-ministra-oborony-rf-n/> (дата обращения: 02.03.2026).

несомненно, могут быть применены в органах прокуратуры Российской Федерации.

Использование прокурорами материалов, полученных посредством системы по предупреждению, выявлению и пресечению ограничивающих конкуренцию соглашений и содержащих признаки хищения бюджетных денежных средств, оптимизирует процесс принятия исчерпывающих мер реагирования путем сокращения времени проведения проверки и повышения продуктивности деятельности прокуроров, обеспечит возможность дать выявленным признакам хищений уголовно-правовую оцен-

ку, что в совокупности, несомненно, повлияет на состояние законности в сфере государственных и муниципальных закупок.

Однако непроработанность вопросов межведомственного взаимодействия, обусловленная отсутствием подзаконного урегулирования условий для направления запросов, требований, а также материалов, полученных посредством ГИС «Антикартель» и содержащих признаки хищения бюджетных денежных средств, является препятствием на пути повышению качества надзорной деятельности органов прокуратуры Российской Федерации на данном направлении.

Список источников

1. Шаститко А.Е., Павлова Н.С. Риски внедрения ГИС «Антикартель» // Экономическая политика. 2025. № 20 (2). С. 56 – 81. URL: <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2025-2-56-81>.
2. Гриненко А.В. Постановление прокурора как повод к возбуждению уголовного дела // Законность. 2012. № 11. С. 22 – 24.

Информация об авторе

М.М. Кононенко – аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

M.M. Kononenko – Postgraduate Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343

МЕТОДОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ – НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА Г.А. ГУСТОВА

Константин Александрович КОРСАКОВ

*Северо-Западный филиал Российского государственного университета
права имени В.М. Лебедева, Санкт-Петербург, Россия, korsakovka@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются сформулированные профессором Г.А. Густовым методы моделирования, программно-целевой, комплексного подхода, факторного анализа в их единстве и взаимопроникновении, делается вывод что они являются сформированной методологией познавательной деятельности в уголовном судопроизводстве, рассматриваются как пример действенного подхода. Утверждается, что их потенциал применим в иных сферах юриспруденции.

Ключевые слова: Г.А. Густов, метод моделирования, программно-целевой метод, комплексный подход, факторный анализ, познавательно-доказательственная деятельность, действенный подход

Для цитирования: Корсаков К.А. Методология организации познавательной деятельности в уголовном судопроизводстве – научное наследие профессора Г.А. Густова // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 38 – 45.

Original article

METHODOLOGY FOR ORGANIZING COGNITIVE ACTIVITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS – THE SCHOLARLY LEGACY OF PROFESSOR G.A. GUSTOV

Konstantin A. KORSAKOV

*North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
St. Petersburg, Russia, korsakovka@mail.ru*

Abstract. The article considers the methods of modelling, program-target, comprehensive, and factor analysis approaches as formulated by Professor G.A. Gustov, emphasizing their unity and interconnection. It is concluded that, taken together, these methods constitute a fully formed methodology for cognitive activity in criminal proceedings and serve as an example of a highly effective approach. The author argues that this methodological framework holds significant potential for application in other branches of legal science.

Keywords: G.A. Gustov, modelling method, program-target method, comprehensive approach, factor analysis, cognitive-evidentiary activity, effective approach

For citation: Korsakov K.A. Methodology for organizing cognitive activities in criminal proceedings – the scholarly legacy of professor G.A. Gustov. Criminalist. 2026;3(56):38-45. (In Russ.).

© Корсаков К.А., 2026

Густов Генрих Арсеньевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, старший советник юстиции, участник Великой Отечественной войны. После окончания в 1951 году юридического факультета Московского государственного университета работал в должности следователя, старшего следователя, прокурора, начальника следственного отдела краевой прокуратуры Ставропольского края. В 1966 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Расследование и предупреждение хищений хлебопродуктов при заготовке и переработке», в 1993 году — диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Проблемы методов научного познания и организации расследования преступлений».

Генрих Арсеньевич Густов объединил в своих исследованиях практику и теорию, разрабатывая не только научные методы, но и их технологию (теорию) применения и инструментарий (прикладную часть метода). Сформулированные им методы направлены на организацию познавательной деятельности на основе практики расследования особо опасных преступлений. Это позволяет говорить о том, что фактически им заложены научно-методические основы криминалистического мышления.

Профессором Г.А. Густовым были разработаны четыре криминалистических метода: программно-целевой, моделирования, комплексного подхода и факторного анализа, представляющие определенную целостность [1; 2; 3; 4], и два учения: о преступлении и о расследовании [5; 6].

Необходимо сразу оговорить, что ни один метод не применяется без применения иных методов, при этом один из методов выбирается центральным,

а иные используются как обеспечивающие достижение положительных результатов. Например, если метод наблюдения выбран центральным, целью которого ставится описание какого-либо явления, то при необходимости могут применяться методы описания, измерения и сравнения, чем обеспечивается достижение цели. И наоборот, если центральным избран метод измерения, обеспечивающими являются методы наблюдения, описания и сравнения.

Изложенные Г.А. Густовым методы тесно взаимосвязаны, взаимопроникают и дополняют друг друга, поэтому представляют собой методологическую систему — методологию, естественно, требующую применения других методов, способствующих достижению поставленных целей.

Г.А. Густов, формулируя указанные методы, в отличие от многих авторов описал не только теоретические положения методов, но и, в чем его неоценимая заслуга, инструментарий и технологию применения каждого из методов.

Инструментарий подвержен изменению, трансформации в зависимости от объектов, к которым применяется метод, и поставленных целей, технология же остается неизменной, делает возможным ее распространение в отношении иных объектов, помимо используемых Г.А. Густовым, для демонстрации применения предложенных им методов. Описанные профессором Г.А. Густовым инструментарий и технологии позволяют применять эти методы в целях организации познания произошедшего события не только на стадии предварительного расследования, но и в судебных стадиях, а также для организации практически любой деятельности в судопроизводстве.

Основным методом познания недоступных объектов, каковыми в судопроизводстве выступают обстоятельства произошедшего события, является метод моделирования. Создание достоверной,

соответствующей действительности, модели произошедшего события есть одна из основных целей деятельности профессиональных участников уголовного судопроизводства. На различных стадиях и этапах судопроизводства достаточность всесторонности и полноты модели произошедшего должна позволять принимать соответствующие решения.

Модели являются не только целью познания, но и в соответствии с технологией инструментом метода.

К основным элементам технологии моделирования относятся построение модели, ее изучение и проверка, в результате должна быть получена соответствующая действительности модель события в целом либо его части. Модель имеет своим источником имеющиеся сведения, на основании которых формируются отдельные ее элементы, но очевидно, что на первоначальных этапах расследования таких сведений, как правило, недостаточно, поэтому элементы, о которых не имеется сведений или они «отрывисты» и недостаточны, восполняются субъектом расследования с учетом существующих закономерностей, профессионального и жизненного опыта.

Проверка модели состоит в сопоставлении следов, которые должны остаться в соответствии с построенной моделью, со следами, которые имеются в действительности. Если же хотя бы один след «не такой» или «не там», то логичным является вывод, что это модель другого события (при условии, что модель доброкачественная). В этом случае модель требует трансформации либо необходимо построение новой модели, для чего следует собрать новые сведения, доказательства.

Изучение и проверка модели позволяют осуществить поиск еще не обнаруженных следов, элементов события и их отображение во внешней среде. Данные операции необходимо повторять до того момента, когда установленная следовая

картина будет соответствовать следовой картине модели. В этом случае можно утверждать, что модель соответствует действительности, изучаемому объекту.

На досудебных стадиях уголовного судопроизводства такая модель формируется следователем, отражается в обвинительном заключении и проверяется прокурором при утверждении обвинительного заключения, иного обвинительного документа.

В судебном разбирательстве представленная обвинительная модель события изучается и проверяется в соответствии с этой же технологией. Особенностью ее применения является то, что модель подвергается критическому познанию несколькими участниками судопроизводства в состязательной форме [7; 8; 9].

Соответствие действительности построенной и проверенной модели оценивается на основании внутреннего убеждения следователя, прокурора, судьи, присяжных заседателей. В описательной части приговора, иного судебного решения фиксируется достоверная, по мнению суда, модель события либо вывод о ее недостоверности или невозможности ее построения.

Как и любая деятельность, деятельность субъектов судопроизводства должна быть организована, спланирована. Для этого используется программно-целевой метод (далее — ПЦМ).

Инструментами метода служат программы, которые создаются самим исполнителем или лицами, обладающими теоретическими и практическими знаниями и навыками. Программы могут быть разработаны для организации расследования убийств различных категорий [10; 11; 12], краж из помещений [13], экологических преступлений [14] или для организации структурирования, систематизации деятельности конкретных субъектов судопроизводства при неизменности технологии метода, например для изучения жалоб и ходатайств в по-

рядке, предусмотренном ст. 125, 125.1, 214.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, и организации их рассмотрения [15].

Заслуга Г.А. Густова заключается в том, что им предложены программы, сформулированные в виде вопросительных предложений, требующих ответов (фактически — постановки задач, подлежащих разрешению), а не повелительных, предписывающих совершение предлагаемых действий. К ним относятся как краткие программы, так и развернутые, в которых изложены задачи и даны рекомендации по их разрешению.

Программы можно разделить на когитивные (от латинского *cogito* — мыслить) и активные (от латинского *actus* — действие).

Когитивные программы нацелены не на действия, а на мыслительный процесс: на то, о чем и в какой последовательности наиболее рационально думать и только затем определять оптимальную последовательность действий. Такая форма характеризуется тем, что ставит перед разумом человека конкретную проблему, задачу, которую следует разрешить, тем самым мышление направляется в определенное русло. Именно этой особенностью программ, соответственно, и технологий их применения отличается программно-целевой метод от иных методов организации деятельности.

Описанный Г.А. Густовым способ фиксации применения ПЦМ предоставляет возможность не только планировать производство отдельных следственных действий (тактическое планирование), в том числе выявлять обстоятельства, которые следует выяснять при производстве каждого следственного действия, но и осуществлять стратегическое планирование всего хода расследования.

Исходя из многоаспектности применения технологии ПЦМ, нами были сформулированы вопросы: «кто, что и кому доказывает» и, соответственно,

«кто, что познает?». Такой подход позволяет охарактеризовать осуществляемую в уголовном судопроизводстве деятельность как познавательно-доказательственную [7; 8; 9].

Следует отметить, что с середины прошлого века различного рода последовательности и перечни, которые, по сути, являются активными программами, стали все чаще именоваться «алгоритмами». Нам представляется это заблуждением [16]. Такого же мнения придерживаются и другие ученые [17; 18; 19; 20, с. 87; 21]. Так, основоположники кибернетики указывали на существование класса задач, которые невозможно разрешить с помощью алгоритма, определяя их как «алгоритмическая неразрешимость» — свойство некоторых классов корректно поставленных задач, допускающих применение алгоритмов, которое состоит в том, что задачи каждого из этих классов в принципе не имеют какого-либо общего, универсального алгоритма решения, объединяющего этот класс, что не означает неразрешимости тех или иных единичных проблем данного класса. В целом данный класс задач не имеет ни общего универсального алгоритма решения, ни ветвящегося алгоритма полного разбиения класса на подклассы, к каждому из которых был бы применим свой специфический алгоритм [22, с. 91–92]. Алгоритмическая неразрешимость имеет принципиальное значение для психологии мышления, теории познания и обучения, из нее следует, что основные компоненты деятельности человека (планирование, выполнение, контроль результатов, коррекция) не могут быть построены на алгоритмической основе, хотя и могут включать в качестве вспомогательных те или иные алгоритмические процедуры, с неизбежностью включает неалгоритмизуемые компоненты и требует творчества: способ ее решения не выводится из более общего известного типового метода, а изобретается. Полный успех здесь

не может быть гарантирован никакими методами (в отличие от ситуации с алгоритмически разрешимыми задачами), означает свободу выбора и объективную необходимость творческого поиска [23, с. 3].

Именно к таким классам задач относятся задачи, разрешаемые в уголовном судопроизводстве, даже в том случае, если в деятельности по их разрешению усматривается определенная последовательность действий. Такая последовательность обусловлена физическими и логическими законами, закономерностями. Их механическое выполнение не ведет к решению творческих задач, достижению целей судопроизводства, которые требуют творческого подхода и зависят от конкретной ситуации и особенностей исполнителя.

Использование в криминалистической деятельности алгоритмов в точном их значении достаточно спорно. Безусловно, оперирование в ней понятиями и терминами, заимствованными из других сфер научного знания и практической деятельности, вполне допустимо, а в некоторых случаях необходимо. Однако эта допустимость должна иметь свои пределы. Само содержание понятия «алгоритм» в математике, из которой он перемещен в криминалистику, не позволяет его использовать в ней в том же смысле [21, с. 63].

«Успех в конечном счете определяют трудолюбие, объективность конкретного лица, его настойчивость, воля, стремление к цели, воображение, умение мыслить логически, а также и стремление к истине» [3, с. 6].

В поисках истины должно применяться понятие «программа» (программирование), но не с точки зрения информатики — компьютерная программа как совокупность алгоритмов, а как инструмент ПЦМ: система рекомендаций, имеющих своей целью оказание работникам правоохранительных органов помощи в организации расследования и получе-

нии по делу новых знаний, правильном и своевременном решении задач предварительного следствия. «Программы... являются источником информации о типовых задачах расследования, методах, средствах, приемах их решения, помогают верно оценить имеющуюся и поступающую информацию, найти оптимальное решение» [3, с. 7].

Технология комплексного подхода предусматривает исследование, помимо центрального события произошедшего, предшествовавших ему событий и следовавших за ним, кроме того, сопутствующих и связанных событий с событиями произошедшего, предшествовавшими им и следовавшими за ними в целях установления виновного и иных обстоятельств произошедшего.

Помимо решения задач, указанных Г.А. Густовым, потенциал данного метода помогает не только в построении модели, но и в ее исследовании и проверке достоверности.

В этих целях попеременно выбирается один из элементов модели в качестве центрального объекта исследования, прослеживается возникновение его значимых качеств до их проявления в центральном событии произошедшего и исследуется, что с ним произошло впоследствии, развитие во времени. В качестве сопутствующих и связанных с ним событий исследуются его взаимозависимости со всеми иными элементами системы модели, их взаимодействие и взаимовлияние на основе закономерностей. При выявлении несоответствий изменяются качества элементов в соответствии с существующими закономерностями.

Такие действия позволяют исследовать и проверить доброкачественность построенной модели, выявить несоответствия сделанных выводов, трансформировать модель и в итоге построить модель, соответствующую произошедшему событию.

Факторный анализ был описан Г.А. Густовым на основе закономерности

стей, характерных для выбора преступником объекта посягательства, и позволяет организовать расследование исходя из объективных и субъективных факторов, определяющих поведение преступника до, во время и после совершения преступления, уменьшать количество версий на основе анализа, а не практической деятельности.

При создании, изучении и проверке модели события он дает возможность исследовать корреляционную зависимость между элементами (факторами), выявлять их и при необходимости корректировать, обнаруживать новые, скрытые элементы и взаимозависимости, отсеивать не существующие в реальности.

Таким образом, методы, сформулированные профессором Г.А. Густовым, представляют собой взаимосвязанный комплекс, систему методов. Они не просто дополняют друг друга, происходит взаимопроникновение методов, причем как на уровне их практического использования (или методических рекомендаций), так и на теоретическом уровне. Например, инструментами методов комплексного подхода, факторного анализа являются программы и модели, которые создаются в соответствии с положениями программно-целевого метода и метода моделирования, но используются

в соответствии с положениями и технологией и для решения задач указанных методов, и можно говорить о методологии познавательно-доказательственной деятельности [8; 24; 9] в уголовном судопроизводстве, применимой и в иных областях юридической деятельности [7, с. 8 — 9; 15].

Изложенные Г.А. Густовым методы являются ярким примером деятельного подхода, под которым понимается научно обоснованное предложение наиболее оптимальной последовательности конкретной деятельности (умственной и физической, процессуальной) для достижения целей судопроизводства.

Деятельный подход следует отличать от системно-деятельностного (деятельностного) подхода, где в качестве основного методологического положения принимаются взаимосвязь и взаимообусловленность, которые имеются между личностью человека и его деятельностью, в целях познания совершенного преступления и его расследования.

Подводя итог, необходимо, к сожалению, констатировать, что все указанные методы применяются участниками судопроизводства с той или иной степенью успешности, как правило, на эмпирической, опытной основе, без теоретической базы.

Список источников

1. Густов Г.А. Моделирование в работе следователя : учебное пособие. Ленинград : Ин-т усовершенствования следств. работников при Прокуратуре СССР, 1980. 188 с.
2. Густов Г.А. Комплексный подход к раскрытию убийства : учебное пособие. Ленинград : Ин-т усовершенствования следств. работников при Прокуратуре СССР, 1988. 104 с.
3. Густов Г.А. Программно-целевой метод организации раскрытия убийств : учебное пособие. Изд. 2-е, стер. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1997. 121 с.
4. Густов Г.А. Обнаружение способа должностного хищения в сложной ситуации. Факторный анализ : учебное пособие : в 2 ч. Ленинград : Ин-т усовершенствования следств. работников при Прокуратуре СССР, 1985. 2 ч.
5. Густов Г.А. К разработке криминалистической теории расследования // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2001. № 3. С. 126 — 135 ; Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1983. № 3. С. 88 — 92.
6. Густов Г.А. К определению криминалистического понятия преступления // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2000. № 2. С. 78 — 85 ; Избранные труды Университета прокуратуры Россий-

ской Федерации (1949 – 2019). Т. 1. Прокурорская деятельность. Уголовное и уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс и криминалистика. Москва : Ун-т прокуратуры Российской Федерации, 2019. С. 311 – 323.

7. Корсаков К.А. Методы научного познания в уголовном судопроизводстве : конспект лекций. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2004. 68 с.

8. Корсаков К.А. Концепция познавательно-доказательственной деятельности // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета : материалы конференций 2020 – 2021 годов / под ред. Н.П. Кирилловой [и др.]. Москва : РУСАЙНС, 2019. С. 152 – 157.

9. Корсаков К.А. Доказывание как элемент познавательно-доказательственной деятельности в уголовном судопроизводстве // Доказывание в уголовном процессе: проблемы нормативного регулирования и правоприменения : материалы Международной научно-практической конференции (Н. Новгород, ПФ ФГБОУВО «РГУП», 28 июня 2022 г.). Нижний Новгород : Печатная Мастерская РАДОНЕЖ, 2023. С. 71 – 79.

10. Густов Г.А. Раскрытие, расследование убийств в условиях неочевидности. (Краткие типовые программы) : методические рекомендации. Ленинград : Ин-т усовершенствования следств. работников при Прокуратуре СССР, 1989. 41, [1] с.

11. Густов Г.А. Изучение личности погибшего по делу об убийстве : учебное пособие. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1997. 43 [1] с.

12. Килессо Е.Г. Расследование убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего. Первоначальный этап расследования : учебное пособие. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2006. 60 с.

13. Кузьмин С.В. Расследование краж из помещений (программно-целевой метод) : учебное пособие. Санкт-Петербург : Ин-т повышения квалификации прокурор.-следств. работников Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1995. 102 с.

14. Кузьмин С.В., Аршаница Н.М. Расследование преступных загрязнений атмосферного воздуха и водных объектов : учебное пособие. Санкт-Петербург : Ин-т повышения квалификации прокурор.-следств. работников Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1994. 160 с.

15. Корсаков К.А., Шиплюк В.А. Проведение судебного заседания при рассмотрении жалоб и ходатайств в порядке, предусмотренном статьями 125, 125.1, 214.1 УПК Российской Федерации // Порядок подготовки и проведения судебных заседаний судом первой инстанции в уголовном судопроизводстве : практическое пособие / сост. и ред. К. Б. Калиновский, А. В. Кудрявцева. Санкт-Петербург : Астерион, 2022. С. 127 – 146.

16. Корсаков К.А. Алгоритмизация: бесперспективное направление развития криминалистики // Криминалистика от Ганса Гросса до наших дней: криминалистические аспекты реализации конституционных прав и гарантий человека и гражданина : сборник научных статей по материалам V Международного научно-практического круглого стола (Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 26 февраля 2021 г.). Санкт-Петербург : Астерион, 2021. С. 85 – 92.

17. Драпкин Л.Я., Долинин В.Н., Шуклин А.Е. Проблемы алгоритмизации в криминалистике и следственной деятельности // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 6 (108). С. 31 – 36.

18. Турчин Д.А. Система следов как алгоритм действий следователя // Алгоритмы и организация решения следственных задач : сборник научных трудов / Иркутский гос. ун-т. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1982. С. 35 – 43.

19. Исаенко В.Н. Тактические комплексы в расследовании убийств с использованием сведений о материальных ценностях, похищенных преступниками у потерпевших : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Исаенко Вячеслав Николаевич. Москва, 1990. 186 с.

20. Криминалистика: информационные технологии доказывания : учебник для вузов / А.И. Баянов, Т.М. Дмитренко, В.А. Жбанков [и др.] ; под ред. В.Я. Колдина. Москва : Зерцало-М, 2007. 750 с.

21. Исаенко В.Н. Криминалистический алгоритм — реальность или заблуждение? // КриминалистЪ. 2023. № 1 (42). С. 62—68.

22. Колмогоров А.Н. Теория информации и теория алгоритмов / отв. ред. Ю.В. Прохоров. Москва : Наука, 1987. 303, [1] с.

23. Колмогоров А.Н., Успенский В.А. К определению алгоритма // Успехи математических наук. 1958. Т. 13, вып. 4. С. 3—28.

24. Корсаков А.К. Правовой статус прокурора в уголовном судопроизводстве в концепции познавательного-доказательственной деятельности // Правовой статус судьи, прокурора и адвоката в России и зарубежных странах : сборник научных статей / под ред. Я.Б. Жолобова. Санкт-Петербург : Астерион, 2021. С. 206—210.

Информация об авторе

К.А. Корсаков — доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

K.A. Korsakov — Associate Professor at the Department of Criminal Procedure Law of the North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.98

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ КАТЕГОРИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Андрей Анатольевич КОРЧАГИН

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар,
Россия, kaa77-21@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы понятия и содержания объекта и предмета криминалистической науки. Обосновывается значимость указанных элементов как необходимых условий самостоятельного характера криминалистической науки. Показаны основные тенденции современного развития преступной деятельности и криминалистической деятельности, направленной на борьбу с противоправными деяниями.

Ключевые слова: криминалистика, объект, предмет, преступность, закономерности, развитие

Для цитирования: Корчагин А.А. Объект и предмет как основополагающие категории криминалистической науки // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 46 – 52.

Original article

OBJECT AND SUBJECT MATTER AS FOUNDATIONAL CATEGORIES OF CRIMINALISTICS

Andrey A. KORCHAGIN

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia, kaa77-21@mail.ru

Abstract. The paper examines the concepts and substantive scope of the object and subject matter of criminalistics. It substantiates the importance of these categories as essential prerequisites for recognizing criminalistics as an autonomous scientific discipline. Furthermore, the author outlines the principal contemporary trends in the development of criminal activity and the criminalistic practices aimed at countering unlawful conduct.

Keywords: criminalistics, object, subject matter, crime, regularities, development

For citation: Korchagin A.A. Object and subject matter as foundational categories of criminalistics. Criminalist. 2026;3(56):46-52. (In Russ.).

Объект и предмет являются основополагающими категориями любой сферы научного познания, определяющими область его применения и направления научной деятельности. Науку, в свою очередь, следует толковать

в деятельностном аспекте, понимая под ней поисковую, познавательную, исследовательскую деятельность. Любая научная деятельность, для того чтобы считаться таковой, должна иметь свою структуру, т. е. быть структурированной

© Корчагин А.А., 2026

ной, включающей в себя объект, предмет научного исследования, субъекта познавательной деятельности, цели, задачи, методы, приемы научного познания. Во многом определение объекта научного познания, способов познания находится в прямой зависимости от характеристик познающего субъекта, особенностей его восприятия, целей, мотивов познавательной деятельности, представлений о конечных результатах научной познавательной деятельности. Поскольку субъекты научно-познавательной деятельности носят не единичный характер, возникает проблема многообразия восприятия, подходов к объекту познания, его оценки и практического использования результатов научно-познавательной деятельности. Сложность познания объекта науки также связана с многообразием форм его проявления в окружающей действительности, взаимосвязей с другими явлениями и процессами окружающего мира. Как следствие, встает проблема усеченности познавательной деятельности, вызванная ограниченными субъективными возможностями, в результате зачастую получается, что субъект познавательной деятельности не может охватить своим исследованием весь объект науки, а познает только какую-то его определенную часть. Соответственно, возникает многоаспектность познания одного и того же объекта, что связано с множественностью познающих субъектов, и проблема объединения полученных знаний в одно целостное.

В качестве объекта любой науки выступает тот или иной фрагмент реальности, который избирается субъектом познания для изучения. Объект исследования обуславливает формирование предмета, который определяется как представление об избранном объекте познания.

В круг интересов науки криминалистики входят отношения, касающиеся

сущности, структуры, закономерностей поисково-познавательного механизма, задач, средств и методов получения и использования знаний о явлениях, познаваемых в рамках предметно-практической процессуальной деятельности полномочных должностных лиц правоохранительных органов в стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и судебного следствия по уголовным делам [1, с. 229].

Криминалистика как юридическая наука специального характера ориентирована на решение широкого круга теоретических и прикладных задач противодействия преступности, повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности. Результаты криминалистических исследований и основанные на них криминалистические знания при этом оказываются востребованы не только в работе по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, но и в других сферах юридической, управленческой, экономической и прочей деятельности [2, с. 138]. В криминалистической науке в настоящее время общепринятой считается точка зрения о двуедином объекте криминалистического познания. С одной стороны, это преступность как социальное явление, порожденное обществом, во всем многообразии ее проявлений в разные исторические периоды развития человечества. С другой — это правоохранительная деятельность и составляющая ее криминалистическая деятельность, направленная на разработку эффективных приемов и методов предварительного и судебного следствия по уголовным делам, а также криминалистическую профилактику преступности.

Преступность должна изучаться криминалистикой с позиции структурного подхода. Структура преступности в криминологии понимается как соотношение в ней ее отдельных видов, которые выделяются по уголовно-правовым

и криминологическим основаниям. В качестве оснований классификации преступности выделяют, например, социальные (ее социальная природа, когда причины и условия преступности обусловлены социальными процессами в обществе), мотивационные (побуждения, которые толкают на преступление), социально-территориальную распространенность (особенности распространения преступности на различных территориях (континенты, страны, внутри отдельных стран)), социально-групповые (влияние определенных социальных групп на формирование и развитие преступности), степень и характер общественной опасности, устойчивость преступности, степень организованности и др.

В рамках изучения преступности как элемента объекта познания криминалистики должны выделяться и изучаться современные тенденции ее развития. Учет их также имеет практическое значение для разработки эффективных криминалистических методов и средств борьбы с ней, прежде всего в рамках разрабатываемых и совершенствуемых криминалистических методик.

На современном этапе развития общества можно выделить следующие тенденции развития преступности. 1. Профессионализация преступности, т. е. рост преступлений, совершаемых лицами, для которых преступная деятельность рассматривается как основной источник доходов. 2. Интенсификация преступности, т. е. увеличение объема, видов преступности. 3. Структурные изменения преступности, связанные с ростом ее организованности, увеличением преступлений, совершаемых организованными преступными группами и преступными сообществами. 4. Интеллектуализация преступности, что выражается во все возрастающем количестве высокотехнологичных преступлений, связанных с применением современных компьютерных технологий. 5. Все боль-

шее использование интеллектуальных средств при совершении преступлений. Здесь можно вести речь, например, о все возрастающей киберпреступности, высокотехнологичной преступности. Однако до настоящего времени практически отсутствуют разработанные и подтвержденные практикой методики расследования киберпреступлений, мошенничества, связанного с использованием компьютерных технологий. 6. Увеличение изощренности, технической оснащенности, вооруженности преступности. 7. Возрастание доли таких преступлений, которые сопровождаются массовым насилием (терроризм, уничтожение материальных ценностей). 8. Рост коррумпированности, сращивание преступности и власти, когда во главе преступных групп или сообществ оказываются руководители городов или даже регионов. 9. Увеличение выживаемости и самозащищенности преступного мира, активное слияние преступности и власти. Криминальный мир, в том числе в России, активно внедряет своих представителей во властные структуры, в том числе правоохранительные органы. 10. Расширение криминогенной социальной базы за счет увеличения маргинального слоя люмпенизированных групп населения (безработных, бездомных и других категорий). 11. Упразднение социально-ориентированной идеологии в обществе, подмена духовных, нравственных ценностей, которых придерживались прошлые поколения и которые доказали свою значимость, новыми ложными ценностями (свобода отношений, культ потребления, обладание материальными благами как главный критерий успешности и благополучия, лояльное отношение к различным видам отклоняющегося, в том числе девиантного, поведения, нетрадиционным отношениям и т. п.). 12. Криминализация средств массовой информации. В СМИ, электронных, печатных изданиях, по те-

леvidению, распространяется информация о методах и способах совершения преступлений, приводятся многочисленные примеры конкретных преступных посягательств. Все это способствует созданию и развитию криминальной субкультуры.

Для российской преступности также характерны: усиление корыстной направленности преступности; рост преступности в молодежной среде и преобладание доли молодежи в структуре преступников; алкоголизация молодежи; рост наркотизма, особенно это касается молодежи; стремительное увеличение преступлений, совершаемых мигрантами, чему в решающей степени способствует, мягко говоря, непродуманная, а по сути направленная против коренного населения (для России в первую очередь русскоязычного) своих стран политика властных структур некоторых государств.

В свете вышесказанного криминалистика должна исследовать структуру, динамику преступности, традиционные и новые виды преступных проявлений, новые способы, орудия, методы совершения противоправных деяний, типологию преступников и их жертв, новые типы личности, формируемые под влиянием происходящих в обществе социальных и иных изменений. Должен активно применяться общепринятый в настоящее время ситуационный подход.

В качестве предмета криминалистической науки выступают закономерности механизма преступной деятельности.

Криминалистическая модель механизма преступления представляет собой научно обоснованную, искусственно создаваемую систему (материальную, идеальную), отражающую как событие совершенного преступления в целом, подготовку, совершение, сокрытие, так и его отдельные элементы, образующие в совокупности криминалистическую характеристику преступления, исследование которой дает возможность,

прежде всего следователю, а также другим участникам уголовного судопроизводства, как получить новые, так и проверить уже имеющиеся в наличии сведения о совершенном деянии с целью установления и проверки обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию по делу, а также сопутствующих им обстоятельств идентификационного и диагностического характера в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства (уголовного судопроизводства) по делу.

В рамках изучения объекта и предмета криминалистики должны исследоваться закономерности взаимодействия структурообразующих элементов механизма преступления (субъект, предмет, способ, преступный результат, обстановка, действия лиц, оказавшихся участниками преступного события) между собой, с окружающей средой, закономерности образования при таком взаимодействии следов преступной деятельности.

Следующим элементом, входящим в структуру объекта криминалистической науки, является криминалистическая деятельность по выявлению, предварительному расследованию и судебному следствию по уголовным делам. Должны изучаться и анализироваться как положительный, так и отрицательный опыт уголовного судопроизводства и в России, и за рубежом, достижения современной науки во всех ее отраслях, возможность их практического применения в рамках уголовного судопроизводства.

В настоящее время в криминалистической технике получают свое развитие такие новые направления, как: технология распознавания лиц (FaceID); криминалистическое ДНК-фенотипирование — это потенциально возможный криминалистический метод использования генетических данных человека для получения поисковой информации об индивидуальных особенностях его внешнего облика; микробиомная

идентификация человека; сопоставление татуировок; морфометрия; виртуальная аутопсия; биомаркеры пылицы; микроРНК в идентификации личности; искусственный интеллект.

Распознавание лиц заключается в сопоставлении лиц людей, проходящих мимо специальных камер, с изображениями людей в имеющейся базе данных.

Криминалистическое ДНК-фенотипирование — это метод использования генетических данных человека для получения поисковой информации об индивидуальных особенностях внешности. Благодаря успехам генетики имеется возможность прогнозирования цвета кожи, волос, глаз.

Микробиом (*micro* — маленький, *bios* — жизнь) — сообщество микроорганизмов, населяющих конкретную среду обитания, или совокупность генов микроорганизмов такого сообщества. Вес микробиома человека составляет от 1,3 до 3,5 кг. Для каждого человека он уникален, содержит триллионы микробных клеток. Обнаружение клеток микробиома и их исследование будет в будущем использоваться в целях идентификации.

В настоящее время широко используется опознание по татуировкам. В ситуациях, когда следствие сталкивается с обнаружением фрагментов тела, татуировки на них могут содержать в себе гораздо больше криминалистически значимой информации, чем мы себе представляем.

Морфометрия (др.-греч. *μορφή* — форма + *μετρέω* — мерить, оценивать) — раздел геоморфологии, посвященный числовым характеристикам элементов, форм (линейные, площадные, объемные) и типов рельефа; для размеров применяют именованные числа. Морфометрия (измерение форм тела), возможно, будет использоваться для определения скелетных останков пропавших детей. Ученые смогут применить этот метод к более молодым людям.

Аутопсия (др.-греч. *αὐτός* — сам + *ὥπσις* — зрение) — патолого-анатомическая или судебно-медицинская процедура, посмертное вскрытие и исследование тела, в том числе внутренних органов. Осуществляется для установления причины смерти. В будущем не потребуется проводить физические вскрытия, станут возможными виртуальные.

Палинология — наука на стыке ботаники, геологии, палеогеографии, палеоботаники, связанная с изучением пыльцевых зерен и спор растений, грибов и бактерий. Пыльца есть везде, где растут цветущие растения. Данные факторы определяют конкретную «сигнатуру» пыльцевых зерен, что делает их биомаркерами, связанными с конкретными временами и местами.

Активно ведется разработка так называемых «электронных носов». Приборы смогут делать работу, которую в настоящее время выполняют служебные собаки.

МикроРНК — малые некодирующие молекулы РНК длиной 18–25 нуклеотидов. Распознавая микроРНК, эксперты смогут отличать разные биологические образцы друг от друга.

Искусственный интеллект — свойство искусственных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека. Управлением научно-исследовательской деятельности (Научно-исследовательским институтом криминалистики) Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации реализуются исследования, связанные с изучением возможностей этих методов в установлении обстоятельств совершения преступлений и причастных к ним лиц¹.

¹Криминалистика будущего / кафедра криминалистики МГЮА. 5 февраля 2025 г. URL: <https://dzen.ru/a/Z6NDMybVywWw0aTv?ysclid=mi555ttnci536979890> (дата обращения: 20.11.2025).

Разделяем мнение Д.Ю. Яковлева, который полагает, что предмет криминалистики составляют три группы закономерностей, изучаемых данной наукой.

1. Закономерности преступной деятельности: а) закономерности формирования, выбора и осуществления способов подготовки, совершения и сокрытия преступления, закономерности выбора способа совершения преступления в зависимости от конкретных обстоятельств субъективного и объективного характера; б) закономерности возникновения и развития связей между элементами механизма преступления; в) закономерности поведения несовершеннолетних, лиц, имеющих психические отклонения; г) закономерности формирования, деятельности преступных групп, закономерности выбора оружия, других средств преступления, обусловленные преступным опытом, профессиональными навыками, видами обстановки и объектов посягательства и т. д.); д) закономерности возникновения и развития явлений, связанных с преступлениями, до, во время и после их совершения.

2. Закономерности возникновения информации о преступлении: а) закономерная повторяемость процесса возникновения следов события, чему способствует постоянство (типичность) носителей и источников отображения информации (материальных и идеальных) о преступлении; б) связь между действиями преступника и преступным результатом; в) проявление объективно повторяющихся комплексов материальных следов последствий, характерных для различного рода криминалистических ситуаций при совершении преступлений в различных сферах человеческой деятельности; г) закономерные связи между способом преступления и следами применения этого способа; д) закономерности формирования

образной и словесной информации, связанной с событием преступления, в сознании потерпевших, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых; обусловленность точности их показаний различными факторами (психофизиологическими особенностями, условиями восприятия и т. д.).

3. Закономерности деятельности, связанной с раскрытием, расследованием и предотвращением преступлений: а) объективно существующая возможность обнаружения доказательств; б) объективно существующая возможность исследования (познания) следов преступления, их оценки, использования; закономерности операций и/или действий по обнаружению, фиксации, изъятию, осмотру и использованию в доказывании следов преступлений; в) закономерности взаимодействия компетентных органов, решающих задачи раскрытия, расследования и предотвращения преступлений; г) типичность поведения на следствии субъектов преступления, потерпевших и свидетелей с учетом вида, особенностей расследуемых преступлений, психофизиологических, временных и иных факторов [3, с. 112–113].

В рамках изучения криминалистической деятельности по борьбе с преступностью подлежат исследованию типовые ситуации предварительного и судебного следствия по делам разных категорий преступлений, закономерности поведения участников уголовного судопроизводства. Дальнейшее всестороннее изучение преступной деятельности и криминалистической деятельности по предварительному и судебному следствию позволит эффективно решать задачи уголовного судопроизводства, достигая через них его цели.

Список источников

1. Бертовский Л.В., Образцов В.А. Понятие, объект и предмет криминалистики // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 228 — 233.
2. Головин А.Ю. Объект, предмет и система криминалистики: есть ли предпосылки для расширения? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (102). С. 137 — 145.
3. Яковлев Д.Ю. Объект и предмет научного познания криминалистики и объективная обусловленность интеграции в нее достижений биологии // Сибирский юридический вестник. 2013. № 4 (63). С. 108 — 113.

Информация об авторе

А.А. Корчагин — доцент кафедры уголовного процесса юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

A.A. Korchagin — Associate Professor at the Department of Criminal Procedure, Faculty of Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.2/.7

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 304 УК РФ, СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ

Роман Михайлович КРАВЧЕНКО

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, roman888rus@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются признаки объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ. На основе анализа разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, практики судов по рассмотрению отдельных уголовных дел, достижений уголовно-правовой науки формулируются правила применения нормы об ответственности за провокацию взятки или коммерческого подкупа и ее соотношение со смежными составами преступлений.

Ключевые слова: уголовное право, провокация взятки, фальсификация доказательств, должностные преступления

Для цитирования: Кравченко Р.М. Проблемы соотношения преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, со смежными составами // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 53 – 58.

Original article

PROBLEMS OF DELIMITING THE OFFENCE UNDER ARTICLE 304 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION FROM RELATED OFFENCES

Roman M. KRAVCHENKO

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, roman888rus@rambler.ru*

Abstract. The article examines the objective side of the offence provided for by Article 304 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on an analysis of the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, judicial practice in specific criminal cases, and developments in criminal law doctrine, the author formulates guidelines for applying the provisions on liability for the provocation of a bribe or commercial bribery, as well as for delimiting this offence from related crimes.

Keywords: criminal law, provocation of a bribe, fabrication of evidence, official crimes

For citation: Kravchenko R.M. Problems of delimiting the offence under Article 304 of the Criminal Code of the Russian Federation from related offences. Criminalist. 2026;3(56):53-58. (In Russ.).

Состав преступления, предусмотренный ст. 304 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ),

определен законодателем следующим образом: «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере

© Кравченко Р.М., 2026

закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, то есть попытка передачи должностному лицу, иностранному должностному лицу, должностному лицу публичной международной организации, лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, либо лицу, указанному в части первой статьи 200.5 настоящего Кодекса, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа».

В научной литературе высказывалась критика по поводу несоответствия понятий «провокация», используемых в ст. 304 УК РФ и в Федеральном законе от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [1; 2]. В соответствии со ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» под провокацией понимается подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий¹.

В свою очередь, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, разъясняя правила квалификации по ст. 304 УК РФ, в п. 32 постановления от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» указал, что данный состав преступления подлежит применению в случаях, когда попытка передачи (передача) денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания услуг имущественного характера осуществлялась только в целях искусственного

формирования доказательств совершения преступления или шантажа, когда должностное лицо, лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, а равно лицо, указанное в ч. 1 ст. 200.5 УК РФ, заведомо для виновного не только не давало согласия, но и не совершало никаких действий, свидетельствующих о таком согласии, либо прямо отказалось от получения незаконного вознаграждения ранее².

Используя подобное расхождение в содержании понятия «провокация», некоторые ученые-правоведы высказали позицию о специальном субъекте преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, а именно сотрудник правоохранительного органа [3]. Данная позиция вызывает ряд возражений. Во-первых, диспозиция уголовно-правовой нормы не содержит указания на какие-либо специальные признаки субъекта преступления. Более того, преступление, предусмотренное данной статьей, влечет, в первую очередь, применение необоснованных мер принуждения и ограничение законных прав должностного лица, лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, а равно лица, соответствующего признакам, изложенным в ч. 1 ст. 200.5 УК РФ. Во-вторых, данная позиция не поддерживается судебной практикой.

Так, С. предложил сотрудникам РОВД оказать ему помощь в «подставе сына прокурора», работающего в ГИБДД, чтобы оказать воздействие на прокурора. С. предложил передать сыну прокурора — инспектору ДПС Б. деньги

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ : текст с изм. и доп. на 1 апр. 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102037058> (дата обращения: 17.05.2026).

² О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 : текст с изм. и доп. на 9 дек. 2025 г. // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8355/> (дата обращения: 17.05.2026).

в виде якобы взятки, а потом сообщить об этом в правоохранительные органы.

Далее С. привлек своего знакомого К., который должен был проехать на своей автомашине, найти инспектора Б. и вручить ему ящик водки и деньги под видом взятки.

Затем С. привлек М., работавшего заместителем начальника ОГИБДД ГРОВД, который на автомашине свозил С. и К. на автодорогу, показал место несения инспектором Б. службы, а также заверил, что сам он обеспечит нахождение инспектора Б. именно на этом участке автодороги в составе экипажа ДПС. М. описал внешность инспектора Б. Также М. сказал, что, когда Б. остановит К. за нарушение правил дорожного движения, он должен будет договориться с Б. о решении вопроса по деньгам, без составления протокола о нарушении ПДД. После этого К. должен был проехать мимо ближайшей деревни, остановиться за заправочной станцией и позволить в приемную ГУВД.

В назначенный день К., не нарушая правил дорожного движения, пересек полосу, предназначенную для встречного движения, подъехал к Б. и, выйдя из машины, изображая радость, сказал Б., что у него родился внук, и предложил Б. в подарок ящик водки, после чего достал его из багажника и поставил около патрульной автомашины. Б. стал требовать у него документы, проверил их, спросил у него, не хочет ли он его отравить, и пожелал счастливого пути¹.

Кроме того, провокация взятки может совершаться и должностным лицом, однако вне рамок осуществления полномочий по выявлению и пресечению преступлений.

Так, у старшего следователя Д., задержанного сотрудниками УФСБ России при получении в качестве взятки денежных средств от ФИО43 и пред-

ставляемых последним ФИО11, ФИО12, ФИО13 за непривлечение последних к уголовной ответственности по ст. 293 УК РФ путем вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, возник преступный умысел, направленный на провокацию взятки в отношении прокурора ФИО14 в целях искусственного создания доказательств совершения последним преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ.

Д., заведомо осознавая, что между ним и прокурором ФИО14 отсутствует какая-либо договоренность о передаче-получении взятки и ФИО14 не давал своего согласия на получение от него незаконного денежного вознаграждения (взятки), а также не совершал каких-либо действий, свидетельствующих о таком согласии, при даче объяснений сообщил сотрудникам УФСБ России ложные сведения о том, что получение им денежных средств от сотрудников ФИО43, ФИО11, ФИО12 и ФИО13 обусловлено в том числе требованием прокурора ФИО14 о необходимости передачи в качестве взятки 300 000 рублей за принятие ФИО14 решения о согласии с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела по вышеуказанному факту при его проверке в порядке надзора.

Далее Д. в ходе телефонных переговоров с прокурором ФИО14 договорился с последним о личной встрече под предлогом передачи ФИО14 постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по вышеуказанному материалу проверки.

Совершая действия, направленные на провокацию взятки в отношении прокурора ФИО14, Д. пытался передать прокурору ФИО14 якобы в качестве требуемой последним взятки денежные средства, выданные ему сотрудниками УФСБ России для использования в ходе оперативного эксперимента, сообщая при этом ФИО14 заведомо ложные сведения, что данные деньги предназна-

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 января 2009 г. № 89-008-85. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чаются последнему в качестве благодарности от лиц, в отношении которых вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по вышеуказанному материалу проверки за принятие прокурором ФИО14 решения о согласии с данным постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела при его проверке в порядке надзора.

Прокурор ФИО14, осознавая противоправность действий Д. и не желая получать от последнего какие-либо денежные средства, от получения денежных средств отказался, отложив встречу на другой день с целью документирования и пресечения его преступных действий, а впоследствии обратился с заявлением в правоохранительные органы¹.

Разница в содержании понятия «провокация» в Уголовном кодексе и Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» позволила некоторым ученым говорить о недостаточном уголовно-правовом регулировании ответственности за деяния, совершаемые сотрудниками правоохранительных органов при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Например, по мнению В.М. Зенцовой, «провокационно-подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов не образуют очевидного состава преступления. В то же время именно провокационно-подстрекательские действия несут в себе наибольшую угрозу ввиду своей широкой распространенности» [4, с. 9]. И далее В.М. Зенцова заключает: «... недопустимо устанавливать уголовную ответственность за провокацию только к двум преступлениям, предусмотренным УК РФ: такое регулирование свидетельствует о произвольном подходе законодателя к

криминализации общественно опасных действий со стороны правоохранительных органов» [4, с. 10].

Данная позиция основывается на разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенных в п. 34 постановления от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»: «От преступления, предусмотренного статьей 304 УК РФ, следует отграничивать действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа. <...> Принятие должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, при указанных обстоятельствах денег, ценных бумаг, иного имущества или имущественных прав, а равно услуг имущественного характера не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние».

Ряд ученых, толкуя данные разъяснения, приходят к мысли, что ст. 304 УК РФ «охватывает не провокацию, а фальсификацию доказательств, искусственное создание условий для появления предметов взятки либо коммерческого подкупа у лица, который не имеет никакого отношения к ним» [5].

Вместе с тем согласно позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 15 постановления от 28 июня 2022 года № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия», под фальсификацией результатов оперативно-розыскной деятельности следует понимать, в частности, умышленное внесение уполномоченным должностным лицом в документы заведомо недостоверных

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18 апреля 2023 г. № 77-1849/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сведений о результатах оперативно-разыскной деятельности, в том числе о проведении или непроведении того или иного оперативно-разыскного мероприятия, его участниках, сроке и порядке осуществления, выявленных признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, представление указанным органам в качестве объектов, полученных при проведении оперативно-разыскных мероприятий, поддельных носителей информации или иных предметов¹.

Фактически ч. 4 ст. 303 УК РФ запрещает подлог, т. е. не соответствующее действительности описание представляемых процессуально уполномоченным лицам результатов проведенных оперативно-разыскных мероприятий [1, с. 3], следовательно, составы преступления, предусмотренные ч. 4 ст. 303 и ст. 304 УК РФ, нельзя признавать конкурирующими ввиду того, что они предусматривают ответственность за содержательно разные общественно опасные деяния.

В объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, не могут входить организация склонения лица к совершению преступления, «подбрасывание» предметов, ограниченных в обороте, физическое или психическое воздействие на потерпевшего и применение к нему специальных средств [1, с. 10].

Более того, факт провокации взятки не исключает квалификации деяния должностных лиц по совокупности с ч. 4 ст. 303 УК РФ в случаях, когда после соз-

дания видимости получения должностным лицом взятки документирование результатов оперативно-разыскной деятельности совершается путем отражения недостоверных сведений о добровольном принятии им предмета незаконного вознаграждения.

Отсутствие указания в п. 34 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» на правила квалификации деяния должностных лиц, которые при проведении оперативно-разыскного мероприятия, по сути, подстрекали другое лицо к получению взятки, не означает полное отсутствие в их деянии признаков состава преступления. Подобное нарушение фундаментальных требований федерального законодательства представителями власти, наделенными полномочиями по ограничению в установленном порядке конституционных прав граждан, полностью вписывается в признаки состава превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

Факт наличия у сотрудников органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, полномочий по проведению оперативно-разыскных мероприятий не означает, что такие деяния подлежат квалификации по ст. 285 УК РФ, так как в подобных случаях виновным нарушается фундаментальный запрет отраслевого законодательства о недопустимости подстрекательства, склонения, побуждения в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, что должно рассматриваться как выход за рамки предоставленных законом полномочий, а не их использование против интересов службы.

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/31333> (дата обращения: 17.05.2026).

Список источников

1. Борков В.Н. Квалификация фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, сопряженной с другими преступлениями // Уголовное право. 2023. № 8 (156). С. 3 – 10.
2. Комиссаров В.С., Яни П.С. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключющее ответственность за получение взятки // Законность. 2010. № 9 (911). С. 3 – 8.
3. Чекмезова Е.И. Преступления против правосудия. Омск : Сибирский юрид. ун-т, 2024. 293 с.
4. Зенцова В.М. Провокационно-подстрекательская деятельность сотрудников правоохранительных органов по делам о взяточничестве // Адвокатская практика. 2020. № 1. С. 10 – 15.
5. Иванов В.Д., Черепяхин В.А. Провокация преступления // Российский следователь. 2013. № 14. С. 29 – 32.

Информация об авторе

Р.М. Кравченко – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

R.M. Kravchenko – Associate Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.5

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАКАЗУЕМОСТИ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Николай Викторович КРУПОДЕРОВ

*Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург,
Россия, тел. 7.02@mail.ru*

Аннотация. В судебной практике наметилась положительная тенденция снижения числа лиц, ранее судимых, что подтверждает повышение роли уголовного наказания. Нормы отечественного уголовного права, направленные на предупреждение рецидива, основываются на общих принципах уголовного права, предполагают наличие в содеянном признаков состава преступления, наличие неснятой или непогашенной судимости за предыдущее преступление, а также других установленных уголовным законом признаков, характеризующих рецидив, которые не выходят за рамки общих оснований уголовной ответственности. Установлено, что уголовное наказание придает значение рецидиву как средству индивидуализации наказания в пределах установленной санкции.

Ключевые слова: исправление, наказание, преступление, предупреждение, рецидив, судимость

Для цитирования: Круподеров Н.В. Некоторые аспекты наказуемости рецидива преступлений // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 59 – 64.

Original article

SOME ASPECTS OF THE PUNISHABILITY OF RECIDIVISM CRIMES

Nikolay V. KRUPODEROV

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, men.7.02@mail.ru

Abstract. Judicial practice shows a positive trend in a reduction in the number of individuals with prior convictions, which underscores the growing role of criminal punishment. The norms of domestic criminal law aimed at preventing recidivism are based on general principles of criminal law. They presuppose the presence of the corpus delicti in the committed act, the existence of an unexpunged or unspent criminal record for a prior offence, as well as other statutory criteria characterizing recidivism, all of which remain within the general grounds for criminal liability. It has been established that the criminal justice system treats recidivism as a significant factor for the individualization of sentencing within the limits of the prescribed statutory sanction.

Keywords: correction, punishment, crime, prevention, recidivism, criminal record

For citation: Krupoderov N.V. Some aspects of the punishability of recidivism crimes. Criminalist. 2026;3(56):59-64. (In Russ.).

Повышенный интерес к изучению уголовно-правового рецидива обусловлен его стабильно высокой долей в об-

щем числе совершенных преступлений. В 2024 году число лиц, совершивших преступления, ранее судимых состави-

© Круподеров Н.В., 2026

ло 192 488, совершивших преступления, признанные рецидивом, — 82 615, опасным рецидивом — 8861, особо опасным рецидивом — 3839¹. В 2020 году число таких лиц составило 255 296, совершивших преступления, признанные рецидивом, — 118 112, опасным рецидивом — 13 461, особо опасным рецидивом — 5607².

Результаты криминологических исследования указывают на то, что лицами во время первого года после освобождения из места лишения свободы совершается больше половины преступлений, которые характеризуются как рецидивные [1, с. 114].

Назначение наказания за первое преступление рассматривается как одно из уголовно-правовых средств предупреждения рецидива. Цель наказания можно конкретизировать как исправление осужденных в духе уважения к соблюдению законов, предупреждение преступлений со стороны осужденных и иных лиц.

Если после отбытия наказания за первое преступление не достигнута цель исправления, то у лица может отмечаться развитие и закрепление преступной направленности.

В понятие рецидива не следует включать совершение повторного преступления в момент предварительного расследования или судебного разбирательства [2, с. 109].

Имеется точка зрения, согласно которой существует зависимость показателей рецидива и эффективности работы

исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы. Например, Б.С. Никифоров писал, что когда «затрагивается вопрос о рецидиве как показателе эффективности наказания, речь фактически идет о рецидиве в той лишь мере, в какой он является результатом несовершенства уголовного и исправительно-трудового законодательства и практики его применения. Какова эта мера ... об этом мы, к сожалению, знаем пока не очень много. Это сожаление тем более обоснованно, что вопрос об этой мере — одна из главных проблем научной криминологии» [3, с. 90—91].

Действительно, деятельность всей системы уголовной юстиции определенным образом воздействует на преступность или, точнее, находится в определенном взаимодействии и взаимообусловленности с преступностью, и, конечно, органы, исполняющие наказание, так или иначе воздействуют на массу осужденных, реализуя это самое наказание. Однако, как справедливо отмечал Б.С. Никифоров, даже при условии идеальной организации исполнения наказания все равно рецидив неизбежен [3, с. 9].

Можно полагать, что показатели рецидива находятся в некоторой зависимости от уровня организации деятельности по исполнению уголовного наказания. При идеальной организации они минимальны, при наличии недостатков должны быть больше.

В судебной практике встречаются случаи назначения либо необоснованно мягких, либо слишком суровых наказаний, подрывающих веру в справедливость правосудия. Особенно нетерпимыми представляются случаи необоснованного назначения более сурового наказания в связи с неоправданно широким толкованием закона об учете обстоятельств, отягчающих наказание. Такое

¹ Сводный отчет по России «Сведения о лицах, совершивших преступления». Январь — декабрь 2024 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/statistics/> (дата обращения: 01.02.2026).

² Сводный отчет по России «Сведения о лицах, совершивших преступления». Январь — декабрь 2020 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/statistics/> (дата обращения: 01.02.2026).

наказание осознается и самим осужденным как несправедливое.

Следует согласиться с мнением ученых, которые отмечают, что степень отрицательного воздействия наказания в виде лишения свободы, оказываемого им на общество, зависит от объема его применения. Использование лишения свободы как универсального и наиболее подходящего средства борьбы с преступностью способно принести только вред. С другой стороны, существует опасность, что резкое снижение объема его применения, особенно если снижение осуществляется под влиянием кампании, бездумной реализации «модных» указаний о всемерном сокращении объема применения лишения свободы, приведет к еще большим отрицательным результатам, когда наказание перестанет отвечать требованиям социальной справедливости, выражающейся, в частности, в том, что опасные преступники должны быть наказаны сурово [4, с. 9].

Будет неверным говорить о прямой пропорциональной зависимости между объемом применения лишения свободы и степенью отрицательных последствий его реализации. Очевидно, должен существовать некий предел, определяемый видами преступлений, тяжестью их последствий, ниже которого объем применения данного наказания не должен опускаться. Определить эти границы, проанализировать с учетом значимых социальных последствий подобного решения является основной задачей в области изучения проблем наказания, в том числе при рецидиве.

Издержки высокого уровня применения лишения свободы, которые вынуждено нести общество, оказываются весьма значительными. К сожалению, в юридической литературе эта проблема не получила должного освещения, можно назвать лишь отдельные работы, в которых ставятся эти вопросы [5,

с. 110–115]. Однако, не боясь ошибиться, можно утверждать, что решение проблем предупреждения преступности путем вынесения суровых приговоров к лишению свободы — путь порочный и к успеху привести не может. Главное отрицательное свойство наказания в виде лишения свободы заключается в том, что оно способствует объединению, сплочению преступной среды.

Учитывая гуманизацию законодательной и правоприменительной сфер, судебная практика идет по пути создания реальных условий для исправления личности, что подтверждается судебной практикой.

Так, наличие у лица прежней судимости, рецидива преступлений, само по себе не может являться основанием для отказа в отсрочке отбывания наказания. По приговору суда от 17 октября 2024 года К. осужден по ч. 1 ст. 291.2, ч. 3 ст. 291 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). На основании ч. 3 ст. 69, 70 УК РФ окончательно К. назначено наказание в виде лишения свободы на срок три года, со штрафом в размере 150 000 рублей, с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок один год шесть месяцев.

В соответствии со ст. 82 УК РФ наказание в виде лишения свободы, назначенное К., отсрочено до достижения его ребенком У. четырнадцатилетнего возраста.

В апелляционном представлении старший помощник межрайонного прокурора оспаривал обоснованность применения к К. положений ст. 82 УК РФ, указывая, что преступление К. совершил в условиях опасного рецидива, в связи с чем просил отменить приговор.

Совершенные К. преступления не относятся к числу преступлений, при которых запрещается применение ч. 1 ст. 82 УК РФ.

Принимая во внимание изложенные в приговоре суда характеризующие осужденного данные К., который зарекомендовал себя с положительной стороны, надлежащим образом и добросовестно исполнял свои родительские обязанности в отношении малолетней дочери У., создал для жизни и воспитания ребенка надлежащие социальные и бытовые условия исходя из интересов малолетней У., судебная коллегия нашла применение к осужденному положений ч. 1 ст. 82 УК РФ отвечающим интересам ребенка и отказала в удовлетворении апелляционного представления¹.

Гибкость системы определения наказания в данном случае заключается в дифференциации назначения наказания в зависимости от того, идет речь о совершении нового преступления до отбытия наказания или после того, как осужденный его отбыл.

В решении проблем наказания в уголовном законодательстве не может не проявляться общая тенденция уголовной политики, на основе которой создавалась концепция уголовного закона. Действовавшая в советское время тенденция ужесточения ответственности, усиления уголовной репрессии, основанная на представлении о насилии как основном способе решения социальных проблем, проявлявшаяся не только в расширении круга уголовно наказуемых деяний, но и в ужесточении наказания, сменяется гуманизацией наказания.

Поскольку уголовное законодательство — это социально-правовая реалья, постольку такой же реалией должно быть и принуждение, одной из форм проявления которого выступает наказание. Это принуждение (причем

не любое, а только государственное) должно быть предусмотрено уголовным законом, ибо уголовное наказание, предусмотренное уголовным законом, не может быть мерой того принуждения, которое этим законом не предусмотрено. При таком подходе логично только одно заключение — государственное принуждение, предусмотренное уголовным законом, есть уголовное наказание, или кара (как заключают отдельные авторы). Именно в наказании государственное принуждение, предусмотренное уголовным законом, проявляет свою собственную субстанцию, свое содержательное бытие. Исходя из этого, наказание не может выступать мерой своей собственной субстанции, своего содержания. Оно может быть мерой лишь того содержания, которое находится вне его пределов. Кроме того, проекция «наказание — принуждение» (и больше ничего) исчерпала себя, как исчерпал себя и сам административно-командный метод воздействия на сознание людей, в основе которого до гипертрофированных пределов культивировался принудительный подход к регулированию социальных процессов [6, с. 10–11].

Если вести речь о диалектическом сочетании личности преступника и преступления при рецидиве, отечественное уголовное законодательство и теория уголовного права исходят из того, что опасность лица, которое совершило преступление, определяется общественной опасностью совершенного им преступления. Логично следует вывод, что рецидив рассматривается как свойство преступления, а лицо, которое его совершило, находится в неразрывной связи с совершенным деянием.

Привлечение к уголовной ответственности за рецидив строится на тех же основаниях, что и привлечение к ответственности за другое преступление

¹ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 20 декабря 2024 г. по делу № 22-9068/2024 // Бюллетень судебной практики по уголовным делам. IV квартал 2024 года / Свердловский областной суд. Екатеринбург, 2025. С. 8–9.

— на наличии всех признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законом.

Таким образом, общественная опасность личности виновного в основание уголовной ответственности не входит. Свойства личности преступника, его социальная опасность не могут иметь самостоятельного значения для уголовной ответственности. Правильно отмечал В.Д. Филимонов, что уголовная ответственность может быть регулятором поведения человека, а следовательно, и предупреждать совершение преступлений только в том случае, если она будет адресоваться к его действиям, а не к особенностям личности [7, с. 262].

Общественная опасность личности, пока она не проявилась в совершении преступления, не может иметь уголовно-правового значения. Также не подлежит учету судимость, являющаяся криминообразующим (составообразующим) признаком преступления¹.

Изложенное дает основание считать, что более правильным будет применение не только строгих мер наказания,

но и целого комплекса мер, к которым следует отнести строгое соблюдение принципа неотвратимости наказания, максимальную и своевременную раскрываемость преступлений и соответствующее реагирование, правильную организацию процесса отбывания наказания.

Следует отметить, что в настоящее время повышается интерес к исследованию уголовно-правового рецидива, особенностей наказаний, имеющих теоретическую и практическую направленность на совершенствование уголовного закона. Используются значимое число эмпирических фактов, наблюдений практики реализации закона за длительное время, анализ прямых и косвенных последствий ранее принятых нормативных актов, данные специальных опросов общественного мнения. Иными словами, предпринимаются попытки решить задачу совершенствования уголовного закона и оценки его результативности, опираясь на результаты фундаментальных научных исследований.

Список источников

1. Кунц Е.В. Тенденции снижения рецидивной преступности // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы XXIV Всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 16–17 октября 2024 года. Новокузнецк : Кузбасский ин-т Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 113–115.
2. Голубовский В.Ю. Теоретико-правовые аспекты рецидивной преступности // Криминологическая политика и практика противодействия преступности (памяти профессора кафедры В.А. Уткина) : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 марта 2025 года. Москва : Московский ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2025. С. 108–111.
3. Эффективность уголовных мер борьбы с преступностью / Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности ; под ред. проф. Б.С. Никифорова. Москва : Юрид. лит., 1968. 255 с.
4. Комарицкий С.И. Рецидивная преступность осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы (вопросы методики) : учебное пособие. Москва : ВНИИ МВД СССР, 1990. 72 с.

¹ Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 20 апреля 2023 г. по делу № 22-2703/2023 // Бюллетень судебной практики по уголовным делам. II квартал 2023 года / Свердловский областной суд. Екатеринбург, 2023. С. 10–11.

5. Шмаров И.В. Социология уголовного наказания // Планирование мер борьбы с преступностью : материалы коллоквиума, 13 – 19 октября 1980 г. / редкол.: В.М. Коган (отв. ред.) [и др.]. Москва : [б.и.], 1982. С. 110 – 115.

6. Козаченко И.Я. Уголовное наказание: понятие и функции // Проблемы наказания и исполнения приговора в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве : материалы научной конференции, Кемерово, 5 – 6 февраля 1992 г. / Кемеровский государственный университет. Кемерово : КГУ, 1992. 89 с.

7. Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника: (предпосылки, содержание, критерии). Томск : Изд-во Томского ун-та, 1970. 275 с.

Информация об авторе

Н.В. Круподеров – аспирант Уральского государственного юридического института имени В.Ф. Яковлева.

Information about the author

N.V. Krupoderov – Postgraduate Student, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev.

Научная статья
УДК 343.9

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК ИНФОРМАЦИОННАЯ ОСНОВА ПРОГНОЗИРОВАНИЯ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ

Елена Вячеславовна ЛАТЫШЕВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, egjohns@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется насильственная преступность в семейно-бытовой сфере как самостоятельный объект криминологического анализа. Эмпирическую основу составили данные государственной статистики о преступности за 2019 – 2025 гг., проведено исследование 523 судебных решений в рассматриваемой сфере.

Установлено, что насильственная преступность в семейно-бытовой сфере имеет стабильно высокую долю в общей массе насильственной преступности, а в ее структуре доминируют преступления против жизни и здоровья. Значимыми криминогенными факторами выступают алкоголизация, предшествующая виктимизация, длительный конфликт и социальное неблагополучие. Выявленные количественные и качественные характеристики, закономерности и тенденции развития данного вида преступности позволяют сформировать информационную основу и определить прогностически значимые показатели для построения криминологического прогноза насильственной преступности в семейно-бытовой сфере.

Ключевые слова: насильственная преступность, семейно-бытовая сфера, криминологический анализ, криминологическое прогнозирование, виктимизация

Для цитирования: Латышева Е.В. Криминологический анализ как информационная основа прогнозирования насильственной преступности в семейно-бытовой сфере // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 65 – 73.

Original article

CRIMINOLOGICAL ANALYSIS AS AN INFORMATIONAL FOUNDATION FOR FORECASTING VIOLENT CRIME IN THE DOMESTIC AND FAMILY SPHERE

Elena V. LATYSHEVA

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, egjohns@mail.ru*

Abstract. This article examines violent crime in the domestic and family sphere as a distinct object of criminological analysis. The empirical foundation of the study comprises official crime statistics for the period 2019–2025, alongside an analysis of 523 court decisions in the relevant domain.

The study establishes that violent crime in the domestic and family sphere consistently constitutes a substantial share of overall violent crime, with offences against life and health dominating its structure. Significant criminogenic factors include alcohol abuse, prior victimization, prolonged conflict, and social disadvantage. The identified quantitative and qualitative characteristics, patterns, and developmental trends of this category of crime provide a robust informational founda-

© Латышева Е.В., 2026

tion and enable the determination of predictive indicators necessary for developing a criminological forecast of violent crime in the domestic and family sphere.

Keywords: violent crime, domestic and family sphere, criminological analysis, criminological forecasting, victimisation

For citation: Latysheva E.V. Criminological analysis as an informational foundation for forecasting violent crime in the domestic and family sphere. *Criminalist*. 2026;3(56):65-73. (In Russ.).

Тема семейно-бытового насилия является одной из самых острых и противоречивых в российском обществе. Проведенные исследования подтверждают распространенность данного явления [1, с. 240], а также преобладание общественных взглядов о недопустимости применения физической силы в отношении близких лиц¹.

Исследования насильственной преступности в семейно-бытовой сфере условно можно разделить на несколько направлений:

комплексные криминологические исследования преступности в семье, в которых данное явление рассматривается системно, через его понятие, признаки, структуру, детерминанты и меры противодействия. К ним относятся работы Д.А. Шестакова [2], А.Н. Ильяшенко [3], В.С. Харламова [4], В.Ф. Щепелькова [1; 5], М.П. Ефимовой [6] и др.;

исследования криминологической характеристики личности преступника (С.Т. Ахмедханова [7], Н.А. Гришко [8]);

виктимологические исследования, посвященные жертвам насилия в семье и виктимологической профилактике (И.А. Морчев [9], Л.А. Колпакова [10], Е.Е. Мусатова [11], Ю.В. Зырянова [12] и др.).

В большинстве работ криминологический анализ выступает средством описания и объяснения данного явления, тогда как его значение в качестве информационной основы криминологи-

ческого прогнозирования раскрыто недостаточно. Между тем именно криминологический анализ обладает не только описательным, но и прогностическим значением в исследовании преступности, поскольку выступает средством получения и систематизации эмпирических данных, необходимых для выявления тенденций, оценки вероятных изменений преступности и выработки научно обоснованных предупредительных мер.

Одной из проблем установления состояния насильственной преступности в семейно-бытовой сфере является отсутствие критериев его определения, а также отдельного статистического учета.

Для целей настоящего исследования информация получена из отчетной формы 2-ЕГС «Сведения о лицах, совершивших преступления»², которая содержит данные о совершении преступления членом семьи, родственником, сожителем, сексуальным партнером (в том числе бывшими). В данной форме представлена наиболее полная информация о насилии в семье, поскольку охватывает широкий круг преступлений, совершаемых в семейно-бытовой сфере.

В ранее проведенном нами исследовании определены криминологически значимые признаки насильственной

¹ Восприятие домашнего насилия // Russian Field : сайт. URL: <https://russianfield.com/domesticviolence> (дата обращения: 31.03.2026).

² Об утверждении формы федерального статистического наблюдения № 2-ЕГС «Сведения о лицах, совершивших преступления»: Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 27 декабря 2019 г. № 910 // Е-ДОСЪЕ – Электронный эколог : сайт. URL: <https://e-ecolog.ru/> (дата обращения: 10.02.2026).

преступности в семейно-бытовой сфере, на основе которых установлены преступления, входящие в массив рассматриваемого вида преступности [13]. Статистические сведения о данных ви-

дах преступлений за 2019 – 2025 годы отражены в таблице¹:

Из приведенных данных следует, что в 2025 году по сравнению с 2020 годом произошло снижение на 41 % общего

Т а б л и ц а

№	Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
1	Всего выявлено лиц, совершивших преступления (по наиболее тяжкому) по выбранному массиву насильственных преступлений	139 008	136 250	128 857	120 533	112 748	99 591	85 476
2	Всего выявлено лиц, совершивших семейно-бытовое преступление, в том числе предусмотренное:	52 335	54 006	52 843	48 546	44 908	37 969	31 846
2.1	Главой 16 УК РФ (ст. 105 – 108, 110 – 112, 114 – 117, 119 УК РФ)	50 531	52 169	50 824	46 594	43 065	36 422	30 378
2.2	Главой 17 УК РФ (ст. 126 УК РФ)	7	14	22	29	29	31	32
2.3	Главой 18 УК РФ (ст. 131 – 133 УК РФ)	703	876	1 057	1 098	1 159	987	1 022
2.4	Главой 20 УК РФ (ст. 150, 151, 156 УК РФ)	1 094	947	940	824	653	527	414
2.5	Главой 25 УК РФ (ст. 240, 241 УК РФ)	-	-	-	1	2	2	0
3	Доля лиц, совершивших насильственные семейно-бытовые преступления, в общем числе лиц, совершивших насильственные преступления, %	37,6	39,6	41,0	40,3	39,8	38,1	37,3

¹ Здесь и далее сведения приведены по : Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/statistics> (дата обращения: 10.02.2026).

числа совершивших насильственные преступления лиц, что согласуется с тенденцией снижения количества зарегистрированных преступлений. При этом удельный вес семейно-бытовой преступности в общем объеме насильственной преступности остается стабильно высоким (в среднем 39,1 % за 2019–2025 годы), что свидетельствует о значимой доле данного вида преступности. Такая тенденция может быть связана с девальвацией института брака, а также с совместным проживанием бывших супругов (сожителей) после юридического или фактического прекращения отношений.

Абсолютное большинство в структуре анализируемого массива (96 % в среднем за 2019–2025 годы) образуют лица, совершившие преступления, предусмотренные главой 16 УК РФ. Наибольший удельный вес составляют лица, совершившие преступления, предусмотренные ст. 119 УК РФ (в 2025 году — 12 188, или 38,3 %), ст. 115 УК РФ (в 2025 году — 6 340, или 19,9 %), ст. 111 УК РФ (в 2025 году — 3 131, или 9,8 %). При этом наблюдается тенденция к увеличению доли лиц, совершивших убийства: с 1438 (2,7 %) в 2019 году до 1209 (3,2 %) в 2024 году и до 959 (3 %) в 2025 году.

Нарастающий тренд прослеживается в выявлении лиц, совершивших насильственные преступления сексуального характера. Их доля с 2019 года выросла почти в 2,5 раза (с 1,3 % в 2019 году до 3,2 % в 2025 году).

Приведенные статистические данные показывают, что насильственная преступность в семейно-бытовой сфере представляет собой крупный и устойчивый сегмент насильственной преступности, для которого характерна высокая доля преступлений против личности. В структуре лиц, совершающих преступления в семейно-бытовой сфере, наблюдается смещение от юридически оформленных связей к фактическим се-

мейным отношениям, в том числе после их формального разрыва.

При общем снижении числа выявленных лиц, совершивших семейно-бытовые насильственные преступления, сохраняется стабильным число наиболее опасных форм насилия (убийство, причинение тяжкого вреда здоровью).

Отмечается тенденция роста сексуализированного насилия в семье, что может указывать как на реальное увеличение числа преступлений, так и на изменения в правоприменительной и следственной практике, что требует проведения дополнительного исследования.

В целях выявления качественных характеристик насильственной преступности в семейно-бытовой сфере проведен анализ судебных решений, размещенных в открытом доступе в электронной базе судебных и нормативных актов (<https://sudact.ru/>). Всего проанализировано 523 судебных акта за период с 2012 по 2025 год (основной массив включает судебные решения с 2018 по 2025 год) судов 74 субъектов Российской Федерации.

Изученные судебные акты были вынесены в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений, предусмотренных ст. 111 УК РФ (226, или 43,2 %), ст. 105 УК РФ (96, или 18,4 %), ст. 119 УК РФ (58, или 11,1 %), ст. 112 УК РФ (57, или 10,9 %), ст. 116.1 УК РФ (54, или 10,3 %), ст. 117 УК РФ (33, или 6,3 %), ст. 115 УК РФ (26, или 5 %), ст. 107 УК РФ (25, или 4,8 %).

Проведенный анализ показал, что насилие, совершаемое в семье, в основном носит физический характер. В 67 % случаев преступление совершено с использованием бытовых предметов в качестве оружия, т. е. бытовая среда в ситуации конфликта предоставляет доступ к потенциальному орудию насилия, что свидетельствует о ее криминогенности.

В структуре изученного массива судебных решений доля решений в отношении мужчин, совершивших

семейно-бытовое насильственное преступление, составляет 62,3 % (326), в отношении женщин — 37,7 % (197). Такое распределение свидетельствует о значительном участии женщин в совершении насильственных семейно-бытовых преступлений, что подтверждает выводы ранее проведенных исследований [1, с. 236].

Существенную долю составляют женщины, признанные виновными в совершении преступлений, предусмотренных ст. 107 УК РФ (13, или 52 %), ст. 111 УК РФ (104, или 46 %), ст. 105 УК РФ (41, или 42,7 %). В подавляющем большинстве случаев мужчинами совершались преступления, предусмотренные ст. 116.1 УК РФ (52, или 96,3 %), ст. 119 УК РФ (55, или 94,8 %), ст. 117 УК РФ (29, или 87,9 %), ст. 112 УК РФ (48, или 84,2 %).

Данное распределение позволяет сделать вывод о том, что мужчины доминируют в систематическом бытовом насилии, угрозах, побоях, т. е. в совершении преступлений небольшой и средней тяжести. Для них характерна агрессивная, повторяющаяся модель поведения.

Женская насильственная семейно-бытовая преступность представлена более тяжкими составами преступлений. Однако анализ судебных решений показал, что в 74,6 % всех женских преступлений причинами их совершения послужили противоправное или аморальное поведение потерпевшего, предшествующее насилие с его стороны. То есть для женщин характерна реактивная и ситуативная модель поведения.

Например, 30 июля 2021 года Североуральским городским судом Свердловской области Ц. осуждена по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ за умышленное причинение своему супругу тяжкого вреда здоровью с применением предмета, используемого в качестве оружия (кухонного ножа), в ответ на противоправные дей-

ствия потерпевшего (оскорбления, побои). В приговоре содержатся сведения о неоднократном применении насилия со стороны потерпевшего к Ц., о привлечении его к административной ответственности за побои по ст. 6.1.1 КоАП РФ¹.

По характеру взаимоотношений между преступником и жертвой в изученных судебных актах преобладает доля супругов — 38,2 %, или 200, доля сожителей составила 31,2 %, или 166, родителей и детей — 17,4 %, или 91, бывших супругов и сожителей — 7,8 %, или 41. Таким образом, в насильственной преступности в семье преобладают юридические и фактические супружеские отношения (69,4 %), в которых потерпевший и преступник находятся в близких и устойчивых отношениях. Данный тезис подтверждается также данными официальной статистики, приведенными выше.

По мотивационной обусловленности в основе рассматриваемого вида преступности находятся личные неприязненные отношения, возникшие в ходе конфликта, ссоры (467, или 88 %). Также среди мотивов присутствуют ревность (157, или 30 %), месть и обида (79, или 15,1 %).

Одним из криминогенных факторов насильственной преступности в семье является алкоголизация. В состоянии алкогольного опьянения совершены 79,5 % преступлений.

Наличие психических отклонений и расстройств, в том числе связанных с органическими расстройствами личности на фоне злоупотребления алкоголем,

¹ Приговор Североуральского городского суда Свердловской области от 30 июля 2021 г. по делу № 1-119/2021 // Североуральский городской суд Свердловской области : офиц. сайт. URL: https://severouralsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=201221842&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.04.2026).

установлено только в 9,6 % изученных решений. Незначительная доля таких отклонений свидетельствует об отсутствии криминогенности данного фактора. Вместе с тем имеются исследования, в которых приведены сведения о наличии почти у половины осужденных (48,5 %) психических аномалий [14, с. 155], что, на наш взгляд, является спорным.

Проанализированы сведения о занятости и образовании осужденных. Информация о занятости содержалась в 378 судебных актах (72,3 %), об образовании — в 191 (36,5 %), что обусловлено обезличиванием данных в приговорах.

В структуре лиц, совершивших преступления, преобладают безработные (164, или 43,4 %), работающие по найму (129, или 34,1 %), официально нетрудоустроенные или имеющие случайные заработки (30, или 7,9 %). Значительная часть выборки представлена лицами, занятыми на низкоквалифицированных работах (разнорабочие, грузчики, вахтеры, строители и т. п.). Среди преступников преобладают лица, не имеющие устойчивой трудовой занятости: безработные, лица со случайными заработками, пенсионеры, инвалиды (233, или 62 %).

Полученные из судебных решений сведения об образовании осужденных свидетельствуют о том, что 46,6 % (89) имеют среднее профессиональное образование, среднее общее — 24,6 % (47), основное общее или неполное среднее — 17,3 % (33). Таким образом, насильственная семейно-бытовая преступность в основном формируется за счет лиц с образованием не выше среднего профессионального, а не за счет высокообразованных групп населения (7,9 %, или 15 изученных дел).

Сочетание нестабильной занятости с невысоким образовательным уровнем образует социальный фон, который увеличивает вероятность разрешения

семейно-бытового конфликта насильственным способом.

Абсолютное большинство преступлений совершены ситуативно, без предварительного планирования (в 96 % случаев), но зачастую как способ разрешения длительного конфликта или в ответ на противоправное или аморальное поведение потерпевшего (173, или 33,1 %). Причем большая часть таких преступлений совершена женщинами (109, или 63 %).

В 45,7 % случаев совершению преступления предшествовали эпизоды насилия в прошлом, которые описаны в судебных решениях. Вместе с тем сведения, отраженные в решениях, ограничены обстоятельствами рассмотрения уголовного дела, зачастую суд не акцентирует внимание на предыстории совершения преступления. С учетом латентности семейно-бытового насилия данный показатель может быть значительно выше.

Анализ имеющихся в приговорах сведений показал, что в 69,2 % случаев совершению преступления предшествовали обращения о фактах семейного насилия в правоохранительные органы и медицинские организации, которые получили разрешение путем привлечения агрессора к административной или уголовной ответственности.

Встречаются ситуации, когда жертва после оказания ей медицинской помощи отказывалась писать или отзывала заявление о совершении в отношении ее насильственных действий, отказывалась проходить медицинское освидетельствование. В большинстве случаев жертва насилия не обращается в правоохранительные органы, не желая привлечения члена семьи к ответственности, из страха перед ним и нежелания «выносить ссор из избы».

Показательным является дело С., который 31 августа 2018 года осужден Октябрьским районным судом г. Орска

Оренбургской области по п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ к одному году лишения свободы по факту причинения своей супруге средней тяжести вреда здоровью с применением предмета (табурета) в качестве оружия¹. Поводом к совершению преступления стали длительные личные неприязненные отношения, конфликты в состоянии алкогольного опьянения, в ходе которых С. проявлял агрессию к потерпевшей.

Не отбыв назначенное судом наказание, 24 сентября 2018 года С. в ходе ссоры со своей супругой совершил ее убийство, за что 4 марта 2019 года осужден тем же судом по ч. 1 ст. 105 УК РФ к лишению свободы².

Исходя из полученных данных, можно утверждать, что значительная часть насильственных семейно-бытовых преступлений, уголовные дела о которых дошли до суда, являются не единичным фактом насилия, а кульминацией предшествующего внутрисемейного конфликта.

Прогностически значимыми являются следующие тенденции насильственной преступности в семейно-бытовой сфере:

1) данный вид преступности, несмотря на снижение количества регистрируемых преступлений, остается

относительно устойчивым в структуре насильственной преступности и имеет тенденцию к росту;

2) при построении криминологического прогноза необходимо учитывать не только формально-юридические, но и распавшиеся или официально не оформленные семейные отношения как самостоятельную группу риска;

3) одним из вероятных направлений изменения структуры данного вида преступности являются рост сексуализированного насилия, а также сохранение высокой доли наиболее опасных форм насилия;

4) высока роль виктимизации: более трети преступлений совершаются в ответ на противоправное и аморальное поведение потерпевшего, семейно-бытовое насилие имеет длительную предысторию, данные о которой можно получить из обращений жертв и свидетелей агрессии в медицинские учреждения, полицию, некоммерческие организации;

5) существует устойчивая корреляция между злоупотреблением спиртными напитками и совершением преступлений в семейно-бытовой сфере;

6) низкий уровень образования и отсутствие постоянной занятости являются фоновыми индикаторами воспроизводства семейно-бытового насилия.

На основе проведенного анализа можно выделить значимые показатели, необходимые для построения прогноза:

1) количественные показатели: число насильственных преступлений, совершенных членами семьи; число лиц, совершивших насильственные преступления в семейно-бытовой сфере; доля семейно-бытового насилия в общей массе насильственных преступлений; динамика этих показателей;

2) структурные показатели: распределение преступлений по объекту преступного посягательства и степени тяжести; удельный вес конкретных преступлений, в том числе их распределение по половому признаку;

¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Орска Оренбургской области от 31 августа 2018 г. по делу № 1-277/2018 // Октябрьский районный суд г. Орска Оренбургской области : офиц. сайт. URL: https://oktyabrskyorsk--orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=327546657&case_uid=8elf613d-817d-4c57-92a6-2c4fad4666fd&delo_id=1540006 (дата обращения: 01.04.2026).

² Приговор Октябрьского районного суда г. Орска Оренбургской области от 4 сентября 2019 г. по делу № 1-36/2019 // Октябрьский районный суд г. Орска Оренбургской области : офиц. сайт. URL: https://oktyabrskyorsk--orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=327547607&case_uid=4397f0f4-f5e6-42cb-916e-5cf2497d5979&delo_id=1540006 (дата обращения: 01.04.2026).

3) субъектные показатели: соотношение преступлений, совершенных членом семьи, родственником, бывшим супругом, сожителем, сексуальным партнером (в том числе бывшими); распределение преступников по полу; доля преступлений, совершенных женщинами и мужчинами; сведения об образовании и занятости осужденных;

4) виктимологические показатели: тип отношений между преступником и жертвой; сведения о повторяемости конфликтов и наличии фактов предшествующего насилия; сведения об обращении в медицинские учреждения и правоохранительные органы; сведения о реакции правоохранительных органов на поступающие сигналы о насилии;

5) ситуационные показатели: мотив совершения преступления; наличие аморального или противоправного поведения потерпевшего; предварительное планирование преступления; состояние алкогольного опьянения; наличие психических заболеваний, алкогольной зависимости; использование оружия или предметов в качестве оружия.

Таким образом, проведенный криминологический анализ позволил сформировать информационную основу для построения прогноза насильственной преступности в семейно-бытовой сфере, а также выявить тенденции и закономерности, необходимые для последующего моделирования будущего развития данного вида преступности.

Список источников

1. Щепельков В.Ф., Савин С.Д., Тимошина Е.М. Домашнее насилие в Российской Федерации (состояние, проблемы криминологической оценки) // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 3. С. 232 – 244. DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(3).232-244. EDN WQSUQL.
2. Шестаков Д.А. Семейная криминология : Криминофамилистика. 2-е изд. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. 389 с. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса).
3. Ильяшенко А.Н. Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовые и криминологические аспекты : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Ильяшенко Алексей Николаевич. Москва, 2003. 511 с.
4. Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье: системное криминологическое и уголовно-правовое исследование : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Харламов Валентин Станиславович. Санкт-Петербург, 2018. 719 с.
5. Домашнее насилие в России: состояние и правовое противодействие : монография / М.И. Бадаева, Е.В. Иванова, Д.С. Петрова [и др.] ; под ред. В.Ф. Щепелькова. Санкт-Петербург : Центр современной литературы и книги, 2026. 246 с.
6. Ефимова М.П. Криминологический анализ насилия в сфере семейных отношений: теория и практика противодействия : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Ефимова Мария Прометеевна. Санкт-Петербург, 2025. 291 с.
7. Ахмедханова С.Т. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых женщинами в семье, и проблемы их профилактики: региональное исследование : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Ахмедханова Самира Телхатовна. Махачкала, 2013. 203 с.
8. Гришко Н.А. Преступное насилие, совершаемое женщинами в семейно-бытовой сфере : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Гришко Наталья Александровна. Грозный, 2019. 213 с.
9. Морчев И.А. Виктимологические аспекты предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в семье : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология;

уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Морчев Игорь Андреевич. Краснодар, 2009. 201 с.

10. Колпакова Л.А. Насилие в семье: виктимологический аспект, дифференциация ответственности и вопросы законодательной техники : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Колпакова Людмила Алексеевна. Казань, 2007. 232 с.

11. Мусатова Е.Е. Криминологическая характеристика и профилактика насильственных преступлений против жизни и здоровья женщин : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Мусатова Екатерина Евгеньевна. Рязань, 2011. 215 с.

12. Зырянова Ю.В. Криминологическая характеристика насилия в отношении несовершеннолетних членов семьи и его предупреждение: по материалам Южно-Сибирского региона : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Зырянова Юлия Вениаминовна. Абакан, 2017. 348 с.

13. Латышева Е.В. О классификации преступлений, входящих в объем насильственной преступности в семейно-бытовой сфере // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 78—85.

14. Ивасюк О.Н. Криминологические особенности семейно-бытовых преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 7. С. 153—156.

Информация об авторе

Е.В. Латышева — лицо, прикрепленное к Санкт-Петербургскому юридическому институту (филиалу) Университета прокуратуры Российской Федерации для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.

Information about the author

E.V. Latysheva — Degree Applicant affiliated to St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation for the preparation of a dissertation for the degree of Candidate of Sciences.

Научная статья
УДК 343.2/.7

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ «ИНТЕРНЕТ»

Екатерина Юрьевна ПЕРЕВОЗНИКОВА

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
Ekaterinaperevoznikova@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения места совершения преступлений, совершаемых с использованием сети «Интернет», что представляет собой одну из наиболее сложных и актуальных задач современной уголовно-правовой науки. Новизна работы заключается в формировании комплексного подхода, объединяющего правовую и техническую интерпретацию признака места совершения преступления. Результаты исследования могут быть полезны специалистам в сфере уголовного права, информационной безопасности, судебным экспертам и сотрудникам правоохранительных органов.

Ключевые слова: интернет-преступления, место совершения преступления, безопасность, информация, компьютерная преступность, сеть «Интернет», цифровое пространство

Для цитирования: Перевозникова Е.Ю. Определение места совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, включая сеть «Интернет» // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 74 – 79.

Original article

DETERMINATION OF THE PLACE WHERE CRIMES ARE COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS TECHNOLOGIES, INCLUDING THE INTERNET

Ekaterina Yu. PEREVOZNIKOVA

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, ekaterinaperevoznikova@rambler.ru

Abstract. The article addresses the issue of determining the location of crimes committed via the Internet, which represents one of the most complex and pressing challenges in contemporary criminal law scholarship. The novelty of this study lies in the development of a comprehensive approach that combines legal and technical interpretations of the location of a crime as an element of the corpus delicti. The results of the research may prove useful to specialists in criminal law, information security, forensic experts, and law enforcement personnel.

Keywords: cybercrimes, location of a crime, security, information, computer crime, the Internet, cyberspace

For citation: Perevoznikova E.Yu. Determination of the place where crimes are committed using information and telecommunications technologies, including the Internet. Criminalist. 2026;3(56):74-79. (In Russ.).

© Перевозникова Е.Ю., 2026

Современное развитие цифровых технологий привело к формированию новой криминогенной среды, в которой противоправные деяния совершаются посредством информационно-телекоммуникационных сетей. Расширение спектра киберпреступлений — от хищения денежных средств и взломов баз данных до распространения экстремистских материалов — поставило перед правоприменительной практикой вопрос о переосмыслении традиционных категорий уголовного права. Одной из таких категорий является место совершения преступления, от корректного определения которого зависит как квалификация деяния, так и установление подследственности и подсудности.

Существующая в отечественном уголовном праве привязка к месту совершения преступления не учитывает особенностей виртуального пространства. Предполагается, что в том случае, когда субъект, объект и последствия преступления находятся в разных местах, определение места совершения преступления приобретает комплексный характер и требует междисциплинарного подхода, сочетающего правовой и технический анализ.

Возможность эффективного сочетания правовых и технических критериев при определении места совершения преступления прежде всего демонстрируется в Будапештской конвенции о киберпреступности (Council of Europe, 2001) и Втором дополнительном протоколе к ней (2021)¹.

Цель настоящего исследования заключается в разработке научно обоснованной и практико-ориентированной модели определения места совершения

преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Изучение ряда научных публикаций, посвященных данному вопросу, позволяет заключить, что абсолютной актуализации уголовного законодательства сегодня достичь невозможно в силу чрезмерной динамики законотворческого процесса и его непредсказуемости с точки зрения оснований и условий криминализации деяний [1]. Так, С.М. Фрост и А.Е. Федосов полагают, что местом совершения преступления является место изъятия чужого имущества (например, банк, банкомат), так как изъятие чужого имущества, а также приобретение права на чужое имущество входят в объективную сторону мошенничества [2, с. 53]. Того же мнения придерживается и Ю.В. Францифоров в своей работе «Определение места совершения телефонного мошенничества» [3, с. 51–53].

По мнению А.С. Качановского и А.С. Лукинова, местом совершения преступления следует признавать место нахождения преступника, так как общественно опасное деяние при совершении мошенничества заключается в обмане пострадавшего, совершаемом виновным в месте его нахождения [4; 5].

А.Н. Тарбагаев, А.В. Архипов полагают, что местом совершения преступления является определенная территория, местность, где совершено деяние (действие/бездействие), предусматриваемое в диспозиции конкретной статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации [6; 7].

Определение места совершения преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, на протяжении последних двух десятилетий является предметом научных дискуссий и неоднозначного правоприменения [7]. В отечественной литературе и судебной практике сложилось три основных подхода:

¹ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 : заключена в г. Будапеште 23 ноября 2001 г. // Совет Европы : сайт. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=185> (дата обращения: 21.01.2024).

территориальный, инфраструктурный и комбинированный. Каждый из них имеет как достоинства, так и существенные ограничения.

Территориальный подход восходит к классической теории *locus delicti commissi* и связывает место преступления с физическим нахождением субъекта, осуществляющего противоправное действие. Применительно к цифровой среде этот подход проявляется, например, при квалификации телефонного мошенничества и интернет-мошенничества, где деяние считается совершенным по месту нахождения лица, инициировавшего коммуникацию. Преимуществом подхода является простота его процессуального применения. Однако он игнорирует распределенный характер сетевых взаимодействий и не учитывает технический аспект совершения деяния.

Инфраструктурный подход предполагает определение места преступления по расположению оборудования, через которое реализуется преступный замысел: серверов, процессинговых центров, облачных хранилищ. Он особенно актуален для преступлений против собственности, где результат выражается в изменении цифровой информации о финансовых операциях. Недостаток подхода состоит в том, что техническая инфраструктура может находиться в иностранной юрисдикции и установление ее местоположения не всегда обеспечивает надлежащую территориальную компетенцию российских органов прокуратуры и следствия. С точки зрения понимания уголовного права система уголовного права является более широким понятием, охватывающим всю совокупность уголовно-правовых норм [8, с. 160].

Комбинированный подход, отраженный в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 года № 37, допускает учет нескольких факторов: места на-

хождения субъекта, местоположения информационной системы и территории, где наступили последствия¹. Такой подход наиболее гибок, но его эффективность ограничена отсутствием нормативно закреплённого алгоритма определения иерархии указанных элементов.

Российская практика демонстрирует фрагментарность и отсутствие единообразия. Следственные органы вынуждены использовать аналогию права, а суды нередко по-разному интерпретируют территориальные признаки преступлений, совершаемых в киберсреде. Это свидетельствует о необходимости не только правового, но и технологического осмысления данной категории.

Учитывая различный уровень локализации места совершения преступления, предлагается выделять юридический, технический и социальный критерии определения места совершения преступления, характеризующие различные факторы. Юридический критерий характеризует территорию, где субъект осуществил действия, образующие объективную сторону состава преступления. Это может быть место отправки противоправных сообщений, размещения вредоносного контента, ввода вредоносного кода либо управления программными средствами, создающими преступный результат. Данный критерий сохраняет связь с классическим принципом *locus delicti commissi* и фиксирует волевое начало деяния. Технический критерий отражает место расположения инфраструктуры, обеспечивающей реализацию преступ-

¹ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами уголовных дел о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/319131> (дата обращения: 12.02.2026).

ного замысла. Речь идет о серверах, дата-центрах, облачных узлах, процессинговых системах, в которых происходят обработка, хранение или изменение информации. Этот критерий имеет ключевое значение при расследовании киберпреступлений против собственности, когда вмешательство в цифровые системы приводит к несанкционированным финансовым операциям или изменению данных. Социальный критерий связан с территорией, где наступили последствия преступления и причинен вред охраняемым законом интересам — личным, имущественным или общественным. Для преступлений против личности и общественной безопасности данный критерий является приоритетным, так как отражает место, где результат преступных действий материализуется в социальной реальности.

Взаимосвязь критериев носит иерархический, но гибкий характер. В зависимости от категории преступления приоритет может смещаться: в отношении имущественных преступлений доминирует технический критерий, поскольку именно инфраструктура обеспечивает реализацию деяния; в отношении преступлений против личности — социальный критерий, отражающий место наступления последствий; против общественной безопасности или государственной власти — юридический критерий, акцентирующий внимание на месте действий субъекта.

В совокупности модель позволяет учитывать специфику цифрового пространства, в котором физическое местоположение преступника не всегда совпадает с местом, где проявляются последствия его действий. Модель обеспечивает единообразие квалификации, создает основу для формирования правового механизма, ориентированного на функциональное понимание территории преступления с возможностью увязать юридическую конструкцию с техническими реалиями, и может быть

положена в основу законодательных изменений.

Предложенная трехуровневая модель локализации места совершения преступления требует конкретизации для применения в правоприменительной практике. С этой целью предлагается классификация видов мест совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, отражающая как юридические, так и технические признаки преступного события. Такая классификация строится исходя из характера связи между субъектом, объектом и инфраструктурой деяния и включает пять типов локализации места совершения преступления.

1. Физически определенное место — территория, где лицо непосредственно осуществило действия, образующие объективную сторону состава преступления. Этот вид локализации применяется в отношении тех преступлений, где преступные действия совершаются с конкретного устройства или рабочего места, например при создании вредоносных программ или их целенаправленном запуске. В процессуальном плане он фиксирует волевое проявление субъекта.

2. Виртуально-опосредованное место — характеризует территорию, где расположено оборудование, обеспечивающее реализацию преступных действий: серверы, процессинговые центры, облачные хранилища. Оно особенно важно при расследовании киберпреступлений против собственности, когда противоправное воздействие оказывается на удаленную инфраструктуру. В этом случае место деяния связывается с точкой обработки данных, где произошло изменение или уничтожение информации.

3. Распределенное место — представляет собой совокупность нескольких территорий, где последовательно происходят различные элементы преступного события: инициирование, передача

ча данных и наступление последствий. Такая форма локализации типична для сложных схем, включающих цепочку посредников, маршрутизаторов или серверов, а также при DDoS-атаках и фишинговых рассылках.

4. Место наступления последствий — отражает территорию, где преступное воздействие вызвало ущерб охраняемым интересам, например, где проживает потерпевший, где зафиксированы финансовые потери или где произошел сбой в работе критической информационной инфраструктуры. Данный тип места совершения преступления приобретает особое значение при расследовании преступлений против личности, общественной безопасности и государственной власти.

5. Трансграничное место — используется для обозначения ситуаций, когда элементы преступления распределены между несколькими юрисдикциями: субъект находится в одной стране, сервер — в другой, а последствия наступают в третьей. В таких случаях правоприменение требует международного взаимодействия и применения положений Будапештской конвенции о киберпреступности 2001 года и Второго дополнительного протокола к ней 2021 года.

В отличие от прежних формальных классификаций, данная система имеет прикладное значение. Она может использоваться при определении территориальной подследственности и подсудности, формировании доказательственной базы (указание места совершения преступления в процессуальных документах), установлении приоритетов юрисдикции в трансграничных делах, планировании международных запросов об оказании правовой помощи. Таким образом, классификация не носит исключительно теоретический характер, а выполняет инструментальную функцию, обеспечивая согласование юридического и технического аспектов расследования. В дальнейшем она конкретизируется через систему

технических методов, используемых для установления места совершения преступления в цифровой среде.

В целях практического применения предложенной концепции и классификации представляется необходимым разработать алгоритм установления места совершения преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Этот алгоритм может служить ориентиром для следователей, дознавателей и экспертов при определении территориальной компетенции и построении доказательственной базы: 1) определение объекта и характера посягательства; 2) фиксация исходных данных и цифровых следов; 3) установление места действий субъекта; 4) определение места нахождения инфраструктуры; 5) выявление места наступления последствий; 6) сопоставление данных и выбор приоритетного критерия определения места совершения преступления; 7) процессуальное закрепление результатов; 8) нормативные предложения; 9) международные аспекты.

Анализ современных тенденций уголовного законодательства, его развития и правоприменения, взаимосвязанных с ускорением технического прогресса, позволяет сделать вывод о необходимости изменения Уголовного кодекса Российской Федерации, запрета новых видов общественно опасных деяний — киберпреступлений [9]. Для обеспечения единообразной практики предлагаем внести следующие изменения в законодательство: дополнить статью 9 Уголовного кодекса Российской Федерации примечанием, устанавливающим, что при совершении преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей местом совершения преступления признается территория, где осуществлены действия, входящие в объективную сторону преступления, либо территория, где расположены технические средства, обеспечившие его совершение; внести изменения в ста-

тью 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривающие возможность определения подследственности по месту нахождения информационной инфраструктуры или по месту наступления последствий; разработать ведомственные методические рекомендации Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России о порядке определения места совершения преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, и взаимодействия с операторами связи, провайдерами и иностранными юрисдикциями. Для повышения эффективности расследования трансграничных преступлений целесообразно развивать сотрудничество в рамках Будапештской конвенции о киберпреступности 2001 года и рассмотреть вопрос о присое-

динении России ко Второму дополнительному протоколу к данной Конвенции 2021 года, что создаст условия для единообразной практики, повышения доказательственной надежности и укрепления международного сотрудничества при расследовании преступлений в цифровой среде.

Таким образом, определение места совершения преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий является одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем современной уголовно-правовой науки и практики. Это обстоятельство требует пересмотра традиционного территориального принципа уголовной ответственности и формирования нового, функционального понимания категории «место совершения преступления».

Список источников

1. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / Санкт-Петербургский государственный университет ; под ред. В.Н. Бурлакова, В.В. Векленко, В.Ф. Щепелькова. 4-е изд., доп. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2021. 896 с.
2. Фрост С.М., Федосов А.Е. Проблемы определения места расследования мошенничества с использованием электронных форм платежей // Законность. 2015. № 1. С. 51 – 53.
3. Францифоров Ю.В. Определение места совершения телефонного мошенничества // Законность. 2016. № 2. С. 51 – 53.
4. Качановский А.С. Квалификация телефонного мошенничества // Законность. 2014. № 5. С. 50 – 53.
5. Лукинов А.С. Место расследования телефонного мошенничества // Законность. 2014. № 9. С. 43 – 44.
6. Тарбагаев А. Место совершения преступления // Уголовное право. 2009. № 3. С. 44 – 48.
7. Архипов А.В. Проблемы определения места совершения мошенничества в отношении безналичных денежных средств // Уголовное право. 2016. № 3. С. 4 – 10.
8. Уголовное право России. Общая часть : учебник / Санкт-Петербургский государственный университет ; под ред. Н.М. Кропачева, Н.И. Пряхиной, В.Ф. Щепельков. 4-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2025. 642 с.
9. Чгрикян М.А., Татауров А.А. К вопросу о «киберпространстве» в уголовном праве // Теория и практика современной науки : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции Сахалинского института железнодорожного транспорта – филиала ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» в г. Южно-Сахалинске, Новокузнецк, 22 ноября 2024 года. Новокузнецк : Знание-М, 2024. С. 186 – 191.

Информация об авторе

Е.Ю. Перевозникова – соискатель Санкт-Петербургского государственного университета.

Information about the author

E.Yu. Perevoznikova – Degree Applicant affiliated to Saint Petersburg State University for the preparation of a dissertation for the degree of Candidate of Sciences.

Научная статья
УДК 343.573

О ПРЕДМЕТЕ НЕЗАКОННОЙ ВЫДАЧИ ДОКУМЕНТА, ДАЮЩЕГО ПРАВО НА ПОЛУЧЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ИЛИ ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Юлия Павловна ПОПОВА-ЛОГАЧЕВА

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, popova1976@yandex.ru

Аннотация. Актуальность данного исследования заключается в анализе положений российского законодательства, регламентирующего предмет преступления, квалифицируемого по ст. 233 УК РФ в части незаконной выдачи документа, дающего право на получение наркотических средств или психотропных веществ. Автор приходит к выводу о необходимости считать рецепт единственным предметом данного преступления.

Ключевые слова: рецепт, иные документы, дающие право на получение наркотических средств или психотропных веществ, незаконная выдача рецепта

Для цитирования: Попова-Логачева Ю.П. О предмете незаконной выдачи документа, дающего право на получение наркотических средств или психотропных веществ // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 80 – 86.

Original article

ON THE SUBJECT MATTER OF ILLEGAL ISSUANCE OF A DOCUMENT GRANTING THE RIGHT TO OBTAIN NARCOTIC DRUGS OR PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Yuliya P. POPOVA-LOGACHEVA

Tyumen State University, Tyumen, Russia, popova1976@yandex.ru

Abstract. The relevance of this study stems from the analysis of Russian legislative provisions governing the subject matter of the offence under Article 233 of the Criminal Code of the Russian Federation, specifically concerning the unlawful issuance of a document entitling a person to obtain narcotic drugs or psychotropic substances. The author concludes that a medical prescription should be recognized as the exclusive subject matter of this offense.

Keywords: prescription, other documents granting the right to obtain narcotic drugs or psychotropic substances, illegal issuance of a prescription

For citation: Popova-Logacheva Y.P. On the subject matter of illegal issuance of a document granting the right to obtain narcotic drugs or psychotropic substances. Criminalist. 2026;3(56):80-86. (In Russ.).

В Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года (далее — УК РФ) в ст. 233 закреплена ответственность за незаконную выдачу либо подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических

© Попова-Логачева Ю.П., 2026

средств или психотропных веществ (далее также — незаконная выдача). Выделив из состава подделки, изготовления или оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков (ст. 327 УК РФ) незаконную выдачу либо подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст. 233 УК РФ), законодатель стремился показать большую общественную опасность этого деяния по сравнению с подделкой официальных документов.

Специальное предназначение рассматриваемой нормы придает уголовно-правовой запрет на неконтролируемый оборот указанных средств и веществ. Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 7 марта 2025 года № 100н утверждены Правила отпуска лекарственных препаратов для медицинского применения, содержащих наркотические средства или психотропные вещества¹.

Одним из спорных вопросов уголовно-правовой оценки состава является перечень предметов анализируемого

¹ Об утверждении Правил отпуска лекарственных препаратов для медицинского применения аптечными организациями, индивидуальными предпринимателями, имеющими лицензию на осуществление фармацевтической деятельности, медицинскими организациями, имеющими лицензию на осуществление фармацевтической деятельности, и их обособленными подразделениями, расположенными в сельских населенных пунктах, в которых отсутствуют аптечные организации, Правил отпуска наркотических средств и психотропных веществ, зарегистрированных в качестве лекарственных препаратов для медицинского применения, лекарственных препаратов для медицинского применения, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, Порядка отпуска гражданам аптечными организациями иммунобиологических лекарственных препаратов для иммунопрофилактики : Приказ М-ва здравоохранения Российской Федерации от 7 марта 2025 г. № 100н // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202504100006> (дата обращения: 14.03.2026).

правонарушения. Бланкетный характер нормы создает трудности в правильной квалификации, а разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации², по нашему мнению, только усугубляют их. В научной литературе поставленный нами вопрос либо «обходят стороной», ограничиваясь перечислением медицинских документов, отмеченных в упоминаемом здесь Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации [1; 2], либо затрагивают его поверхностно или противоречиво. Е.С. Витовская полагает, что поскольку анализируемый нами состав преступления не содержит признака «использование лицом своего служебного положения», то необходима совокупность ст. 233 и ст. 285 УК РФ, либо рассматривает ст. 233 УК РФ как специальную по отношению к ст. 292 и ст. 285 УК РФ [3]. А.А. Вяземская, осуществляя компаративистский анализ законодательства России и Нидерландов, заключает, что рецепт является единственным документом для выдачи медицинских препаратов в Голландии [4].

Предмет преступления закреплён в наименовании и диспозиции ст. 233 УК РФ. Это рецепты или иные документы, дающие право на получение наркотических средств или психотропных веществ. Согласно п. 33 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» к иным документам от-

² О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 : текст с изм. и доп. на 16 мая 2017 г. // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/8251/> (дата обращения: 14.02.2026).

носятся те из них, которые являются основанием для выдачи (продажи) наркотических средств или психотропных веществ и других действий по их законному обороту. Такими документами могут быть, по мнению высшей судебной инстанции, в частности, лицензия на определенный вид деятельности, связанной с оборотом наркотических средств или психотропных веществ, заявка медицинского учреждения на получение этих средств или веществ для использования в лечебной практике, выписка из истории болезни больного, товарно-транспортная накладная и т. п.

Основываясь на законодательной регламентации, проанализируем возможность каждого перечисленного выше документа быть отнесенным к предмету незаконной выдачи. В числе «иных документов» высшая судебная инстанция называет лицензию на определенный вид деятельности, связанной с оборотом наркотических средств или психотропных веществ.

Согласно п. 4 Положения о лицензировании деятельности по обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивированию наркосодержащих растений лицензирование деятельности по обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивированию наркосодержащих растений осуществляют Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации¹. Поскольку они являются юридическими лицами, то не

могут, согласно ст. 19 УК РФ, подлежать уголовной ответственности.

В случае незаконной выдачи лицензии при наличии прямого умысла и корыстной или иной личной заинтересованности ответственность должна наступать не по ст. 233 УК РФ, а по ст. 285 УК РФ, так как предоставление разрешительного документа с нарушением установленных законом процедур или без законных оснований является должностным преступлением. Должностное лицо, наделенное властными полномочиями, действуя от имени лицензирующего органа (Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения или органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации), вопреки интересам службы используя предоставленные законом и подзаконными актами полномочия, существенно нарушает интересы государства по контролю за оборотом наркотических средств, психотропных веществ.

Не является специальной нормой ст. 233 УК РФ по отношению к ст. 285 УК РФ, поскольку совокупность «родственных» признаков, характерных для должностного преступления, в этой норме отсутствует. Поэтому отнесение высшей судебной инстанцией к «иным документам» лицензии, которая является основанием для совершения «других действий по законному обороту» наркотических средств или психотропных веществ, вряд ли представляется оправданным.

Иного мнения придерживается О.Ф. Сундунова, полагая, что можно рассматривать ст. 233 УК РФ как специальную по отношению к ст. 285 и 292 УК РФ в том случае, если рецепт выписывает должностное лицо [2]. Считаем, что данное мнение ошибочно ввиду выполнения врачом своей профессиональной деятельности по установлению диагноза и последующему лечению пациента, но не связанной с должностными пол-

¹ О лицензировании деятельности по обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивированию наркосодержащих растений : Постановление Правительства Российской Федерации от 2 июня 2022 г. № 1007 : текст с изм. и доп. на 13 июня 2024 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/350558817> (дата обращения: 17.03.2026).

номочиями. Даже если такой рецепт выписывает главный врач, он в данный момент выступает не как должностное лицо, а как медицинский работник, осуществляющий лечение, а не выполнение организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций.

Следующим документом, относимым к «иным», Пленум называет заявку медицинского учреждения на получение этих средств или веществ для использования в лечебной практике. В соответствии с утвержденной Министерством промышленности и торговли Российской Федерации формой¹ заявка подписывается руководителем организации, который несет персональную ответственность за обоснованность и достоверность представленной заявки. В случае отсутствия необходимого обоснования расчетов потребности в наркотических средствах и психотропных веществах согласно пп. 5 и 7 Правил распределения, реализации и отпуска наркотических средств и психотропных веществ, а также реализации и отпуска их прекурсоров, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 октября 2021 года № 1871², уголовно-правовая оценка

содеянного должна осуществляться по правилам квалификации преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления или против интересов службы в коммерческих и иных организациях в зависимости от организационно-правовой формы управления этими организациями, т. е. по ст. 285 УК РФ или ст. 201 УК РФ. Поэтому полагаем, что заявка медицинского учреждения на получение наркотических средств или психотропных веществ для использования в лечебной практике также не может являться предметом анализируемого состава преступления.

Следующим рекомендованным документом в качестве предмета рассматриваемого преступления высшей судебной инстанцией названа выписка из истории болезни больного. Выписка из медицинской карты амбулаторного, стационарного больного (форма 027/у) утверждена приказом Министерства здравоохранения СССР от 4 октября 1980 года № 1030 «Об утверждении форм первичной медицинской документации учреждений здравоохранения»³, утратившим силу на основании приказа Министерства здравоохранения СССР от 5 октября 1988 года № 750 «О признании утратившими силу нормативных актов Минздрава СССР»⁴. Таким

¹ Об утверждении форм заявки и сводной заявки на получение конкретных наркотических средств и психотропных веществ, используемых в медицинских целях и (или) в ветеринарии, и формы сведений о планируемых объемах производства, изготовления и ввоза в Российскую Федерацию наркотических средств и психотропных веществ, используемых в медицинских целях и (или) в ветеринарии : Приказ М-ва промышленности и торговли Российской Федерации от 19 мая 2022 г. № 1990 // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/000120220620034> (дата обращения: 17.04.2026).

² Об утверждении Правил распределения, реализации и отпуска наркотических средств и психотропных веществ, а также реализации и отпуска их прекурсоров и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации : Постановление Прави-

тельства Российской Федерации от 30 октября 2021 г. № 1871 // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111020033> (дата обращения: 17.03.2026).

³ Об утверждении форм первичной медицинской документации учреждений здравоохранения : Приказ М-ва здравоохранения СССР от 4 октября 1980 г. № 1030 : текст с изм. и доп. на 31 дек. 2002 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9042149/titles/64UOIK> (дата обращения: 17.04.2026).

⁴ О признании утратившими силу нормативных актов Минздрава СССР : Приказ М-ва здравоохранения СССР от 5 октября 1988 г. № 750 // КонтурНорматив : сайт. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=&DocumentId=71774> (дата обращения: 17.04.2026).

образом, выписка из истории болезни больного как официальный документ не существует на сегодняшний день, поэтому и не может признаваться предметом предусмотренного ст. 233 УК РФ состава преступления.

Еще одним предлагаемым высшей судебной инстанцией документом в качестве предмета преступления, квалифицируемого по ст. 233 УК РФ, является товарно-транспортная накладная. Однако утвержденная ее форма № 1-Т¹ при детальном изучении позволяет сделать выводы о невозможности такой уголовно-правовой оценки, поскольку визируют данный документ два лица, выполняющие административно-хозяйственные функции — руководитель организации и главный бухгалтер. Поэтому в случае ее незаконной выдачи они также подлежат уголовной ответственности либо по ст. 285 УК РФ, либо по ст. 201 УК РФ, как и в ситуации с заявкой медицинского учреждения на получение этих средств или веществ для использования в лечебной практике.

Изложенный Пленумом Верховного Суда Российской Федерации перечень предметов преступления, квалифицируемого по ст. 233 УК РФ, не носит исчерпывающего характера. Имеются в виду и другие официальные документы, исходящие от медицинских организаций. Например, справка и медицинское заключение. По нашему мнению, они также не могут рассматриваться в качестве документа, дающего право на получение наркотических средств или психотропных веществ, поскольку их предназначение состоит в предоставлении сведений о состоянии здоровья пациента и ока-

¹ Об утверждении унифицированных форм первичной учетной документации по учету работы строительных машин и механизмов, работ в автомобильном транспорте : Постановление Госкомстата Российской Федерации от 28 ноября 1997 г. № 78 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9054561> (дата обращения: 17.04.2026).

зании ему медицинской помощи в медицинской организации². Кроме того, согласно п. 22 Правил распределения, реализации и отпуска наркотических средств и психотропных веществ, а также реализации и отпуска их прекурсоров, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 октября 2021 года № 1871, отпуск наркотических средств и психотропных веществ физическим лицам осуществляется юридическими лицами по рецептам в соответствии с требованиями ст. 25 Федерального закона от 8 января 1998 года № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»³. По другим документам выдача лекарств с содержанием наркотических средств и психотропных веществ не предусмотрена в российском законодательстве, а значит, недопустима и влечет уголовную ответственность за незаконный сбыт наркотических средств или психотропных веществ по ст. 228.1 УК РФ.

Таким образом, подводя итог анализу законодательства, регламентирующего вопросы медицинской документации в области контроля за оборотом наркотиков, следует заключить, что рецепт — единственный правоустанавливающий документ, дающий физическому лицу право на получение наркотических средств или психотропных веществ. В случае его незаконной выдачи ответственность должна наступать по ст. 233

² Об утверждении порядка выдачи медицинскими организациями справок и медицинских заключений : Приказ М-ва здравоохранения Российской Федерации от 14 сентября 2020 г. № 972н : текст с изм. и доп. на 12 нояб. 2021 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.entd.ru/document/566212790> (дата обращения: 17.04.2026).

³ О наркотических средствах и психотропных веществах : Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ : текст с изм. и доп. на 8 авг. 2024 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102050997> (дата обращения: 17.04.2026).

УК РФ. Если получателем наркотических средств или психотропных веществ является юридическое лицо, ответственность делегируемого лица, по нашему мнению, должна наступать за злоупотребление полномочиями, т. е. по ст. 285 УК РФ или ст. 201 УК РФ.

Рецепт — официальный медицинский документ, предназначенный для отпуска или приготовления в аптеке назначенного лекарственного препарата конкретному пациенту по показаниям согласно поставленному диагнозу, оформленный в установленном законом порядке, т. е. с соответствующими реквизитами.

Признаками рецепта являются:

медицинское назначение — применение только по медицинским показаниям согласно поставленному диагнозу;

выдача уполномоченными лицами — медицинскими работниками: лечащим врачом, фельдшером, акушеркой в случае возложения на них полномочий лечащего врача¹, при оказании медицинской помощи в медицинских организациях². Причем индивидуальным

¹ Об утверждении Порядка возложения руководителем медицинской организации при организации оказания первичной медико-санитарной помощи и скорой медицинской помощи на фельдшера, акушерку отдельных функций лечащего врача по непосредственному оказанию медицинской помощи пациенту в период наблюдения за ним и его лечения, в том числе по назначению и применению лекарственных препаратов, включая наркотические лекарственные препараты и психотропные лекарственные препараты : Приказ М-ва здравоохранения Российской Федерации от 27 марта 2025 г. № 155н // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.entd.ru/document/131246095?marker=652OIM> (дата обращения: 17.04.2026).

² Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ : текст с изм. и доп. на 29 дек. 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152259> (дата обращения: 17.04.2026).

предпринимателям, осуществляющим медицинскую деятельность, запрещается оформлять рецепты на наркотические средства и психотропные вещества;

фармакологическое содержание — наличие сведений о назначенном лекарственном препарате (наименование лекарственного препарата, дозировка, способ введения и применения, режим дозирования, продолжительность лечения)³;

оформление на рецептурном бланке установленной формы № 107/у-НП или № 148-1/у-88 — составление на специальном бланке на бумажном носителе с подписью и печатью лица, выдавшего рецепт, а также штампом медицинской организации или в форме электронного документа с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи медицинского работника. Причем рецепт в форме электронного документа, содержащий назначение наркотических средств или психотропных веществ, подписывается с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи лечащего врача или фельдшера, акушерки, на которых возложены функции лечащего врача, и также подписывается с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи соответствующей медицинской организации (п. 1 ст. 26 Федерального закона от 8 января 1998 года № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»);

³ Об утверждении Порядка назначения лекарственных препаратов, форм рецептурных бланков на лекарственные препараты, Порядка оформления указанных бланков, их учета и хранения, форм бланков рецептов, содержащих назначение наркотических средств или психотропных веществ, Порядка их изготовления, распределения, регистрации, учета и хранения, а также Правил оформления бланков рецептов, в том числе в форме электронных документов : Приказ М-ва здравоохранения Российской Федерации от 24 ноября 2021 г. № 1094н // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/View/0001202111300115> (дата обращения: 17.04.2026).

оформление на имя пациента, для которого предназначен лекарственный препарат.

Следует согласиться с П.Н. Сбируновым, который на основе анализа судебной практики сделал вывод о недопустимости привлечения к уголовной ответственности медицинских работников за незаконную выдачу рецепта в случае нарушения правил его оформления [1].

Учитывая сделанные выводы, предлагаем изменить наименование и диспозицию ст. 233 УК РФ и слово «рецепты» поставить после слова «выдача». С учетом сказанного норма должна выглядеть следующим образом:

«Статья 233. Незаконная выдача рецептов либо подделка документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ

Незаконная выдача рецептов либо подделка документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, —».

Такая редакция статьи позволит исключить квалификацию по ст. 233 УК РФ действий должностных лиц и руководителей коммерческих организаций, способствующих незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ.

С учетом предлагаемых изменений надлежит внести поправки и в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». В частности, подлежит исключению из данного Постановления абзац 3 п. 33.

Список источников

1. Сбирунов П.Н. Теоретические и практические вопросы объекта и предмета незаконной выдачи либо подделки рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст. 233 УК РФ) // Право и практика. 2025. № 2. С. 102 – 112.
2. Сундурова О.Ф. Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 205 – 209.
3. Витовская Е.С. Актуальные вопросы уголовно-правовой характеристики незаконной выдачи либо подделки рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 10 – 14.
4. Вяземская А.А. Незаконная выдача и подделка рецептов, дающих право на получение наркотических средств и психотропных веществ по законодательству Российской Федерации и королевства Нидерландов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2014. № 3. С. 118 – 120.

Информация об авторе

Ю.П. Попова-Логачева – старший преподаватель Академического департамента Школы права и управления Тюменского государственного университета, кандидат юридических наук.

Information about the author

Yu.P. Popova-Logacheva – Senior Lecturer at the Academic Department, School of Law and Management, University of Tyumen, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343

НЕЗАКОННЫЙ МАЙНИНГ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ: ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Елена Борисовна СЕРОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, serowa@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется проблема противодействия незаконному майнингу цифровой валюты. Автор приходит к выводу, что привлекательность майнинга для лиц, готовых действовать вне рамок правового поля, повлекла изменения в структуре преступности, выразившиеся в появлении незаконного майнинга цифровой валюты, который может выражаться в незаконном получении электрической энергии, нарушении установленного в ряде регионов страны запрета на майнинг, а также деятельности без внесения сведений об осуществляющем ее субъекте в соответствующий реестр. Обращается внимание на важность оценки прокурором материалов уголовного дела на стадии его возбуждения, а также предлагается авторское видение определения ущерба, причиненного преступлением.

Ключевые слова: майнинг, цифровая валюта, расследование, досудебное производство, прокурор

Для цитирования: Серова Е.Б. Незаконный майнинг цифровой валюты: особенности прокурорского надзора за исполнением законов в досудебном производстве // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 87 – 94.

Original article

ILLEGAL DIGITAL CURRENCY MINING: SPECIFICS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER COMPLIANCE WITH THE LAW IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Elena B. SEROVA

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, serowa@yandex.ru*

Abstract. The article explores the challenges of countering the illegal mining of digital currency. The author concludes that the high profitability of mining, which attracts individuals willing to operate outside the legal framework, has led to changes in the structure of crime, resulting in the emergence of illegal digital currency mining. Such mining may manifest as the unlawful consumption of electrical power, the violation of regional mining bans, or the conduct of mining operations by an entity not entered into the relevant official registry. The article emphasizes the importance of the prosecutor's assessment of case materials at the stage of initiating a criminal case and proposes the author's approach to determining the damage caused by such offences.

Keywords: mining, digital currency, investigation, pre-trial proceedings, prosecutor

For citation: Serova E.B. Illegal digital currency mining: specifics of prosecutorial supervision over compliance with the law in pre-trial proceedings. Criminalist. 2026;3(56):87-94. (In Russ.).

© Серова Е.Б., 2026

В Российской Федерации майнинг цифровой валюты (далее также — майнинг) официально признан видом экономической деятельности с 1 ноября 2024 года. Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закреплены понятие майнинга, особенности выпуска и учета цифровой валюты, требования к легальному осуществлению экономической деятельности в данной сфере экономики¹. Право осуществлять майнинг предоставлено как физическим лицам, так и юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям с той лишь разницей, что первые вправе осуществлять указанную деятельность без включения в реестр лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, при условии, что потребляемая энергия при осуществлении такой деятельности не превышает лимитов энергопотребления, установленных Правительством Российской Федерации², тогда как вторые обязаны пройти процедуру регистрации в реестре лиц, осуществляющих майнинг цифровой ва-

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ : текст с изм. и доп. на 15 дек. 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbodu=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102801500> (дата обращения: 04.04.2026).

² Об установлении лимита энергопотребления при осуществлении майнинга цифровой валюты (в том числе участия в майнинг-пуле) без включения в реестр лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, физическими лицами — гражданами Российской Федерации, не являющимися индивидуальными предпринимателями, и о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 1178 : Постановление Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2024 г. № 1469 // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411010020> (дата обращения: 04.04.2026).

люты, которая осуществляется с использованием сервиса «МайнингРеестр», размещенного на сайте ФНС России в информационно-коммуникационной сети «Интернет». Эта регистрация бесплатная и требует предоставления сведений о компании, местонахождении оборудования, источниках электроэнергии, объеме потребления. Также регистрации подлежат операторы майнинг-инфраструктуры — компании, предоставляющие мощности для размещения майнинг-оборудования, которые обязаны сообщать в ФНС России сведения о клиентах, использующих их дата-центры.

Майнинг, будучи легальной экономической деятельностью, разрешен на всей территории России, за исключением ряда регионов, где в силу экономической обстановки, нагрузки на электросети и доступности электроэнергии данная деятельность либо запрещена полностью, либо на нее устанавливаются сезонные ограничения.

Поскольку майнинг по причине его высокой рентабельности весьма привлекателен для лиц, готовых действовать вне рамок правового поля, в структуре преступности в последние годы произошли изменения, выразившиеся в появлении такого вида противоправной деятельности, как незаконный майнинг цифровой валюты, который может выражаться в незаконном получении электрической энергии, нарушении установленного в ряде регионов страны запрета на майнинг, а также деятельности без внесения сведений об осуществляющем ее субъекте в соответствующий реестр.

Из анализа судебной практики следует, что абсолютное большинство преступлений, связанных с незаконным майнингом цифровой валюты, квалифицируются как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 Уголовного кодекса Российской Феде-

рации; далее также — УК РФ), однако практике известны достаточно спорные единичные случаи квалификации данных действий как кража (ст. 158 УК РФ) и мошенничество (ст. 159 УК РФ). Кроме того, обратим внимание на то, что с 1 января 2025 года юридические лица освобождены от уплаты налога на добавленную стоимость (НДС) на операции с криптовалютой, но на них возложена обязанность уплаты налога на прибыль с разницы между стоимостью добытой криптовалюты и подтвержденными расходами на электроэнергию и обслуживание, которая рассчитывается в момент зачисления криптовалюты на кошелек по рыночной котировке. При нарушении данной обязанности, по нашему мнению, в ряде случаев может ставиться вопрос о привлечении организаций и их руководителей к ответственности за налоговые правонарушения.

Кроме того, отметим, что 31 марта 2026 года Правительство Российской Федерации внесло в Государственную Думу проект федерального закона о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, разработанный в целях криминализации незаконных майнинга цифровой валюты и деятельности операторов майнинговой инфраструктуры¹. Как отмечается в Пояснительной записке к законопроекту, по данным ФНС России, основанным на экспертных оценках, майнингом криптовалюты в Российской Федерации могут заниматься около 50 000 субъектов (как физических, так и юридических лиц). При этом в реестр лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты,

¹ Законопроект № 1193493-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части установления ответственности за незаконные майнинг цифровой валюты и деятельность оператора майнинговой инфраструктуры // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1193493-8> (дата обращения: 04.04.2026).

на данный момент включено только 1489 субъектов (609 юридических лиц и 880 индивидуальных предпринимателей).

Предлагаемые Правительством изменения касаются трех уголовно-правовых норм:

в УК РФ предлагается ввести ст. 171.6 «Незаконные майнинг цифровой валюты и деятельность оператора майнинговой инфраструктуры», которая устанавливает ответственность за осуществление майнинга цифровой валюты лицом, не включенным в реестр лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, если такое включение является обязательным, либо оказание услуг оператора майнинговой инфраструктуры без включения в реестр операторов майнинговой инфраструктуры, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжены с извлечением дохода в крупном размере. В качестве квалифицирующих признаков в статье фигурируют совершение преступления организованной группой, причинение особо крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо совершение преступления, сопряженного с извлечением дохода в особо крупном размере;

в ст. 104.1 УК РФ предлагается внести изменения, касающиеся применения конфискации имущества за совершение незаконного осуществления майнинга цифровой валюты и незаконного осуществления деятельности оператора майнинговой инфраструктуры;

в ст. 76.1 УК РФ предлагается предусмотреть освобождение от уголовной ответственности лиц, виновных в незаконном осуществлении майнинга цифровой валюты или незаконном осуществлении деятельности оператора майнинговой инфраструктуры, в случае возмещения ущерба.

Не ставя перед собой цели исследования названных изменений уголовного законодательства, отметим как

несомненно положительный момент стремление законодателя распространить возможность конфискации имущества на случаи совершения преступлений, ответственность за которые будет установлена в ст. 171.6 УК РФ.

Способ совершения незаконного майнинга цифровой валюты заключается в подключении оборудования до прибора учета (безучетное потребление), путем внесения изменений в приборы учета для занижения фиксируемого объема потребления электроэнергии, а также через дополнительно оборудованные точки присоединения (бездоговорное потребление). Нетрудно заметить, что данные действия могут быть осуществлены и при надлежащей регистрации юридического лица, а граждане, как мы отмечали выше, в принципе не должны регистрироваться как майнеры. Данное обстоятельство позволяет нам предположить, что даже в случае введения новой правовой нормы в Уголовный кодекс Российской Федерации необходимость устоявшейся практики квалификации действий виновных по ст. 165 УК РФ сохранится.

Анализ научной литературы показывает, что в настоящее время действенная криминалистическая методика расследования незаконного майнинга цифровой валюты находится в стадии формирования. Отдельные исследования в данной области имеются¹, однако всех проблем они не охватывают, что существенно осложняет уголовное преследование виновных лиц. По нашему мнению, прокурор, осуществляющий надзор в досудебном производстве по указанным делам, должен уделять им повышенное внимание, ставить на контроль, систематически проводить оперативные совещания с участием представителей следственных органов для

обсуждения хода и результатов расследования. В частности, представляется необходимым тщательное изучение материалов уголовного дела уже на момент его возбуждения. Как свидетельствует правоприменительная практика, основными источниками информации о незаконном майнинге являются материалы проверок собственников, контролирующих органов и материалы, полученные в ходе оперативно-разыскной деятельности. Например, факты внесения в приборы учета и контроля потребления электроэнергии изменений, что расценивается как элемент обмана поставщика в части расходования электроэнергии, могут быть выявлены в ходе оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ). Опыт Следственного управления Следственного комитета России по Иркутской области позволяет рекомендовать в случае поступления информации о деятельности майнинг-фермы для фиксации следов преступления производство такого ОРМ, как наблюдение, с помощью которого могут быть установлены стабильность нагрузки на электросети, факты привоза и перемещения оборудования, место расположения приборов учета, систем мониторинга и обеспечения безопасности, уровень шума, повышенное количество выделяемого тепла, круг лиц, посещающих данное место, и режим их посещений и т. п. В дальнейшем проводится осмотр места происшествия, в ходе которого фиксируется обстановка, наличие и место расположения оборудования, факт, место и способ подключения к электросетям и Интернету, уровень шума от работы оборудования, наличие, технические характеристики, показания и состояние приборов учета и пр.

В то же время Н.В. Шепель полагает, что «специфика возбуждения уголовного дела заключатся в том, что на основании заявления от собственника ресурсов (поставщика) или уполномо-

¹ В частности, предприняты достаточно успешные попытки разработки криминалистической характеристики данных преступлений [1].

ченных лиц сбытовой энергетической компания, которая на законном основании перераспределяет энергию между потребителями, сообщается о том, что зафиксирована потеря электроэнергии [2]».

Например, в Красноярском крае сотрудники отдела экономической безопасности и противодействия коррупции ОМВД России по городу Норильску уличили местного жителя в причинении имущественного ущерба энергоснабжающей компании на сумму около 7,5 млн рублей. По предварительным данным, злоумышленник некоторое время назад арендовал помещение у одной из общественно-государственных организаций. Мужчина установил там счетчик, искажавший реальные данные о потребляемой электроэнергии, а далее наладил работу оборудования для майнинга криптовалюты. Выявив неучтенное потребление электричества, представитель энергоснабжающей фирмы обратился за помощью в полицию. В ходе проверки в указанном здании оперативники обнаружили и изъяли 96 устройств для добычи виртуальных денег и прибор учета потребляемой электроэнергии, в который, как установили эксперты, были внесены конструктивные изменения¹.

По нашему мнению, независимо от источника информации о преступлении она в каждом случае подлежит процессуальной проверке, в ходе которой должны быть произведены осмотр места преступления с изъятием майнингового оборудования и предварительный расчет причиненного ущерба, осуществляемый специалистами — представителями организации, которой причинен ущерб. Это могут быть генерирующие, сетевые или сбытовые компании, которые и должны признаваться потерпевшими

по уголовному делу. Отметим, что в зависимости от способа совершения преступления определяется и предмет преступления, т. е. незаконно потребляемая электроэнергия.

Прокурор, оценивающий материалы уголовного дела на стадии его возбуждения, должен обратить внимание на законность получения информации о преступлении, полноту проверки, правильность первоначального определения ущерба, причиненного преступлением. Назначение судебных экспертиз для определения размера причиненного ущерба представляется нам целесообразным в ходе предварительного расследования после тщательной подготовки, включающей комплекс следственных действий (осмотров, допросов, в ряде случаев следственных экспериментов и т. д.). Вопросы тактики производства следственного осмотра неоднократно становились предметом научных исследований [3; 4; 5]. Прокурор, оценивая протокол осмотра места происшествия, должен обратить внимание на корректность определения границ места происшествия, полноту фиксации обстановки и изъятых объектов, правильность определения задач и круга участников осмотра и др. Основное место происшествия, которое должно быть осмотрено незамедлительно, это место размещения оборудования: помещения различного назначения, в том числе жилые, территории промышленных предприятий, СНТ, гаражных кооперативов и отдельно стоящих гаражей, учреждений культуры, социальных объектов и др. Так, в Свердловской области майнинг-отель был обнаружен на территории мебельной фабрики, в Курской области — в серверной арбитражного суда², 25 ноября 2025 года установка,

¹ URL: <https://mvdmedia.ru/news/operativnye-novosti/kriptomayner-iz-norilskazaderzhan-politseyskimi-za-prichinenie-energokompanii-ushcherba-na-7-5-mln/> (дата обращения: 23.03.2026).

² Особенности расследования указанных случаев обсуждались в рамках межведомственного научно-практического круглого стола «Особенности расследования преступлений, совершенных в сфере производства, передачи

предназначенная для незаконного майнинга криптовалюты, была обнаружена в одном из домов поселка Красный Бор Ленинградской области, о чем сообщили средства массовой информации¹. Практике известны случаи размещения майнерами оборудования в профессиональном дата-центре (так называемый хостинг майнинга или майнинг-отель), который не только предоставляет соответствующую площадь, но и обеспечивает энергоснабжение, охлаждение, круглосуточный мониторинг и техническое обслуживание.

Особо подчеркнем, что осмотр места незаконного майнинга, связанный с изъятием цифровой валюты, в силу ст. 164.2 УПК РФ невозможен без участия специалиста в области электроэнергетики (например, работника сетевой организации). Специалист необходим и в тех случаях, когда цифровая валюта не изымается, так как с его помощью следователь должным образом опишет и изымет оборудование, сможет зафиксировать нагрузку в электросетях до и после отключения оборудования, а также имеющую значение для дела информацию, содержащуюся в обнаруженном оборудовании (логины, пароли, данные криптобиржи, сведения о пуле и т. д.). В частности, с помощью специалиста может быть определена точка подключения, выявлены и зафиксированы технические нарушения, произведены соответствующие замеры. Он же может оказать помощь при изъятии оборудования.

После возбуждения уголовного дела внимание прокурора должны привлечь протоколы допросов осведомленных лиц, обыска [6], заключения судебных экспертиз.

и сбыта электроэнергии — майнинга цифровой валюты», организованного Санкт-Петербургским Университетом МВД России 2—3 октября 2025 года, в работе которого принимал участие автор настоящего исследования.

¹ URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2951302/> (дата обращения: 23.03.2026).

Дискуссионным является вопрос об определении размера ущерба, причиненного преступлением. В настоящее время размер ущерба может быть установлен расчетным способом, в основе которого лежит акт безучетного или бездоговорного потребления электроэнергии, составленный в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 5 мая 2012 года № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии»)². Расчеты в данном случае делаются за период, превышающий шесть месяцев. Указанное Постановление предусматривает несколько методов расчета, что приводит к необходимости проведения расчета с использованием всех методов:

путем определения разницы между показаниями приборов учета (то есть оплаченной электроэнергии) и фактическим расходом, установленным следственным путем;

исходя из минимальной активной мощности.

На практики единого подхода к определению размера ущерба до настоящего времени не выработано. Вместе с тем следует отметить, что в литературе уже имеется информация о разработанных для этих целей методиках экспертных исследований. Как отмечает И.Ф. Оси-

² О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии : Постановление Правительства Российской Федерации от 5 мая 2012 г. № 442 : текст с изм. и доп. на 23 апр. 2026 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102156905> (дата обращения: 10.05.2026).

пов, выбор оптимальной схемы расчета электроснабжения представляет собой очень сложную задачу. Предлагаемая им методика, рекомендуемая для сотрудников экспертных учреждений, дает возможность получить объективные данные и позволяет эксперту объективно рассчитать электрические нагрузки, связанные с энергетическим развитием и жизнедеятельностью населения, и рассчитать оптимальную мощность бытовых электроприборов. Методика предназначена для проведения экспертизы на предмет «майнинга» как в квартирах многоквартирных домов жилого сектора, так и в отдельно стоящих индивидуальных жилых и нежилых строениях. В методике изложены удельные показатели (нормативы) расхода электрической энергии для определения суммарных объемов электропотребления и приведен метод определения потребности в средствах электроснабжения [6].

По нашему мнению, вменяться в вину должен фактически подтвержденный ущерб. Для наиболее точного определения его размера целесообразно проводить одновременный расчет с замерами потребляемой электроэнергии.

Оставляя без изменения постановление о возвращении уголовного дела прокурору, суд апелляционной инстанции, в частности, указал следующее. По версии следствия, бездоговорное потребление электроэнергии осуществлялось в период с 1 июля 2024 года до 11 часов 10 августа 2024 года, каждый из обнаруженных 139 майнинг-аппаратов потребляет по 3,5 кВт/ч, стоимость электроэнергии в июле и августе 2024 года составляла 2,46 рубля. Вместе с тем судом отмечено, что в материалах дела отсутствуют доказательства, подтверждающие потребление майнинг-аппаратами разных моделей и наименований электроэнергии в объеме 3,5 кВт/ч, по данному факту экспертиза проведена не была. Ввиду изложенного суд пришел к выводу, что заключение специа-

листа-реvisора ОДИ УЭБиПК МВД по РД ФИО7 от 19 ноября 2024 года № 99/3-2024, которое положено в основу обвинения по сумме причиненного ущерба, основано на произвольно определенном следователем объеме потребления энергопринимающих устройств. Кроме того, судом обращено внимание на то, что в деле отсутствуют сведения об образовании специалиста-реvisора, стаже работы в качестве специалиста, сведения о возможности проведения им документальных исследований, права, предусмотренные ст. 58 УПК РФ, ему не разъяснялись. Доводы прокурора, что проведение судебно-бухгалтерской экспертизы с целью расчета стоимости похищенной электроэнергии в перечень случаев обязательного назначения судебной экспертизы, предусмотренный ст. 196 УПК РФ, не входит, а для установления стоимости похищенной электроэнергии УЭБиПК МВД по РД достаточно проведенного исследования, которое основано на расчете количества потребляемой электроэнергии каждым оборудованием (майнинг-оборудованием), апелляционная инстанция сочла несостоятельными¹.

Решение данной задачи возможно при комплексном использовании процессуальных средств доказывания, имеющих в распоряжении следователя. Следственные действия (осмотр, допрос, обыск, следственный эксперимент и др.) должны дополняться комплексом судебных экспертиз, среди которых мы считаем важным назвать следующие:

традиционные криминалистические экспертизы (дактилоскопическая, трасологическая и т. д.);

радиотехническая экспертиза в целях установления функционального назначения оборудования;

компьютерно-техническая экспертиза для исследования майнингового

¹ URL: https://sudact.ru/regular/doc/0FaSwtDsZZZ/?page=10®ular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo (дата обращения: 23.03.2026).

оборудования и его программного обеспечения;

электротехническая экспертиза для выявления механизмов, влияющих на достоверность приборов учета, объема потребленной электроэнергии, периода потребления;

судебно-бухгалтерская экспертиза;
финансово-экономическая экспертиза и др.

В заключение отметим, что действенный прокурорский надзор в досудебном производстве по уголовным делам о незаконном майнинге цифровой валюты позволит добиться необходимого качества решения задач предварительного расследования, всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела и создаст предпосылки для постановления законного, обоснованного и справедливого приговора.

Список источников

1. Корнаухов М.В., Коляго О.П. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с незаконным майнингом цифровой валюты // Криминалистика — наука без границ: традиции и новации : материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26–27 ноября 2025 года. Санкт-Петербург : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2025. С. 127–131. EDN ASDFIU.
2. Шепель Н.В. Некоторые особенности доказывания при расследовании преступлений, связанных с использованием криптовалют и других виртуальных активов // Право: ретроспектива и перспектива. 2022. № 3 (11). С. 93–98. EDN MCOZIR.
3. Маркарян Э.С. Специфика проведения следственного осмотра при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалют // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6 (91). С. 146–152. DOI 10.17803/1994-1471.2018.91.6.146-152. EDN UULPAS.
4. Тебиев Р.Р. Осмотр места происшествия по уголовным делам о преступлениях, связанных с деятельностью майнинговых ферм // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5 (233). С. 461–465. DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_461. EDN KJZUEK.
5. Тебиев Р.Р. Тактика осмотра места происшествия по уголовным делам о незаконной деятельности майнинговых ферм // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVII Международной научно-практической конференции, Красноярск, 04–05 апреля 2024 года. В 2 ч.. Ч. 2. Красноярск : Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2024. С. 235–237. EDN DLTTVL.
6. Янгаева М.О. Тактические особенности производства обыска при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалюты / // Сборник материалов криминалистических чтений. 2021. № 18. С. 88–89. EDN PPNCEL.
7. Осипов И.Ф. Методика расчета потребления электроэнергии в отдельно стоящих жилых строениях. Причины и анализ повышенного энергопотребления бытовыми приборами (аналитический метод) // Перспективные исследования в современном мире : сборник статей Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 03 октября 2024 года. Санкт-Петербург : Междунар. ин-т перспективных исследований имени Ломоносова, 2024. С. 10–17. EDN EIUWCI.

Информация об авторе

Е.Б. Серова — заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E.B. Serova — Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.98

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА КРИМИНАЛИСТИКУ В СВЕТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ (КОНЕЦ XX ВЕКА – НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)

Константин Иванович СОТНИКОВ

*Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
sotnikovik@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы о месте и роли криминалистики в реализации уголовной политики государства, анализируется уголовное законодательство, комментируются некоторые нормы Уголовных кодексов РСФСР и Российской Федерации. Высказывается мнение о задачах науки криминалистики в условиях глобализации экономики и цифровизации общественных отношений. Уделено внимание проблемам противодействия мошенничеству и коррупционным преступлениям. Предлагается при разработке частных криминалистических методик расследования преступлений учитывать тенденции уголовной политики, прогнозировать потребность в этих методиках и обеспечивать их внедрение в практическую деятельность правоохранительных органов.

Ключевые слова: мелкая взятка, мошенничество, хищение, частные методики расследования преступлений, цифровая криминалистика

Для цитирования: Сотников К.И. Ретроспективный взгляд на криминалистику в свете отечественной уголовной политики (конец XX века – настоящее время) // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 95 – 100.

Original article

A RETROSPECTIVE VIEW OF CRIMINALISTICS IN THE LIGHT OF DOMESTIC CRIMINAL POLICY (LATE 20TH CENTURY TO THE PRESENT)

Konstantin I. SOTNIKOV

*St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia,
sotnikovik@mail.ru*

Abstract. The article examines the place and role of criminalistics in the implementation of the state's criminal policy. It analyses criminal legislation and provides commentary on selected provisions of the Criminal Codes of the RSFSR and the Russian Federation. The author discusses the tasks facing criminalistics as a science in the context of economic globalization and the digitalization of social relations. Particular attention is paid to the challenges in countering fraud and corruption-related offences. The article proposes that, when developing specific criminalistic methodologies for crime investigation, it is essential to account for trends in criminal policy, anticipate the need for such methodologies, and ensure their integration into the practical activities of law enforcement agencies.

Keywords: petty bribery, fraud, theft, specific investigative methodologies, digital criminalistics

For citation: Sotnikov K.I. A retrospective view of criminalistics in the light of domestic criminal policy (late 20th century to the present). Criminalist. 2026;3(56):95-100. (In Russ.).

© Сотников К.И., 2026

Под уголовной политикой в широком смысле слова принято понимать особый вид государственной управленческой деятельности в области стратегии и тактики противодействия преступности. Основной задачей уголовной политики является формирование уголовного законодательства, соответствующего общественным потребностям, а также совершенствование правоприменительной практики. Прежде всего уголовная политика находит выражение в нормативном правовом регулировании общественных отношений, направлена на обеспечение государственной безопасности, а также на защиту личных, имущественных и политических прав граждан. Важным направлением уголовной политики государства является прогнозирование и создание эффективного правового механизма противодействия преступности.

Наиболее ярко уголовная политика выражается в принятии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, криминализации или декриминализации деяний в той или иной группе общественных отношений. В ходе раскрытия и расследования преступлений реализуется уголовная политика по обеспечению неотвратимости уголовной ответственности преступников. Невыявленные или нераскрытые преступления свидетельствуют о том, что уголовная политика не достигла своей конечной цели по снижению преступности, обеспечению общественной безопасности, защите прав и законных интересов граждан и организаций. Вопросы уголовной политики довольно подробно изучены, учеными-юристами в той или иной мере обращалось внимание на связь криминалистики и уголовной политики и задачи криминалистики по реализации уголовной политики [1, с. 55–56; 2, с. 269; 3, с. 157–164].

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации по своему содержанию существенно отличается от Уголовного кодекса РСФСР 1960 года. Нельзя

не отметить серьезные изменения и дополнения, внесенные в Уголовный кодекс Российской Федерации. Следует обратить внимание на совершенствование уголовного закона в области противодействия коррупции, экономической, компьютерной, организованной преступности, борьбы с терроризмом и экстремизмом. Особо необходимо выделить уголовно-правовые новеллы, связанные с противоправным использованием информационно-телекоммуникационных технологий, компьютерной информации, возможностей Интернета.

В целях успешного раскрытия и расследования преступлений правоохранные органы используют достижения науки криминалистики. Криминалистика как наука и прикладная дисциплина подчинена реализации задач по охране прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, защите конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств. В научной литературе высказывалось мнение, что криминалистика должна находиться вне политики, проводимой властью и государством. Вместе с тем криминалистика не может не учитывать потребности уголовной политики государства. Криминалистика, будучи прикладной наукой, выполняет социально-политический заказ государства и общества по обеспечению безопасности государства и защите прав граждан и юридических лиц. И задача криминалистики состоит в содействии правоохранным органам в раскрытии и расследовании преступлений, предусмотренных уголовным законом. Криминалистика должна учитывать действующее законодательство, оперативно реагировать на изменения уголовного и уголовно-процессуального законов.

В целях иллюстрации вышеназванных тезисов о соотношении криминалистики и уголовной политики позво-

лю сделать некоторый исторический экскурс в далекие 80-е годы прошлого столетия.

Будучи прокурором-криминалистом, в 1981 году я проходил обучение на курсах повышения квалификации в Институте усовершенствования следственных работников органов прокуратуры и охраны общественного порядка при Прокуратуре СССР. У меня до сих пор сохранился конспект лекций, которые были прочитаны замечательным профессорско-преподавательским составом Института.

Так, Виктор Иванович Рохлин, в ту пору доцент, прочел нам восьмичасовую лекцию по методике расследования приписок и других искажений отчетности о выполнении планов (ст. 152¹ УК РСФСР). Лекционный материал отличала глубина, подробное изложение уголовно-правовых и криминалистических аспектов названной нормы Уголовного кодекса. В условиях жесткой плановой экономики искажения в государственной отчетности рассматривались как противоправная деятельность. Приписки, повлекшие выплату премий за достигнутые производственные показатели, оценивались как хищение государственных средств. Расследование подобных дел ставилось на особый контроль в Прокуратуре СССР. Отмечу, что и ранее, и в последующем мне довелось расследовать этот вид преступлений. Следует признать, что руководителей предприятий, которые были привлечены к уголовной ответственности, в большинстве случаев отличал высокий профессионализм и забота о рабочих и инженерно-технических работниках. Приписки нередко носили формальный характер, не влияли на производственную деятельность. *Dura lex, sed lex*. Закон суров, но это закон. Ныне нет плановой экономики, есть рыночная, статья о приписках исключена из Уголовного кодекса, осталась в прошлом.

Профессор Вириная Сергеевна Бурданова прочла курс лекций по методике расследования хищений государственного или общественного имущества, уделив основное внимание расследованию хищений в торговле, совершаемых путем присвоения или растраты. Вириная Сергеевна дала подробнейший анализ криминалистической характеристики хищений, изложила программу и алгоритм доказывания обстоятельств хищения, методику бухгалтерского анализа документов и тактику проведения отдельных следственных действий. Помнится, в аудитории в целях демонстрации технологии торговли стояли механические кассовые аппараты.

В связи с усилением борьбы с хищениями социалистической собственности УК РСФСР был дополнен ст. 93¹ «Хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах», санкция которой предусматривала лишение свободы до пятнадцати лет либо смертную казнь с конфискацией имущества. Надо сказать, что 80-е годы были отмечены активизацией борьбы с хищениями государственного имущества в особо крупном размере. На памяти нашумевшее так называемое хлопковое дело о приписках, хищениях и коррупции, выявленных в Узбекской ССР, уголовное дело о приписках, хищениях и взяточничестве в системе Министерства пассажирского автомобильного транспорта Казахской ССР. Автору этих строк довелось участвовать в расследовании названных уголовных дел. Положения ст. 93¹ УК РСФСР не нашли отражения в Уголовном кодексе Российской Федерации. Исключена уголовная ответственность за хищение социалистического имущества.

Криминалистика исторически ориентировалась на требования уголовной политики конкретного этапа развития страны, политического устройства государства, те или иные социально-

экономические вызовы. Ученые-криминалисты осуществляли разработку криминалистического обеспечения расследования как традиционных видов преступлений (убийства, кражи, грабежи, незаконный оборот наркотических средств и т. п.), так и общественно опасных посягательств, признаваемых в то далекое время преступными деяниями. Так, в Настольной книге следователя (под общей редакцией Генерального прокурора Союза ССР Г.Н. Сафонова, 1949 год) рассматривались частные методики расследования хищений в торгующих организациях, спекуляции, обмеривания и обвешивания потребителя, выпуска недоброкачественной и некомплектной продукции. В Руководстве для следователей (под редакцией заместителя Генерального прокурора СССР Н.В. Жогина, 1971 год) излагались частные методики расследования хищений социалистического имущества, хозяйственных преступлений, пожаров, хулиганства, преступных посягательств на установленный порядок отправления религиозных культов и др.

Историческая ценность перечисленных частных методик расследования преступлений и вклада ученых-криминалистов того времени заключается в том, что они служили дальнейшему развитию науки криминалистики, в этих методиках закладывались теоретические основы частных методик расследования современных видов преступлений. Перед наукой криминалистикой стоит задача оперативности, адекватности научных разработок состоянию преступности, изменениям законодательства и прогнозирования потребностей практики по противодействию преступности.

Серьезным изменениям подверглись нормы Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации о коррупционных преступлениях, терроризме, экстремизме, преступлениях экономической направленности, в сфере компью-

терной информации и др. В частности, пересмотрено уголовное законодательство об ответственности за дачу-получение взятки, введены как вид наказания «кратные штрафы». Восстановлено посредничество во взяточничестве как отдельный состав преступления, выделена в отдельный состав так называемая «мелкая взятка», отнесенная к подследственности органов дознания.

Расследование уголовных дел о коррупционных преступлениях традиционно относится к категории сложных и трудоемких. Предварительное расследование мелкого взяточничества в форме дознания проводится с использованием общих положений криминалистики и рекомендаций по методике расследования взяточничества. Упрощенный процессуальный порядок, нацеленный на ускоренное судопроизводство, имеет особенности проведения первоначальных следственно-оперативных мероприятий. В этой связи кафедрой криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России разработано учебно-практическое пособие «Методика дознания по делам о мелком взяточничестве». В указанном пособии выделены уголовно-процессуальные особенности дознания по делам этой категории, раскрыта криминалистическая характеристика мелкого взяточничества, изложены практические рекомендации по тактике проведения отдельных следственных действий, а также использованию технических средств фиксации факта дачи-получения мелкой взятки. В том числе предложен правовой и организационно-методический ситуационный алгоритм пресечения фактов попытки дачи мелкой взятки должностным лицам и правильного документирования случаев коррупционного подкупа. Настоящее пособие используется в учебном процессе подготовки сотрудников полиции [4].

Для современного этапа развития общества в условиях глобализации экономики, сложностей межгосударственных отношений, вызовов в сфере информационных технологий актуализируются задачи защиты принципиально новых видов общественных отношений. Законодателем формулируются ранее не известные составы преступлений против собственности, в сфере экономики, защиты финансово-банковской системы, информационных технологий, преступлений коррупционной направленности. Современная следственная практика сталкивается с трудностями при выявлении и расследовании хищений бюджетных средств, широкомасштабной коррупции, ухода от уплаты налогов, мошенничества с применением телекоммуникационных технологий и сети «Интернет», допущением цифровизации при совершении банковских операций с использованием криптовалюты и т. п.

Следует подчеркнуть, что новые виды преступлений сравнительно сложны и трудоемки в раскрытии и полноценном расследовании. Так, с учетом резкого роста мошеннических деяний, их серьезной общественной опасности законодатель раздробил их на отдельные составы преступлений, предусмотрев ответственность за мошенничество в зависимости от сферы и способов его совершения. Например, к таковым относится мошенничество, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, удельный вес которого в последние годы составляет значительный объем регистрируемых преступлений. Криминалистика не всегда способна предоставить методическое обеспечение раскрытия и расследования таких видов преступлений. Правоохранительные органы по объективным причинам не готовы к полноценному раскрытию этих преступлений и привлечению к ответственности виновных лиц.

Признано, что важнейшим резервом эффективности деятельности органов следствия и дознания должна стать цифровизация предварительного расследования. Вопросы цифровизации в уголовном процессе и криминалистике в последние годы активно обсуждаются учеными-криминалистами и практиками. Усилиями ученых-криминалистов и практиков, специалистов в сфере компьютерных технологий, по существу, заложен фундамент цифровой криминалистики, ставится задача внедрения в практику расследования электронных уголовных дел. Профессор С.В. Зуев в одной из многих научных работ по данной тематике отмечает, что наиболее перспективным направлением является переход к судопроизводству в формате электронного уголовного дела [5, с. 120].

Сохраняется проблема качества предлагаемых частных методик расследования преступлений. Разрабатываемые криминалистами частные методики нередко не находят практического применения по причинам чрезмерной перегруженности практических работников, нежелания овладевать научными разработками. Цифровизация частных методик расследования преступлений является гарантом их внедрения в практическую деятельность.

Таким образом, научные разработки криминалистов в контексте изменяющегося законодательства логично следуют за правовыми новеллами и компьютеризацией общественных отношений. В этой связи перед учеными-криминалистами и практиками стоит задача по совершенствованию научно-технических средств, методов и приемов противодействия современной преступности, по реальному внедрению научных разработок в правоприменительную деятельность. Требуется модернизация сложившихся криминалистических методик, создание современных криминалистических методик, обусловленных изменениями в уголовном законодательстве.

Список источников

1. Ромашов Р.А. Уголовная политика России: генезис и современность // История государства и права. 2017. № 21. С. 55 – 56.
2. Александров А.И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 4. С. 34 – 45.
3. Сотников К.И., Романова О.Л. Криминалистика и уголовная политика // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4 (92). С. 157 – 164.
4. Бачиева А.В., Лантух Э.В., Сотников К.И. Методика дознания по делам о мелком взяточничестве : учебно-практическое пособие / Санкт-Петербургский университет МВД России ; под общ. ред. К.И. Сотникова. Санкт-Петербург : С.-Петерб. ун-т М-ва внутренних дел Российской Федерации, 2021. 80 с.
5. Зуев С.В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4. С.118 – 123.

Информация об авторе

К.И. Сотников – доцент кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации,

Information about the author

K.I. Sotnikov – Associate Professor at the Department of Criminalistics, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.2/.7

СООТНОШЕНИЕ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Игорь Олегович ТКАЧЕВ

*Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия*

Аннотация. В статье поднимается вопрос о соблюдении требований системности при формулировании уголовно-правовых запретов, направленных на противодействие экстремистской деятельности. В силу указанного требования деяния, рассматриваемые как одинаково противоправные с точки зрения регулятивного законодательства, должны влечь одинаковую по своему характеру уголовно-правовую реакцию со стороны государства. На основе анализа норм уголовного законодательства об ответственности за экстремистскую деятельность автор приходит к убеждению, что данное требование не соблюдено, показателем чего является отсутствие норм об ответственности за пропаганду и публичное демонстрирование экстремистских материалов, не являющихся экстремистской атрибутикой или символикой, их массовое распространение (а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения), а также за пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии при отсутствии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ. Предлагаются соответствующие изменения в уголовное и административно-деликтное законодательство.

Ключевые слова: уголовная ответственность, системность, экстремизм (экстремистская деятельность), экстремистские материалы, экстремистские предметы, пропаганда экстремизма, массовое распространение экстремистских материалов

Для цитирования: Ткачев И.О. Соотношение норм об ответственности за преступления экстремистской и террористической направленности и системные связи уголовного права // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 101 – 108.

Original article

CORRELATION OF NORMS ON LIABILITY FOR OFFENCES OF AN EXTREMIST AND TERRORIST NATURE AND THE SYSTEMIC LINKS OF CRIMINAL LAW

Igor O. TKACHEV

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia

Abstract. This article addresses the issue of ensuring systemic consistency when formulating criminal law prohibitions aimed at countering extremist activities. Pursuant to this requirement, acts considered equally unlawful under regulatory legislation should entail a uniform criminal law response from the state. Based on an analysis of criminal law provisions regarding liability for extremist activity, the author concludes that this requirement is not observed. Evidence

© Ткачев И.О., 2026

of this includes the absence of norms establishing liability for the promotion and public display of extremist materials that do not constitute extremist attributes or symbols, as well as for their mass dissemination (including their manufacture or storage for the purpose of mass dissemination). Furthermore, there is a lack of liability for the promotion of the exclusivity, superiority, or inferiority of a person based on their social, racial, national, religious, or linguistic affiliation, or attitude toward religion, in the absence of the elements of a crime under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article proposes corresponding amendments to criminal and administrative offence legislation to address these gaps.

Keywords: criminal liability, systemic consistency, extremism (extremist activity), extremist materials, extremist items, promotion of extremism, mass dissemination of extremist materials

For citation: Tkachev I.O. Correlation of norms on liability for offences of an extremist and terrorist nature and the systemic links of criminal law. *Criminalist*. 2026;3(56):101-108. (In Russ.).

В объективном смысле право представляет собой упорядоченную совокупность правовых норм, призванных выступать регулятором общественных отношений. Этой совокупности присущи (или, по крайней мере, должны быть присущи) системные свойства. Наличие такого рода свойств общепризнано как на уровне общей теории права, так и на уровне отраслевых исследований. Показателем являются давно введенные в научный оборот категории «правовая система», «система права», «система законодательства». В свою очередь, и сама правовая система «является частью общественной системы, ее подсистемой, органически связанной с явлениями и процессами, происходящими в сферах экономики, политики, культуры, идеологии, испытывающей на себе их направляющее воздействие, однако в то же время обеспечивающей их устойчивость и стабильность» [1, с. 68].

Отмеченное выше обуславливает научный интерес к категории системности применительно к праву в целом и отдельным правовым явлениям в жизни общества. При этом в правовых исследованиях категория «системность» используется в различных значениях. Как верно отмечает М.В. Воронин, «системность права можно понимать как свойство права, как принцип правового регулирования, как признак системы права и правовой системы, как прин-

цип деятельности, отраженный в праве (например, правотворчества)» [2, с. 27].

В доктрине уголовного права данный термин также употребляется в нескольких аспектах. Так, В.К. Дуюнов рассматривает системность норм уголовного законодательства как требование, соблюдение которого выступает условием обеспечения эффективности уголовно-правового воздействия [3, с. 57]. В похожем значении употребляет данный термин и А.А. Середин, по мысли которого системность представляет собой фундаментальное требование, обеспечивающее реализацию принципов уголовного права и, в частности, принципа справедливости [4, с. 95].

Т.В. Кленова относит к числу принципов кодификации уголовно-правовых норм принцип их системного выражения в Уголовном кодексе [5, с. 198]. Впрочем, указанный автор также выделяет требование системности законодательного материала, которое, по ее мнению, «подкрепляется ссылкой на необходимость преодоления такого недостатка правоприменения, как отсутствие единообразия в практике квалификации преступлений и назначения наказаний при аналогичных обстоятельствах и тяжести совершенных преступлений» [5, с. 198].

Наконец, еще один подход к пониманию системности можно встретить в работах А.В. Денисовой, которая полагает,

что категория системности может рассматриваться как в объективном, так и субъективном смысле. В первом значении системность, по мнению указанного исследователя, есть не что иное, как «объективное свойство объекта обладать всеми признаками системы» [6, с. 39], а во втором — «методологический подход человека к действительности, в основе которого лежит рассмотрение объекта как системы» [6, с. 40]. При этом следует отметить, что указанные смыслы неразрывно связаны между собой. Так, именно наличие у того или иного феномена (в данном случае — уголовного права) системных свойств и качеств позволяет исследовать его с использованием обозначенного А.В. Денисовой методологического подхода. В то же время при отсутствии у объекта системных свойств такой подход к его познанию, очевидно, не реализуем.

В рамках настоящего исследования системность будет рассматриваться как адресованное законодателю и правоприменителю требование, в основу которого положено восприятие уголовного права как системного образования, обладающего как внешними, так и внутренними системными связями. Внешние системные связи возникают, например, между охранительными нормами уголовного законодательства и теми корреспондирующими регулятивными нормами иной отраслевой принадлежности, на основании или под воздействием которых возникают правоотношения, подлежащие уголовно-правовой охране. В свою очередь, внутренние связи возникают между отдельными нормами уголовного законодательства либо состоящими из таких норм уголовно-правовыми институтами (субинститутами).

Как отмечалось нами ранее при исследовании иных аналогичных проблем, связанных с системностью уголовно-правового воздействия, одним из свойств системы является ее целостность и вну-

тренняя согласованность (упорядоченность) [7, с. 148]. При этом, как верно отмечается на страницах юридической литературы, единство и целостность системы напрямую зависят от связей, объединяющих компоненты, составляющие ее основу: для сохранения системы необходимо, чтобы внутренние связи между элементами системы были устойчивей связей каждого из элементов с явлениями вне этой системы [8, с. 87–88].

Применительно к законотворческой деятельности требование системности означает, что одинаковые по значимости группы общественных отношений должны обеспечиваться равноценной уголовно-правовой охраной. Деяния, рассматриваемые как одинаково противоправные с точки зрения регулятивного законодательства, должны влечь одинаковую по своему характеру уголовно-правовую реакцию со стороны государства. К сожалению, указанное требование применительно к ответственности за преступления террористической и экстремистской направленности не соблюдается.

Несмотря на то что проявления терроризма и экстремизма носят весьма схожий характер, нормы, призванные обеспечивать уголовно-правовое противодействие данным негативным социальным явлениям, разведены по разным главам Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) исходя из представлений законодателя относительно характеристики основного непосредственного объекта соответствующих посягательств. При этом законодательные решения подчас отличаются несогласованностью. Так, в уголовном законодательстве отсутствует самостоятельная норма об ответственности за публичное оправдание или пропаганду экстремизма. Действующий уголовный закон содержит норму, устанавливающую ответственность только за публич-

ные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ).

Согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее — Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 11) под публичными призывами (ст. 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности¹.

При этом далее Пленум Верховного Суда Российской Федерации отмечает, что при установлении направленности призывов необходимо учитывать положения Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее — Федеральный закон № 114-ФЗ)². В свою очередь, указанный Федеральный закон (ст. 1) относит к проявлениям экстремизма (экстремистской деятельности) помимо прочего *публичное оправдание терроризма* и иную террористическую деятельность, *пропаганду* исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии, а так-

же *массовое распространение* заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения.

Таким образом, публичное оправдание терроризма для целей Федерального закона № 114-ФЗ представляет собой разновидность экстремистской деятельности. При этом данное деяние (в отличие от деяния по публичному оправданию иных проявлений экстремистской деятельности) криминализовано в ст. 205.2 УК РФ.

Равным образом в ст. 205.2 УК РФ установлена самостоятельная ответственность за пропаганду терроризма, под которой в соответствии с дефинитивным примечанием к статье понимается деятельность по *распространению* материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности. В то же время распространение экстремистских материалов, по общему правилу, не влечет уголовной ответственности.

После внесения в 2021 году изменений в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ под экстремистскими материалами стали пониматься предназначенные для *распространения* либо *публичного демонстрирования* документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, выступления, *изображения* руководителей групп, организаций или движений, признанных преступными в соответствии с приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских

¹ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11: текст с изм. и доп. на 23 дек. 2025 г. // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrif.ru/document/own/8255/> (дата обращения: 12.03.2026).

² О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ : текст с изм. и доп. на 27 окт. 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079221> (дата обращения: 12.03.2026).

стран оси (Нюрнбергского трибунала), выступления, изображения руководителей организаций, сотрудничавших с указанными группами, организациями или движениями, публикации, *обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство* либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

Одновременно были внесены изменения в ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 19 мая 1995 года № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов»¹. Согласно действующей редакции соответствующей нормы данного Закона, в Российской Федерации запрещается использование, в том числе публичное демонстрирование: 1) нацистской атрибутики или символики; 2) атрибутики или символики, сходных до степени смешения с нацистской атрибутикой или символикой; 3) *являющихся экстремистскими материалами* изображений руководителей групп, организаций или движений, признанных преступными в соответствии с приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала), как оскорбляющих многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах.

Таким образом, в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации экстремистские материалы представляют собой самосто-

ятельную разновидность экстремистских предметов, наряду с экстремистскими атрибутикой или символикой, к которым Федеральным законом № 114-ФЗ отнесены: 1) нацистская атрибутика или символика, 2) атрибутика или символика, сходные с нацистской до степени смешения, 3) атрибутика или символика экстремистских организаций. При этом изображения руководителей групп, организаций или движений, признанных преступными в соответствии с приговором Нюрнбергского трибунала, отнесены именно к экстремистским материалам, а не экстремистским атрибутике или символике.

Буквальное толкование ст. 282.4 УК РФ позволяет заключить, что указанной нормой установлена уголовная ответственность за пропаганду или публичное демонстрирование не любых экстремистских предметов, а лишь *экстремистской атрибутики или символики*, а также иных *атрибутики или символики*, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами.

В то же время деяния, выражающиеся в публичной демонстрации экстремистских материалов в виде изображений руководителей групп, организаций или движений, признанных преступными в соответствии с приговором Нюрнбергского трибунала, исходя из действующей редакции уголовного закона образуют состав ч. 3 ст. 354.1 УК РФ по признаку оскорбления памяти защитников Отечества², что демонстрирует различный подход к уголовно-правовой оценке отдельных проявлений экстремизма (например, положения ч. 3 ст. 354.1 УК РФ хотя и устанавливают по сравнению с ч. 1 ст. 282.4 УК РФ менее строгое наказание, непосредственно влияющее на категорию преступления,

¹ Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов : Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ : текст с изм. и доп. на 28 дек. 2024 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102035634> (дата обращения: 12.03.2026).

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2022 г. № 46-УД22-42сп-А4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

но не предусматривают обязательного наличия административной преюдиции).

Представляется ошибочным отказ от криминализации такой самостоятельной формы экстремистской деятельности, как распространение экстремистских материалов, в том числе трудов руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, выступлений нацистских преступников.

Не вполне понятна логика, в силу которой одни формы проявления экстремизма законодатель посчитал более, а другие — менее общественно опасными и не заслуживающими уголовно-правовой реакции со стороны государства.

Следует отметить, что количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности демонстрирует устойчивый рост. Так, по данным МВД России, количество таких преступлений за период с 2020 по 2024 год увеличилось более чем в два раза (с 833¹ до 1719 преступлений²). При этом за январь — сентябрь 2025 года уже было зарегистрировано 1760 преступлений экстремистской направленности (+28,1 % по отношению к показателям прошлого года)³. Все отмеченные выше некриминализованные формы экстремистской деятельности способствуют

распространению экстремистской идеологии и тем самым создают условия для дальнейшего увеличения числа соответствующих преступлений.

Частично обозначенный выше пробел при криминализации, казалось бы, восполняют нормы ст. 282 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Как следует из разъяснений, содержащихся в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 11, под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия в отношении представителей какой-либо нации, расы, социальной группы, приверженцев той или иной религии. Такие высказывания, согласно приведенному разъяснению, могут содержаться в выступлениях на собраниях, митингах, в распространенных виновным листовках, плакатах, в размещенных в журналах, брошюрах, книгах, на сайтах, форумах или в блогах материалах, в массово разосланных электронных сообщениях и т. п.

Вместе с тем к числу экстремистских материалов согласно п. 3 ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ относятся также материалы, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство. При этом такие материалы не всегда направлены на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, что является криминообразующим признаком предмета преступле-

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2020 года : сборник // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 21.11.2025).

² Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2024 года : сборник // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 21.11.2025).

³ Состояние преступности в Российской Федерации за январь — сентябрь 2025 года : сборник // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/72174303/> (дата обращения: 21.11.2025).

ния, предусмотренного ст. 282 УК РФ. Выражаясь языком формальной логики, понятия «материалы, направленные на возбуждение ненависти или вражды, а также на унижение достоинства человека или группы лиц» и «материалы, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство», являются пересекающимися по объему. Распространяемая лицом информация может не содержать сведений, обосновывающих «неполноценность» той или иной социальной группы, что исключает ее восприятие как унижающей достоинство представителей такой группы. Такая информация может ограничиваться приведением доказательств «исключительности» определенной нации или расы. Однако очевидно, что массовое распространение такого рода материалов способно создать условия для последующего развития экстремистских настроений, так как осознание представителями определенной нации или расы в качестве «избранной» в последующем неизбежно влечет формирование представлений о «неполноценности» остальных подобных социальных групп, что и лежит в основании формирования мотивов ненависти или вражды по отношению к их представителям.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о нарушении требований системности при формулировании уголовно-правовых запретов, касающихся экстремистской деятельности. Для обеспечения соблюдения указанного требования требуется внесение следующих изменений в действующее уголовное законодательство.

1. Наряду с ответственностью за пропаганду или публичное демонстрирование экстремистской атрибутики и символики (ст. 282.4 УК РФ) необходимо установить ответственность за пропаган-

ду и публичное демонстрирование иных экстремистских материалов как другой разновидности экстремистских предметов. Учитывая, что при криминализации деяний в виде пропаганды и публичной демонстрации экстремистской атрибутики и символики законодатель использовал административную преюдицию, аналогичный законодательный прием будет оправдан и при формулировании нового, предлагаемого нами уголовно-правового запрета, что также потребует внесения изменений в соответствующие нормы главы 20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

2. Установить уголовную ответственность за массовое распространение экстремистских материалов, их изготовление или хранение в целях массового распространения, а также за пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии при отсутствии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ. В данном случае представляется целесообразным формулирование самостоятельной уголовно-правовой нормы по модели ст. 282 УК РФ, когда, по общему правилу, уголовная ответственность будет наступать при наличии факта административной преюдиции (что также потребует внесения изменений в нормы корреспондирующей отрасли). Однако при наличии квалифицирующих признаков, повышающих общественную опасность обозначенных выше деяний (их совершении в соучастии или с использованием служебного положения), уголовная ответственность должна реализовываться уже при однократном их совершении.

Список источников

1. Денисова А.В. Принципы российского уголовного права в контексте учения о системности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2014. № 1 (15). С. 67 – 73.
2. Воронин М.В. Системность права в контексте ее оснований и проявлений: теоретико-правовой анализ // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 4. С. 26 – 34.
3. Дуюнов В.К. Системность как необходимая предпосылка эффективности российского уголовного законодательства // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2007. № 2. С. 56 – 59.
4. Середин А.А. Системность уголовного закона: фундаментальное требование или фантом? // *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2021. № 2 (12). С. 91 – 95.
5. Кленова Т.В. Общие и специальные принципы уголовного права, их соотношение // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 1. С. 194 – 199.
6. Денисова А.В. Системность как категория познания российского уголовного права // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 1 (31). С. 39 – 43.
7. Ткачев И.О. Уголовная ответственность за преступления в сфере государственного оборонного заказа и системные связи уголовного права // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 146 – 149.
8. Векленко С.В., Соколов А.Н. Принцип системности в правоприменительной и правотворческой деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4. С. 84 – 92.

Информация об авторе

И.О. Ткачев – доцент кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

I.O. Tkachev – Associate Professor at the Criminal Law Department named after M.I. Kovalev, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 347.426

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ХИЩЕНИЙ

Аслям Наилевич ХАЛИКОВ

*Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я.Сухарева,
Уфимский университет науки и технологий, Москва, Россия, han010@yandex.ru*

Аннотация. В статье обосновывается, что на сегодня правоохранительные органы не могут принять эффективные меры по раскрытию и расследованию дистанционных хищений. Вследствие чего меры по борьбе с дистанционными хищениями компенсируются соответствующими способами пресечения и предупреждения названных преступлений с помощью правовых механизмов в области гражданского и банковского права. Обсуждаются дискуссионные моменты приостановки банковских операций в соотношении с правами и интересами граждан и банковских учреждений. В то же время меры гражданско-правового характера не должны подменять собой меры уголовного-правового направления борьбы с данным видом преступлений, поскольку только практика применения уголовной ответственности может реально снизить уровень данных видов криминальной деятельности преступников.

Ключевые слова: банки, гражданско-правовая ответственность, дистанционные хищения, кредиты, национальная платежная система, материальный ущерб, цифровой мир

Для цитирования: Халиков А.Н. Правовые проблемы пресечения и предупреждения дистанционных хищений // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 109 – 115.

Original article

LEGAL CHALLENGES IN THE PREVENTION AND SUPPRESSION OF REMOTE THEFTS

Aslam N. KHALIKOV

*Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Ufa
University of Science and Technology, han010@yandex.ru*

Abstract. The author argues that, at present, law enforcement agencies are unable to implement fully effective measures for the detection and investigation of remote thefts. Consequently, efforts to combat such offences are currently being addressed through appropriate means of prevention and suppression using legal mechanisms in the fields of civil and banking law. The article discusses contentious issues regarding the suspension of banking transactions, particularly concerning the balance between these security measures and the rights and legitimate interests of both individuals and financial institutions. At the same time, it is emphasized that civil law measures must not serve as a substitute for criminal law approaches to combating this category of offences, as only the consistent application of criminal liability can genuinely reduce the incidence of such criminal activity.

Keywords: banks, civil-law liability, remote thefts, loans, national payment system, material damage, digital environment

© Халиков А.Н., 2026

For citation: Khalikov A.N. . Legal challenges in the prevention and suppression of remote thefts. Criminalist. 2026;3(56):109-115. (In Russ.).

Развитие цифровых технологий и использование их в финансовой сфере имеет не только положительные моменты, но и отрицательные последствия, открывая новые возможности для хищений и незаконного обогащения [1]. Принятый ООН в августе 2024 года Проект всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях определяет, что использование их может оказывать значительное влияние на масштабы, скорость совершения и характер уголовных правонарушений [2]. В первую очередь в наше время это относится к дистанционным хищениям, объем которых в России составляет от 150 до 250 млрд рублей в год с тенденцией к неперемennomу росту, когда посягательству подвергается 83 % жителей страны, составляющих практически все население, пользующееся средствами сотовой связи [3]. В то же время раскрываемость преступлений, совершенных с использованием мобильных средств связи, в 2024 году составила только 12,8 %, а раскрываемость преступлений, совершенных в сети «Интернет», — 21,6 %¹. К этому необходимо добавить, что полной раскрываемости дистанционных хищений нет в силу различных причин уголовно-процессуального, криминалистического и оперативно-разыскного характера.

Борьба с дистанционными хищениями осуществляется в условиях действия нового института (или отрасли) права — права цифровой среды, или цифрового права, имеющего свою предметную область в соотношении с другими отраслями права [4]. Отсюда классические способы правового регулирования

борьбы с дистанционными хищениями должны трансформироваться таким образом, чтобы с их помощью можно было бороться с преступлениями, совершаемыми в цифровой среде, которые имеют свою материальную и юридическую специфику. То есть особые правовые механизмы обеспечения охраны собственности, что относимо и к уголовному, и к гражданскому праву, в системном режиме должны противодействовать дистанционным хищениям, совершаемым с использованием цифровых средств связи и новых технологий.

В современной системе работы правовых механизмов по борьбе с дистанционными хищениями, согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, существует несколько взаимосвязанных элементов, или стадий такой борьбы: выявление преступления, его раскрытие, пресечение, расследование и предупреждение преступлений. К сожалению, как мы сказали, на сегодня в этой системе относительно дистанционных хищений нет элементов их раскрытия и расследования, т. е. того, что непосредственно относится к уголовному праву и уголовному процессу. Уголовные дела возбуждаются, по ним проводятся первоначальные следственные действия, но практически по всем им следствие приостанавливается ввиду неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Иными словами, в этом случае система правоохранительных органов не срабатывает для выполнения своей основной уголовно-правовой функции — привлечение к уголовной ответственности виновных лиц и возмещение ущерба потерпевшим.

Из всего этого следует, что, когда уголовно-правовые нормы по борьбе с дистанционными хищениями не срабаты-

¹ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2024 г. / ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ. М., 2024. С. 28 — 29.

вают, противодействие таким хищениям в части их немедленного пресечения и предупреждения переходит на другие отрасли права. В настоящее время противодействие в виде пресечения и профилактики дистанционных хищений в большей степени основывается на нормах гражданского права, в частности банковского права, с учетом, что расчеты в банковской деятельности в основном перешли в цифровое пространство. Эффективность гражданско-правовых механизмов позволяет своевременно прерывать совершение преступления путем блокирования перечисления преступникам денежных средств, в основном из банков, а следовательно, пресекать совершение преступлений.

Начнем с того, что само по себе совершение дистанционных хищений свидетельствует о том, что банки не выполняют своей функции по надежному хранению денег, возлагая вину и ответственность за хищения денег в дистанционном режиме на клиентов, если последние перечисляют денежные средства посторонним лицам или у них различными манипуляциями в дистанционном режиме похищаются деньги, хранимые в цифровом режиме в банке. Однако электронный режим хранения денежных средств в банках, возможность совершения операций без личного присутствия клиентов, агрессивное навязывание дистанционных банковских услуг самому широкому кругу лиц требуют в свою очередь обеспечения достойной безопасности финансовой деятельности, т. е. защиты банками своих клиентов от любых преступных манипуляций. Этого, к сожалению, в банковской деятельности на сегодня нет. По оценке экспертов Банка России, доля банковской уязвимости и рисков составляет до 44 % [5].

Анализируя юридический статус банка в механизме дистанционных хищений, отметим, что согласно ст. 1 Федерального закона от 2 декабря 1990 года

№ 395-1 «О банках и банковской деятельности»¹ банк — это кредитная организация, которая имеет исключительное право осуществлять банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц. То есть банк, размещая денежные вклады населения, берет на себя полную ответственность за их сохранность и возврат по требованию собственника. Далее, в соответствии со ст. 845 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) о договоре банковского счета банк обязан принимать и зачислять поступающие на счет, открытый клиенту (владельцу счета), денежные средства, выполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета и проведении других операций по счету. Статьей 854 ГК РФ предусмотрено, что списание денежных средств со счета осуществляется банком на основании распоряжения клиента, если законом не определено иное.

Однако дистанционные хищения из банков, квалифицируемые как кражи или мошенничество, осуществляются путем психического или криминального воздействия на физических лиц. И отсюда возникает вопрос: кому именно причиняется ущерб — банку или клиенту? Ответ на этот вопрос влияет на право возмещения убытков, что имеет оценочный характер, по разному решается судами. Доминирующая ситуация заключается в том, что клиент банка или лицо, которого под психическим воздействием заставляют перевести деньги,

¹ О банках и банковской деятельности : Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 : текст с изм. и доп. на 9 апр. 2026 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010268> (дата обращения: 10.05.2026).

терпит материальный ущерб вне своей воли и осознания своих действий. Можно ли в этом случае обвинять человека? Кто должен нести ответственность за факт хищения денежных средств, если они находятся на хранении у банка? На практике во всех криминальных ситуациях банки считают себя невиновными, перекладывая гражданско-правовую ответственность на клиентов банка, которые якобы сами своими действиями наносят себе материальный ущерб, переводя деньги посторонним лицам. Представители банков в судах говорят о рассеянности клиентов, неследовании правилам дистанционного банковского обслуживания и т. д.

В данном случае следует исходить из другого уровня совершения криминальных действий, когда обман человека происходит в системе цифрового пространства, где уже не действуют материальные деньги (на бумажном или металлическом носителе), а связь между преступником и потерпевшим происходит опосредованно в цифровой среде. Это создает новые высокотехнологичные криминальные риски и, соответственно, более высокий технический или цифровой уровень совершения преступлений с соответствующим воздействием на психику человека. В то же время цифровой уровень совершения преступлений не меняет психологию человека, его восприятие внешних событий, когда основной взаимосвязью между людьми остается доверие, лежащее в основе человеческих взаимоотношений, злонамеренно используемых при мошенничестве.

Дело в том, что история развития человеческого общества основана на преобладающем доверии человека человеку, обществу, государству. И отдельные факты мошенничеств, краж и иных преступлений не могут подорвать тысячелетиями складывавшиеся доверительные отношения между людьми. Практика дистанционных хищений не может при-

вести к исчезновению понятия доверия путем только, допустим, правового воспитания личности, предупреждения о бдительности и т. д., хотя все это имеет определенное значение. Но в целом невозможно удалить из психологии человека коренной фактор доверия себе подобному [6]. Более того, если мы будем возлагать материальную ответственность на человека при его обмане или злоупотреблении доверием, то следует и вовсе ликвидировать состав преступления как мошенничество, признав, что в результатах мошеннических действий виновен всегда сам потерпевший.

Из сказанного следует, что нельзя возлагать безусловную ответственность при совершении дистанционных хищений только на человека, который, доверяя другому лицу, оказался жертвой изощренного мошенничества или кражи. В этом случае именно банки как профессиональные игроки на финансово-экономическом поле и как ответственные хранители денег клиентов должны принимать все меры для обеспечения сохранности денежных средств вкладчиков. И можно констатировать, что в настоящее время государство в доминирующей степени возлагает гражданско-правовую ответственность на банки при создании условий, способствующих совершению дистанционных хищений. Это принципиальная позиция государства или, если хотите, презумпция виновности банков за совершаемые хищения, если не установлено иное.

Так, Федеральным законом от 24 июля 2023 года № 369-ФЗ с 24 июля 2024 года в ст. 8 Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»¹ закреплены новые положения, согласно

¹ О национальной платежной системе : Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 116-ФЗ : текст с изм. и доп. на 9 апр. 2026 г. // Официальный портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102148779> (дата обращения: 10.05.2026).

которым оператор по переводу денежных средств при выявлении операции, соответствующей признакам перевода денежных средств без добровольного согласия клиента, приостанавливает исполнение распоряжения клиента на два дня. Для обеспечения соблюдения названной нормы предусмотрен довольно сложный механизм взаимоотношений между банком или оператором по переводу денежных средств и клиентом. Суть его заключается в том, что банк, приостановив операцию для проверки добровольности волеизъявления клиента, должен выполнить процедуру данной проверки и завершить операцию только в случае подтверждения реального согласия на перевод денег. В случае нарушения условий проверки и перевода банком денег без фактического согласия клиента банк должен нести полную материальную ответственность перед клиентом. Тем самым банк в силу своих юридических функций, установленных общегражданским и отраслевым банковским законодательством, должен нести полную материальную ответственность за безопасные условия при выдаче кредита, с полной проверкой личности клиента, целей кредита и тем более необъяснимого перевода денег сразу на другой счет [7].

Следует отметить, что в последнее время и судебная практика пошла по пути соблюдения законодательных нововведений об ответственности банков за неисполнение запретов, установленных законами, на выделение денежных средств по результатам различных видов дистанционных мошенничеств¹. Хотя, разумеется, такая практика не абсолютна и суды еще достаточно много решений выносят в пользу банков².

Из изложенного можно сделать вывод, что, несмотря на значительное

повышение активности правоохранительных органов по борьбе с дистанционным мошенничеством, реальная и эффективная борьба с подобными преступлениями на данный момент возможна преимущественно в банковском секторе с помощью мер гражданско-правового характера, когда основную нагрузку в этой борьбе несут банковские организации. Как пишет А.А.Бердюгин, без высокой организации сервиса управления риском нарушения информационной безопасности (РНИБ) коммерческий банк понесет не только финансовые, но и репутационные убытки. Именно клиенты банка определяют надежность и устойчивость ресурсной базы финансовой организации [8]. Граждане, клиенты банков, заинтересованы в сохранности своих вкладов и в том, чтобы выдача кредитов, как и любые денежные операции, не происходила без их ведома и реального согласия.

Из ответственности банков за неудовлетворительное хранение денежных средств своих клиентов или необоснованную выдачу кредитов следуют проблемы по возмещению ущерба от дистанционных хищений, что изначально требует решения вопроса о том, кого признавать потерпевшим — вкладчика (клиента банка) или сам банк. Если деньги похищены у вкладчика, то именно он должен требовать возмещения ущерба. Если же деньги похищены у банка, то вкладчик требует возмещения у банка, а банк в регрессном порядке — у преступников (ст. 1081 ГК РФ). Хотя последнее пока почти недостижимо.

Однако банки негативно относятся к тому, чтобы следственные органы или суд признавали их потерпевшими. Еще больше банки не хотят выступать ответчиками в гражданских процессах по искам вкладчиков о возмещении ущерба при дистанционных хищениях, желая оставаться как минимум третьими лицами. В то же время, даже если потерпевшими по уголовному делу призна-

¹ Ленский районный суд Республики Саха (Якутия). Дело № 2-639/2024.

² Кировский районный суд г. Уфы. Дело № 2-2727/2024.

ются вкладчики — физические лица, это вовсе не значит, что они не вправе предъявить иски к банкам за ненадлежащее хранение их денежных средств. На сегодня лишь до 10 % похищенных мошенниками средств возвращались гражданам банками, что больше характеризует практику судов по рассматриваемым гражданским делам по искам потерпевших [9].

В данном случае следует решать и иные сложные гражданско-правовые вопросы, например о признании недействительности сделок, совершенных по мошенническим схемам, с применением ст. 166 — 181 ГК РФ. Допустим, выдача банком кредита под влиянием обмана пострадавшему считается недействительной, и лицо, перечислившее выданный ему банком кредит преступнику, не может затем стать должником у банка ввиду признания такой сделки недействительной со всеми вытекающими последствиями. Здесь отметим, что в целом выдачу кредитов при дистанционном банковском обслуживании (ДБО) следует вообще запретить, если, конечно, банк не берет все криминальные риски на себя, а не возлагает их на клиентов банка.

Конечно, все эти меры, такие как приостановление платежей на двое и более суток, выдача кредитов без ДБО и другие меры, в значительной степени тормозят работу банков, чем, несомненно, причиняется ущерб всей банковской деятельности. В литературе проводится мысль, что, сравнивая понятия «приостановление операций по счету», «блокирование операций по счету» и «замораживание денежных средств по счету», следует иметь в виду следующее: 1) «блокирование» и «замораживание» являются синонимичными; 2) блокирование и приостановление являются самостоятельными способами ограничения права клиента банка распоряжаться денежными средствами, находящимися на счете (при блокировании — и поступающими на счет), следовательно, их надо рассма-

тривать как род (ограничение) и вид (приостановление и блокирование) [10]. В целом же все эти меры ограничивают как права клиентов банков, так и сами банки в их финансовой самостоятельности, что влечет как материальные, так и юридические неудобства. Однако в противном случае материальные издержки в виде хищений самыми различными способами в цифровой сфере несут клиенты банка, население. Страдают, соответственно, и сами банки. Более того, не совсем ясна роль банков и их служб безопасности, когда кредиты выдаются наиболее слабо социально защищенным лицам — пенсионерам, молодежи, лицам, не имеющим больших материальных средств. И именно в этой связи, думается, были приняты вышеназванные меры жесткого характера о временном приостановлении банковских платежей в соответствии с Федеральным законом от 27 июня 2011 года № 116-ФЗ «О национальной платежной системе» и будет дальнейшее конструктивное совершенствование банковского законодательства.

Вместе с тем, решая гражданско-правовые или банковские проблемы по борьбе с дистанционными хищениями, следует определить оптимальные формы взаимодействия между банками и правоохранительными органами, которое на сегодня в основном осуществляется на основе судебных разрешений. В данном случае проблемы дистанционных хищений требуют выработки иного механизма сотрудничества правоохранительных служб и банковских учреждений, без «судебного посредничества», а более срочными и эффективными способами. Это может быть постоянное присутствие представителя правоохранительного органа в банке, взаимодействие через правоохранительные органы банков и операторов связи, через которых идут мошеннические действия, постоянный мониторинг банковской деятельности правоохранительными органами в тестовом режиме и т. д.

Завершая наши рассуждения, следует вернуться к мысли, что дистанционные хищения — это все же уголовный состав, уголовное правонарушение и бороться с таким криминалом следует в сфере уголовного права, процесса и криминалистики. Совершение преступлений с использованием новых технологий должно ориентировать правоохранительные органы на поиск новейших эффективных средств борьбы с дистанционными хищениями. Это требует новых законодательных инициатив и тесной

работы соответствующих правоохранительных служб с банками, операторами сотовой связи, упреждающего судебного санкционирования следственных и оперативных мероприятий и т. д. Пока же правовое регулирование деятельности правоохранительных органов по борьбе с дистанционными хищениями следует признать неэффективным, что требуется компенсировать изложенными мерами гражданско-правового характера, но что должно быть временным, а не постоянным фактором.

Список источников

1. Сергеев А.Ю., Широкова О.В. Мошенничество в цифровом обществе в условиях социальных изменений // Цифровая социология. 2023. Т. 6, № 1. С. 59 — 71.
2. Литвишко П.А. Первый глобальный договор против киберпреступности: от геополитической конфронтации к профессиональному компромиссу // Международная жизнь. 2024. № 11. С. 1 — 27.
3. Мошенники совершенствуют схемы и готовятся разводить даже самых продвинутых пользователей / Е. Вихарева. 02.01.2025 // Коммерсантъ : сайт. URL: www.kommersant.ru/doc/742029 (дата обращения: 06.02.2025).
4. Право цифровой среды : монография / Д.В. Абдрахманов, Н. Ападхай, И.З. Аютеева [и др.] ; под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. Москва : Проспект, 2023. 896 с.
5. Мошенники эксплуатируют банковскую инфраструктуру / Ю. Пославская, М. Буйлов. 19.02.2025 // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7515659> (дата обращения: 19.02.2025 г.).
6. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. Москва : АСТ, 2004. 736 с.
7. Быкова Е.Г., Казаков А.А. Ущерб от хищения с банковского счета при дистанционном оформлении кредита от имени его владельца и вопросы возмещения // Уголовное право. 2023. № 3 (151). С. 28 — 37.
8. Бердюгин А.А. Управление риском нарушения информационной безопасности в условиях электронного банкинга // Вопросы кибербезопасности. 2018. №1 (25). С. 28 — 38.
9. Куликов В. Обойдемся без обмана // Российская газета. 2024. № 154 (9396).
10. Афанасьев А.Б., Афанасьева С.И. Приостановление и блокирование операций по банковским счетам в свете законодательной инициативы // Пермский юридический альманах. 2025. № 8. С. 303 — 312.

Информация об авторе

А.Н. Халиков — профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, профессор кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A.N. Khalikov — Professor at the Department of Criminalistics of Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Professor at the Department of Criminalistics at the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology, Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 343.3/7

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЯМИ (СТ. 201 УК РФ), СОВЕРШАЕМОГО В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ (МУНИЦИПАЛЬНЫХ) ЗАКУПОК

Шамиль Мурадович ШУРПАЕВ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, s.shurpaev@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы квалификации злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ) при осуществлении деятельности в сфере государственных (муниципальных) закупок. Приведены особенности толкования отдельных субъективных и объективных признаков рассматриваемого преступления при его совершении в указанной сфере. Обосновывается возможность дифференциации ответственности в зависимости от роли в закупочном процессе организации (заказчик или поставщик (подрядчик, исполнитель)), в которой лицо, совершающее преступление, выполняет управленческие функции.

Ключевые слова: злоупотребление полномочиями, ст. 201 УК РФ, государственные закупки, квалификация

Для цитирования: Шурпаев Ш.М. Вопросы квалификации злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ), совершаемого в сфере государственных (муниципальных) закупок // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 116 – 123.

Original article

ISSUES OF QUALIFICATION OF ABUSE OF POWERS (ART. 201 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION), COMMITTED IN THE SPHERE OF PUBLIC (MUNICIPAL) PROCUREMENT

Shamil M. SHURPAEV

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, s.shurpaev@mail.ru

Abstract. The article considers certain issues regarding the legal qualification of abuse of power (Article 201 of the Criminal Code of the Russian Federation) when committed in the sphere of public (municipal) procurement. It highlights specific features of interpreting particular objective and subjective elements of this crime in the given sphere. Furthermore, the author substantiates the possibility of differentiating the legal qualification depending on the role of organization in the procurement process (i.e., the contracting authority or the supplier/contractor) in which the perpetrator exercises managerial functions.

Keywords: abuse of power, Article 201 of the Criminal Code of the Russian Federation, public procurement, qualification

For citation: Shurpaev Sh.M. Issues of qualification of abuse of powers (art. 201 of the criminal code of the Russian Federation), committed in the sphere of public (municipal) procurement. Criminalist. 2026;3(56):116-123. (In Russ.).

© Шурпаев Ш.М., 2026

В силу высокой финансовой емкости, недостатков системы профильного правового регулирования и правоприменения сфера государственных (муниципальных) закупок (далее — сфера госзакупок) относится к одной из наиболее подверженных преступным посягательствам.

По данным федерального статистического наблюдения по форме № 1-Э¹, в 2025 году зарегистрировано 10 214 преступлений, совершенных в отдельных приоритетных областях деятельности, в том числе связанных с реализацией национальных проектов (программ), освоением бюджетных средств, госзаказом, оборонно-промышленным комплексом². Преступления, предусмотренные главой 23 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), составили 4,6 % (471 преступление) от общего количества таких преступлений в 2025 году и 5,5 % — в 2024 году (519 преступлений)³.

С учетом особенностей сферы госзакупок к ответственности по нормам главы 23 УК РФ привлекаются в большинстве случаев лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации (далее — управленцы), представляющие поставщика (подрядчика, исполнителя) по государственным (муниципальным) контрактам (далее — контракты). Уголовно-правовая охрана для таких случа-

ев обеспечивается нормами ст. 201, 201.1, 201.2, 201.3 УК РФ.

Включение в уголовное законодательство специальных составов злоупотребления полномочиями в сфере государственного оборонного заказа (ст. 201.1, 201.2, 201.3 УК РФ) вызвало закономерное смещение фокуса научных исследований к данной проблеме (по сравнению с другими сегментами госзакупок) [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. При этом недостаточное внимание уделено вопросам квалификации «общего» злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ) в сфере госзакупок.

Правильное применение уголовного закона при квалификации злоупотребления полномочиями в рассматриваемой сфере всегда требует анализа дополнительного нормативного материала, связанного с регулированием закупочной деятельности: предписаний Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон о контрактной системе)⁴ и иных профильных правовых актов. Положения законодательства о контрактной системе в сфере закупок, условия заключенных контрактов будут в том числе определять содержание ряда субъективных и объективных признаков состава злоупотребления полномочиями.

Основным объектом рассматриваемого преступления является нормальная деятельность коммерческих или иных организаций, управленческого аппарата таких организаций. Дополнительными объектами являются права и законные интересы граждан или организаций,

¹ Об утверждении и о введении в действие формы федерального статистического наблюдения № 1-Э «Сведения о преступлениях экономической направленности и лицах, их совершивших»: Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 29 марта 2017 г. № 219 // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.04.2026).

² Во всех перечисленных сферах деятельности заключение и исполнение государственных (муниципальных) контрактов является основным механизмом достижения целей и решения задач соответствующих органов и организаций.

³ Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/statistics/> (дата обращения: 21.04.2026).

⁴ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ : текст с изм. и доп. на 28 дек. 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&nd=102164547> (дата обращения: 10.04.2026).

интересы общества или государства. При совершении преступления в сфере госзакупок факультативным непосредственным объектом данного преступления может выступать установленный порядок исполнения контрактов; права граждан на получение государственных услуг, обеспечение их социальными гарантиями; интересы публичного аппарата управления, связанные с обеспечением конкретных государственных и муниципальных нужд, и др.

Свойства объекта преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, являются одним из критериев его отграничения:

от преступлений, совершаемых управленцами в сфере государственного оборонного заказа (ст. 201.1, 201.2, 201.3 УК РФ), — наряду с признаками объективной стороны и субъекта преступления;

преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ, — наряду с признаками субъекта преступления.

Злоупотребление полномочиями может выражаться в действии или бездействии. Для сферы госзакупок такие деяния могут приобретать определенные особенности в связи с устройством закупочного процесса, включающего этапы (ч. 1 ст. 1 Закона о контрактной системе):

- 1) планирование закупок;
- 2) определение поставщиков (подрядчиков, исполнителей);
- 3) заключение контрактов;
- 4) исполнение контрактов (их изменение, расторжение);
- 5) мониторинг, аудит и контроль в сфере закупок.

В случаях, когда коммерческая или иная организация выступает поставщиком (подрядчиком, исполнителем) по контракту, злоупотребить полномочиями лица, выполняющие управленческие функции в таких организациях, могут главным образом при заключении и исполнении контракта.

Действие в составе преступлений, предусмотренных ст. 201 УК РФ, заклю-

чается в использовании управленцами своих полномочий вопреки законным интересам организации. Как показывает анализ правоприменительной практики, такие действия со стороны управленцев, представляющих поставщиков (подрядчиков, исполнителей), в сфере госзакупок могут выражаться:

в одностороннем отказе от исполнения контракта (его расторжении) в нарушение требований Закона о контрактной системе¹;

несвоевременном и ненадлежащем исполнении государственных контрактов, подписании актов, содержащих заведомо ложные сведения о выполненных работах²;

использовании авансированных контрагенту бюджетных средств не в целях исполнения обязательств по контракту³ и др.

Если коммерческая или иная организация подпадает под определение «иные юридические лица» в смысле, определенном в п. 7 ч. 1 ст. 3 и ч. 4 ст. 15 Закона о контрактной системе, и приобрела статус заказчика, осуществляя закупки за счет средств, предоставленных из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, то управленцы такой организации, как представляется, могут злоупотребить полномочиями и на иных этапах закупочной деятельности. В таких случаях действия управленцев могут выразиться в ограничении конкуренции при проведении конкурентных процедур; заключении контракта с единственным поставщиком при отсутствии оснований для этого; неправомерном изменении условий контракта;

¹ Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 6 ноября 2025 г. № 77-3607/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 30 ноября 2023 г. № 88-21856/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13 мая 2020 г. № 77-588/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

неправомерном перечислении аванса контрагенту и др.

Действия С.В. квалифицированы по ч. 2 ст. 201 УК РФ¹. С.В., возглавляя МУП г. Хабаровска «Водоканал», злоупотребил полномочиями, изменив условия муниципального контракта на строительство объекта путем увеличения стоимости контракта согласно дополнительному соглашению к нему, в результате чего на расчетный счет генерального подрядчика перечислены денежные средства бюджета городского округа «Город Хабаровск» и МУП г. Хабаровска «Водоканал», часть которых подрядчик перечислил компании, которая, не приступив к исполнению обязательств перед подрядчиком, объявила о своем банкротстве. Своими действиями С.В. причинил бюджету городского округа «Город Хабаровск» материальный ущерб в сумме 260 220 998,32 рубля².

В ситуациях, когда управленцы представляют сторону заказчика, может возникнуть необходимость разграничения преступлений, предусмотренных ст. 201 УК РФ и ст. 200.4 УК РФ. Разграничивающим критерием будут признаки субъекта преступления: исполнители преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ, не обладают признаками лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях.

При бездействии лицом не принимаются необходимые управленческие решения при наличии такой обязанности и возможности [9]. Бездействие в составе злоупотребления полномочиями может выражаться в отказе от претензионной

работы по заключенным контрактам, непринятии мер ответственности, незаключении дополнительных соглашений к контракту, неисполнении обязательств по контракту и т. д.³

В литературе существует мнение, что «злоупотребление полномочиями может быть осуществлено действиями (бездействием), как осуществляемыми в рамках служебных полномочий, так и выходящими за их пределы. В последнем случае при наличии соответствующих признаков можно говорить о наличии превышения полномочий» [10]. В этой связи и на основании того, что в уголовном законодательстве не предусмотрен состав превышения полномочий применительно к преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях, превышение полномочий управленцами авторами предлагается квалифицировать по ст. 201 УК РФ [11, с. 10]. С такой позицией сложно согласиться по следующим причинам.

Во-первых, на такое понимание повлияли особенности исторического развития отечественного уголовного законодательства [12, с. 4]. Во-вторых, ст. 201 УК РФ предусматривает ответственность за использование ненадлежащим образом лицом своих полномочий, т. е. полномочий, которыми такое лицо наделено. Превышение же полномочий исходя из анализа действующих норм уголовного законодательства (ст. 203, 286 УК РФ) состоит в совершении действий, выходящих за пределы полномочий субъекта. В этом случае лицо в принципе не наделено соответствующими полномочиями.

Таким образом, в силу ч. 2 ст. 3 УК РФ превышение полномочий лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих или иных организациях, по ст. 201 УК РФ как представляется, не может быть квалифицировано.

¹ Преступление совершено в 2013 году, т. е. до внесения изменений в примечание 1 к ст. 285 УК РФ, которым к должностным лицам отнесены и лица, выполняющие соответствующие функции в муниципальных унитарных предприятиях. В действующей редакции уголовного закона действия С.В. подлежат квалификации по ст. 285 УК РФ.

² Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 28 мая 2024 г. № 88-4797/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См., напр.: Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23 июля 2024 г. № 77-2132/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При этом превышение полномочий управленцами не исключает их ответственности в тех случаях, когда такие действия содержат признаки иных составов преступлений.

Другой пробел общего характера в уголовном законодательстве связан с отсутствием ответственности для управленцев за деяния, аналогичные деяниям, предусмотренным ст. 293 УК РФ. Но по сравнению с предыдущей дискуссионной проблемой для данных случаев очевидно, что неосторожное преступление, совершенное управленцем, не может быть квалифицировано по ст. 201 УК РФ.

Злоупотребление полномочиями совершается вопреки законным интересам организации. Это означает, что в процессуальных документах должно быть отражено, в чем именно деяние управленца противоречило законным интересам организации.

Из разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, содержащихся в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 года № 21¹, следует, что признак «вопреки законным интересам организации» следует трактовать как деяния, которые: 1) были непосредственно связаны с осуществлением лицом своих прав и обязанностей; 2) не вызывались служебной необходимостью; 3) объективно противоречили законным интересам организации; 4) противоречили тем целям и задачам, для достижения которых лицо было наделено соответствующими полномочиями.

С точки зрения возможных случаев злоупотребления полномочиями в сфере госзакупок вопросы квалификации

может вызвать ситуация, когда хозяйствующий субъект заключает контракт с заказчиком на заведомо невыгодных (нерентабельных) для него условиях и исполнение такого контракта влечет убытки для организации. Демпинговые практики в конкурентных процедурах определяют распространенность таких ситуаций. Полагаем возможным согласиться с мнением ученых о том, что не будут образовывать состава преступления действия, совершенные в общественно полезных целях, даже если они расходятся с интересами организации [8], а обеспечение государственных и муниципальных нужд признаками общественно полезных целей обладает.

Кроме этого, хозяйствующие субъекты наделены правом самостоятельно устанавливать цены на реализуемую продукцию в зависимости от конъюнктуры рынка (за исключением случаев государственного регулирования цен)², в том числе и при участии в закупочных процедурах. Заключение контрактов на заведомо невыгодных для поставщика (подрядчика, исполнителя) финансовых условиях не означает, что хозяйствующие субъекты не получают иных экономических выгод, отвечающих интересам организации: получение опыта исполнения государственных контрактов, репутационных преимуществ, иных текущих и отсроченных выгод.

Действие (бездействие) лица должно противоречить законным интересам организации. Таким образом, при наличии иных объективных признаков злоупотребления полномочиями, но противоречии деяния незаконным интересам оно не может квалифицироваться по ст. 201 УК РФ.

Состав преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, является материальным и будет считаться оконченным с момента причинения существенного вреда правам и законным интересам

¹ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 21 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/30188/> (дата обращения: 21.04.2026).

² О рассмотрении обращения АКИГ : Письмо Федеральной антимонопольной службы от 22 августа 2017 г. № СП/57630/17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства.

Понятие «существенный вред правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства», как и всякое оценочное понятие, получает содержание в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и при надлежащем толковании законодательных терминов в правоприменительной практике¹.

При оценке существенности вреда правам и законным интересам граждан или организаций следует учитывать: число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда, степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации (например, когда деяние повлекло приостановку деятельности организации, подорвало ее деловую репутацию), характер и размер понесенного ею материального ущерба. Вред, причиненный правам и законным интересам гражданина, может также признаваться существенным в зависимости от характера этих прав и интересов (в случае, когда злоупотребление полномочиями повлекло нарушение его конституционных прав, и т. п.) (п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 года № 21).

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аббасова Агиля Джабраиловича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 201 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 4 части первой статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 1106-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абулгафарова Виктора Шевкетовича на нарушение его конституционных прав статьей 201 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2023 г. № 1840-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В приведенном ранее примере С.В. совершены действия, которые повлекли за собой причинение имущественного вреда правам и законным интересам организации АО «ХРСК», выраженного в нарушении стабильности хозяйственной деятельности, банкротстве, массовых увольнениях рабочего персонала. Генеральный подрядчик АО «ХРСК», перечислив авансовый платеж в адрес немецкой компании «Штульц-Планаква ГмБХ» и не получив встречного исполнения обязательства, утратил возможность в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам².

Полагаем, что с учетом общественной значимости обеспечения государственных и муниципальных нужд в качестве существенного вреда в результате злоупотребления полномочиями в сфере госзакупок при условии отсутствия оснований для применения правил ч. 2 ст. 14 УК РФ и отсутствии тяжких последствий следует рассматривать несвоевременное исполнение, неисполнение либо ненадлежащее исполнение лицом обязательств, предусмотренных контрактом.

Например, К. осужден по ч. 1 ст. 201 УК РФ. К. подписал акты по форме КС-2 и КС-3, содержащие заведомо ложные сведения о выполнении акционерным обществом работ по государственному контракту на строительство следственного изолятора, что повлекло причинение существенного вреда охраняемым законом интересам государства в лице УФСИН России, выразившегося в несвоевременном и ненадлежащем исполнении государственного контракта, при условии своевременного перечисления по нему денежных средств, в результате чего необходимое оборудование не установлено³.

² Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 28 мая 2024 г. № 88-4797/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 30 октября 2023 г. № 88-21856/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Субъект злоупотребления полномочиями специальный — лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. Понятие и признаки таких лиц закреплены в примечании 1 к ст. 201 УК РФ, а также в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 года № 21, п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19¹.

Возникающие в сфере госзакупок полномочия управленцев в основном связаны с административно-хозяйственными функциями. Так, Ж. осужден за хищения бюджетных средств, а также по ч. 1 ст. 201 УК РФ. По делу установлено, что для участия главы Республики Коми в Петербургском международном экономическом форуме возникла необходимость в подготовке презентационного материала. Обязанность по заключению договора об оказании соответствующих услуг с непосредственным исполнителем была возложена на АНО РК «Центр развития предпринимательства». В отсутствие правовых оснований и в нарушение требований действующего положения о закупке Ж. заключил с единственным поставщиком контракт по завышенной стоимости².

Если управленец выполняет функции в организации, указанной в п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, квалификация совершенного деяния по ст. 201 УК РФ исключается.

¹ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 : текст с изм. и доп. на 11 июня 2020 г. // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/8117/> (дата обращения: 21.04.2026).

² Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28 августа 2025 г. по делу № 77-1717/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, действия С.О. ошибочно квалифицированы по ч. 1 ст. 201 УК РФ. Являясь врио директора, а затем и председателем ликвидационной комиссии предприятия, не проводя конкурсные процедуры, С.О. единолично заключил договоры и дополнительные соглашения к ним с аффилированной ему организацией, предусматривающие безосновательное увеличение стоимости обслуживания без изменения объема предоставляемых услуг, в результате чего с расчетного счета предприятия на расчетный счет аффилированного лица необоснованно перечислены денежные средства в сумме 2 192 019,14 рубля. Вместе с тем организация, которой действиями С.О. причинен ущерб, является федеральным государственным унитарным предприятием, коммерческой организацией, учредителем которой является Российская Федерация³.

Не могут признаваться лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, сотрудники, исполняющие в таких организациях исключительно профессиональные или технические обязанности [9]. Такими обязанностями в сфере закупок могут быть: обоснование цены контракта, подготовка проектов документов (проект контракта, протоколы комиссий и т. п.); осуществление организационно-аналитических действий (сбор ценовой информации, анализ ценовых предложений в ходе конкурсов и аукционов и т. п.). Деяния лиц, совершенные в сфере госзакупок, занимающих эти и иные должности, не связанные с исполнением управленческих функций, не охватываются ст. 201 УК РФ, но могут содержать признаки преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ (в ситуациях, когда коммерческая или иная организация является заказчиком).

³ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 7 августа 2025 г. по делу № 77-2625/2025, 77-2894/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, правильная уголовно-правовая оценка злоупотребления полномочиями в сфере госзакупок всегда требует анализа дополнительного нормативного материала, связанного с регулированием закупочной деятельно-

сти. Кроме этого, требуется дифференциация квалификации в зависимости от роли в закупочном процессе организации, в которой лицо, совершающее преступление, выполняет управленческие функции.

Список источников

1. Аснис А.Я. Новеллы УК РФ об ответственности за злоупотребления при выполнении государственного оборонного заказа: проблемы толкования и применения // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5, № 3 (16). С. 80–92.
2. Борков В.Н. Квалификация нарушения условий государственного контракта по оборонному заказу // Законность. 2024. № 6 (1076). С. 33–37.
3. Егорова Н.А., Егоров А.Г. Новые составы преступлений против интересов службы, связанные с государственным оборонным заказом (ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 9–19.
4. Коновалов В.А. Новеллы уголовной ответственности за нарушение условий контрактных обязательств в сфере государственного оборонного заказа // Законность. 2023. № 1 (1059). С. 45–47.
5. Любый И.А. Ответственность за нарушения условий и отказ от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу как уголовно-правовое средство обеспечения национальной оборонной политики // Российский следователь. 2023. № 10. С. 39–41.
6. Максимов С. Уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях, коммерческий подкуп // Уголовное право. 1999. № 1. С. 10–16.
7. Ткачев И.О. Проблемы квалификации преступлений в сфере государственного оборонного заказа // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 87–93.
8. Яни П.С. Проблемы квалификации преступлений в сфере гособоронзаказа // Законность. 2023. № 9 (1067). С. 44–49.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). В 2 т. Т. 2 / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков [и др.] ; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. Москва : Проспект, 2015. 704 с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов [и др.] ; отв. ред. В.М. Лебедев. Москва : Юрайт, 2026. 371 с.
11. Волженкин Б.В. Служебные преступления. Москва : Юристъ, 2000. 368 с.
12. Любавина М.А. Некоторые проблемы уголовной ответственности лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях // КриминалистЪ. 2013. № 1 (12). С. 3–8.

Информация об авторе

Ш.М. Шурпаев – заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат экономических наук, кандидат юридических наук.

Information about the author

Sh.M. Shurpaev – Head at the Department of General Humanities and Socio-Economic Disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Economics), Candidate of Science (Law).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 347.963

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В СФЕРЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ, ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Марина Борисовна КАБАНОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, 9578942@mail.ru*

Аннотация. Современный этап социально-экономического развития Российской Федерации характеризуется одновременным ростом промышленного потенциала и увеличением техногенных рисков. По состоянию на 2025 год в России зарегистрировано более 170 тысяч опасных производственных объектов, эксплуатация которых требует обеспечения высокого уровня промышленной безопасности. В данных условиях эффективность государственного контроля и надзора трансформируется из административной функции в стратегический фактор национальной безопасности.

Ключевые слова: промышленная безопасность, сфера промышленной безопасности, регулирование промышленной безопасности, законодательство, нововведения

Для цитирования: Кабанова М.Б. Правовые основы государственного контроля (надзора) в сфере промышленной безопасности: исторический аспект, вопросы правоприменения и перспективы совершенствования // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 124 – 129.

Original article

LEGAL FRAMEWORK OF STATE CONTROL (SUPERVISION) IN THE SPHERE OF INDUSTRIAL SAFETY: HISTORICAL PERSPECTIVE, ISSUES OF LAW APPLICATION AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

Marina B. KABANOVA

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, 9578942@mail.ru*

© Кабанова М.Б., 2026

Abstract. The current stage of socio-economic development of the Russian Federation is characterized by a simultaneous expansion of industrial capacity and an increase in technological risks. As of 2025, over 170,000 hazardous production facilities are registered in Russia, the operation of which requires ensuring a high level of industrial safety. Under these conditions, the effectiveness of state control and supervision transforms from a mere administrative function into a strategic factor of national security.

Keywords: industrial safety, sphere of industrial safety, regulation of industrial safety, legislation, regulatory innovations

For citation: Kabanova M.B. Legal framework of state control (supervision) in the sphere of industrial safety: historical perspective, issues of law application, and prospects for improvement. *Criminalist*. 2026;3(56):124-129. (In Russ.).

Обеспечение промышленной безопасности на опасных производственных объектах (далее также — ОПО) остается одним из ключевых условий устойчивого развития экономики и защиты населения от техногенных рисков. Государственный контроль (надзор) в данной сфере выступает основным механизмом верификации соблюдения обязательных требований, предупреждения аварий и минимизации последствий чрезвычайных ситуаций. За последние десятилетия правовое регулирование контрольно-надзорной деятельности претерпело фундаментальные изменения, сместив фокус на риск-ориентированную, профилактическую и цифровую модели.

В 2025 году федеральный государственный контроль (надзор) за деятельностью по проведению экспертизы промышленной безопасности осуществлялся в отношении 1 534 объектов контроля. Проведено 79 проверок, из них 39 плановых и 40 внеплановых, что свидетельствует о сбалансированном подходе к планированию контрольных мероприятий с учетом риск-ориентированной модели¹.

Актуальность исследования обусловлена сохраняющейся высокой аварий-

ностью на ОПО, необходимостью повышения эффективности превентивной контрольно-надзорной деятельности и фрагментарностью нормативного регулирования, затрудняющей единообразное применение обязательных требований в сфере промышленной безопасности.

Целью настоящей статьи автором определены анализ эволюции правовых основ контроля (надзора) в сфере промышленной безопасности, выявление системных проблем правоприменения и формулирование перспектив совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Обратимся к историческому аспекту становления правового регулирования в исследуемой области, поскольку «знание аспектов происхождения института промышленной безопасности является теоретическим базисом для понимания его природы и прогнозирования динамики дальнейшего его развития» [1].

Традиционно считается, что зарождение системы технического надзора за промышленными объектами в России относится к концу XIX — началу XX века, когда начали формироваться первые правила эксплуатации котлов, подъемных сооружений и химических производств. Вместе с тем, по мнению В.С. Горюнова, «государственное регулирование вопросов безопасности российской промышленности до 90-х гг. XX в. основывалось на принципах, сформировавшихся в начале XVIII в.

¹ Отчет Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор) за 2025 год // Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору : офиц. сайт. URL: <https://www.gosnadzor.ru/public/law%20enforcement/2026/Пр-57%20от%2027.02.2026.pdf> (дата обращения: 16.04.2026).

в процессе реформ Петра I» [2]. В советский период функция контроля была централизована в структуре Госгортехнадзора, действовавшего в рамках командно-административной модели, при этом надзор носил преимущественно разрешительно-запретительный характер, опирался на отраслевые нормы и правила (СНиПы, ГОСТы) и не предусматривал дифференциации по степени риска. Отсутствие гибких механизмов приводило к формализму проверок и низкой адаптивности к технологическим изменениям.

Переход к рыночной экономике потребовал создания самостоятельного правового поля промышленной безопасности. Необходимо обеспечить «баланс общественных и частных интересов при осуществлении государственного контроля (надзора) за соблюдением требований промышленной безопасности»¹. Важнейшим этапом стало принятие Федерального закона от 21 июля 1997 года № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (далее — Федеральный закон о промышленной безопасности)², который впервые закрепил понятия опасных производственных объектов, экспертизы промышленной безопасности, декларирования, регистрации и страхования ответственности. В 2004 году функции надзора были консолидированы в Фе-

деральной службе по экологическому, технологическому и атомному надзору (далее — Ростехнадзор), что позволило унифицировать подходы к осуществлению контроля за деятельностью организаций в различных отраслях.

В 2010-е годы началось постепенное внедрение риск-ориентированного подхода: объекты стали распределяться по категориям риска, что отразилось на определении периодичности и вида контроля. Одновременно с этими процессами развивалась и профилактическая деятельность в различных формах: предостережения, консультационные визиты, информирование об обязательных требованиях. Однако следует отметить, что в указанный период не наблюдалось системного подхода к пониманию контрольно-надзорной деятельности, поскольку процедуры контроля регулировались множеством подзаконных актов, не всегда согласованных между собой.

Важным этапом в совершенствовании правовой системы стало принятие Федерального закона от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон о государственном контроле (надзоре))³, вступившего в силу 1 января 2021 года. Закон установил единые принципы, формы и процедуры контроля (надзора), закрепил приоритет профилактики, ввел мораторий на плановые проверки (временно действовавший в 2022 — 2024 годах в условиях макроэкономической стабилизации), а также запустил цифровую инфраструктуру: единый реестр контрольных мероприятий, автоматизированное при-

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в области промышленной безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу : утв. Указом Президента Российской Федерации от 6 мая 2018 г. № 198. Подп. «д» п. 14 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102468153> (дата обращения: 15.05.2026).

² О промышленной безопасности опасных производственных объектов : Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ : текст с изм. и доп. на 8 авг. 2024 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102048376> (дата обращения: 15.05.2026).

³ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ : текст с изм. и доп. на 17 апр. 2026 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=1028011479> (дата обращения: 14.05.2026).

своение категорий риска, электронный документооборот.

Отметим ключевые принципы, закрепленные в Федеральном законе о государственном контроле (надзоре).

Во-первых, это риск-ориентированность, исходя из чего частота и глубина контроля определяются классом опасности объекта и историей нарушений.

Во-вторых, приоритет профилактики, реализуемой в различных формах (предостережения, консультационные выезды, мониторинг исполнения требований).

Отдельно можно отметить открытость (доступность) информации о проводимых контрольно-надзорных мероприятиях, выражающуюся в размещении соответствующих сведений в реестрах, в открытых проверочных листах, заблаговременном уведомлении.

Важным составляющим механизмом настоящей реформы является цифровизация процесса, т. е. интеграция данных ОПО, ведение автоматизированного анализа отчетности и удаленного мониторинга параметров безопасности.

Немаловажный принцип контроля (надзора) — соразмерность вмешательства, выражающаяся в ограничении проверочных мероприятий только теми требованиями, которые непосредственно влияют на безопасность. Ростехнадзор осуществляет координацию, методическое руководство, ведение реестров ОПО, лицензирование деятельности в области промышленной безопасности, а также проведение контрольных мероприятий в соответствии с утвержденными регламентами.

В 2025—2026 годах система окончательно перешла от «надзорной» парадигмы к «контрольно-профилактической», где основным инструментом стала верификация фактических рисков, а не формального соответствия предписаниям.

Говоря о современной правовой основе государственного контроля (надзора)

в сфере промышленной безопасности, помимо Федерального закона о промышленной безопасности, Федерального закона о государственном контроле, Федерального закона от 31 июля 2020 года № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»¹, следует принимать во внимание постановления Правительства Российской Федерации, утверждающие положения о видах контроля, правила присвоения категорий риска, формы проверочных листов; ведомственные нормативные акты Ростехнадзора, регламентирующие порядок лицензирования, регистрации ОПО, проведения экспертиз, расследования аварий².

Оценивая положительно в целом процесс реформирования контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации, полагаем, что необходимо отметить и наличие правовых и организационных коллизий [3; 4; 5; 6; 7].

1. Одними из дискуссионных вопросов, не теряющих своей актуальности, являются фрагментарность и дублирование обязательных требований. Так, нормы Федерального закона о промышленной безопасности, технические регламенты, санитарные и экологические

¹ Об обязательных требованиях в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ : текст с изм. и доп. на 9 апр. 2026 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102799920> (дата обращения: 14.05.2026).

² Напр.: О лицензировании деятельности по проведению экспертизы промышленной безопасности : Постановление Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2020 г. № 1477 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 39. Ст. 5972 ; Об утверждении федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила проведения экспертизы промышленной безопасности» : Приказ Ростехнадзора от 20 октября 2020 г. № 420 : текст с изм. и доп. на 4 марта 2026 // Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору : офиц. сайт. URL: <http://nvol.gosnadzor.ru/activity/expert/pr420/pdf> (дата обращения: 15.05.2026)..

правила нередко пересекаются, создавая двойные обязанности для эксплуатирующих организаций и усложняя оценку соответствия.

2. Отдельно следует выделить нестабильность категорий риска объектов промышленной безопасности, поскольку автоматизированное присвоение категорий не учитывает в полной мере соответствующие динамические параметры, такие как износ оборудования, квалификацию персонала, историю «предаварийных» ситуаций, что приводит к неоптимальному распределению контрольных ресурсов.

3. Следует также отметить в числе проблемных вопросов формализм проверочных процедур. Использование унифицированных чек-листов не всегда отражает специфику технологических процессов. Инспекторы вынуждены оценивать соблюдение формальных требований, тогда как реальные риски могут оставаться вне поля зрения.

4. Особое место среди актуальных проблем занимают цифровой разрыв и качество данных. Не все субъекты, особенно малые и средние предприятия, обладают техническими возможностями для интеграции с государственными информационными системами. В ряде случаев данные предоставляются с ошибками или не в реальном времени, что снижает эффективность предиктивной аналитики.

5. Выделим кадровый и компетенционный дефицит контрольно-надзорных органов. Быстрое усложнение технологий иногда опережает подготовку инспекторского состава, чему «способствует» отсутствие единой системы сертификации и непрерывного повышения квалификации специалистов контрольных органов.

6. Нельзя не отметить правовые проблемы в регламентации профилактической деятельности. Консультационные визиты, предостережения и мониторинг не всегда четко отделены от контроль-

ных мероприятий, что порождает споры о допустимости применения мер ответственности за неисполнение «мягких» рекомендаций. При этом «снижение административной нагрузки для бизнеса не должно создавать потенциальные угрозы экологической безопасности. Требуется четкое разграничение потенциальных рисков и государственного надзора в зависимости от категории предприятия и профиля деятельности (особому и регулярному контролю должны подлежать потенциально опасные производства, предприятия 1 категории объектов НВОС)» [8].

И наконец, вспомним о последствиях временных ограничений. Продление моратория на плановые проверки в 2022 – 2024 годах, несмотря на оправданность в условиях экономической адаптации, привело к накоплению скрытых нарушений в ряде отраслей, особенно на объектах с высокой степенью износа фондов, что нашло отражение в статистических данных органов контроля (надзора)¹.

Обозначенные системные проблемы, выделенные на основании анализа правоприменительной практики, требуют, по нашему мнению, нормативной систематизации – разработки кодифицированного акта, объединяющего основные требования промышленной безопасности.

Отдельного внимания законодателя заслуживает необходимость закрепления обозначенных различий между консультационной помощью, предостережением и контрольным мероприятием, введения института «испытательного срока» для устранения выявленных отклонений без применения санкций при отсутствии угрозы жизни и здоровью.

¹ Отчет Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор) за 2025 год // Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору : офиц. сайт. URL: <https://www.gosnadzor.ru/public/law%20enforcement/2026/Пр-57%20от%2027.02.2026.pdf> (дата обращения: 16.04.2026).

Правовые основы государственного контроля (надзора) в сфере промышленной безопасности прошли путь от жесткого административного регулирования к гибкой риск-ориентированной и цифровой модели. Принятие Федерального закона о государственном контроле (надзоре) и последующие изменения в Федеральный закон о промышленной безопасности заложили фундамент для реформирования контроля из инструмента санкционного давления в механизм совместного управления рисками. Тем не менее сохраняющиеся проблемы

нормативной фрагментации, цифрового неравенства, формализма процедур и кадровых ограничений требуют системных решений [9].

Своевременное обновление правовой базы, технологическая модернизация контрольных органов и формирование прозрачных стимулов для добровольного соблюдения стандартов станут ключевыми факторами обеспечения устойчивой промышленной безопасности в условиях быстро меняющейся технологической и экономической реальности.

Список источников

1. Пронженко Н.А. Генезис института промышленной безопасности в законодательстве Российской империи // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2025. № 2 (67). С. 51 – 57. DOI: 10.61260/2074-1626-2025-2-51-57.
2. Горюнов В.С. Генезис административно-правового режима промышленной безопасности опасных производственных объектов в России // Пролог: журнал о праве / Prologue: LawJournal. 2019. № 1.
3. Ковалева Н.В., Зозуля А.А. Промышленная безопасность по законодательству Российской Федерации: теоретико-правовой анализ // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 4. С. 646 – 656.
4. Куткин Н.Г., Капинус Н.И. Основные дефиниции Федерального закона «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 3. С. 96 – 100.
5. Нецветов А.Г. Правовые основы обеспечения промышленной безопасности опасных производственных объектов // Вестник РГТУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2009. № 11. С. 237 – 248.
6. Пономаренко Д.В., Лесных В.В., Бочков А.В. Современные подходы к мониторингу состояния промышленной безопасности опасных производственных объектов // Проблемы анализа риска. 2018. Т. 15, № 1. С. 6 – 17.
7. Шорина Е.В. Процедуры контрольной деятельности // Управленческие процедуры / Б.М. Лазарев, И.Ш. Муксинов, А.Ф. Ноздрачев [и др.] ; отв. ред. Б.М. Лазарев. Москва : Наука, 1988. 272 с.
8. Зализняк Е.А., Жбанников С.В., Морозова Н.В. Правовые основы обеспечения промышленной безопасности и охраны окружающей среды // Природные системы и ресурсы. 2020. Т. 10, № 4. С. 12 – 21. DOI: <https://doi.org/10.15688/nsr.jvolsu.2020.4.2>.
9. Куянова Т.А., Дорофеева Ю.А. Правовые основы лицензирования деятельности в сфере промышленной безопасности // Актуальные проблемы правоведения. 2022. № 2 (74). С. 8 – 12. doi:10.46554/APJ-2022.2(74)-pp.8-12.

Информация об авторе

М.Б. Кабанова – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

M.B. Kabanova – Senior Lecturer at the Department of Public Law Disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 34

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ КРЫМСКОЙ АССР В ИЮНЕ 1941 – ИЮЛЕ 1942 гг.

Иван Панасович ЗАДЕРЕЙЧУК

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Симферополь, Россия, zadereychuk@rambler.ru

Аннотация. В статье изложены проблемы, связанные с деятельностью прокуратуры на территории Крымской АССР в начальный период Великой Отечественной войны. На основе архивных документов удалось установить, как происходил процесс мобилизации прокуроров в действующую армию, и их вклад в укрепление воинской дисциплины, обеспечение правопорядка, строительство оборонительных сооружений. Работники прокуратуры Крымской АССР принимали непосредственное участие в оборонительных боях в окруженном Севастополе и на Керченском полуострове, сражались в партизанских отрядах. В научный оборот впервые вводятся данные о судьбе многих работников прокуратуры Крыма в период обороны полуострова от немецко-фашистских захватчиков.

Ключевые слова: прокуратура, Великая Отечественная война, Крым, оборона Севастополя, партизаны

Для цитирования: Задерейчук И.П. Деятельность прокуратуры на территории Крымской АССР в июне 1941 – июле 1942 гг. // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 130 – 138.

Original article

ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE TERRITORY OF THE CRIMEAN ASSR (JUNE 1941 TO JULY 1942)

Ivan P. ZADEREYCHUK

Crimean Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Simferopol, Russia, zadereychuk@rambler.ru

Abstract. The article examines the issues related to the activities of the Prosecutor's Office in the territory of the Crimean ASSR during the initial period of the Great Patriotic War. Based

© Задерейчук И.П., 2026

on archival documents, the study reconstructs the process of mobilizing prosecutors into the active army and highlights their contribution to strengthening military discipline, maintaining law and order, and constructing defensive fortifications. Personnel of the Crimean ASSR Prosecutor's Office participated directly in defensive combat in besieged Sevastopol and on the Kerch Peninsula, and fought within partisan units. Furthermore, this study introduces into academic discourse, for the first time, previously unpublished data regarding the fates of numerous Crimean prosecutorial personnel during the defense of the peninsula against Nazi aggressors.

Keywords: prosecutor's office, Great Patriotic War, Crimea, defense of Sevastopol, partisans

For citation: Zadereychuk I.P. Activities of the prosecutor's office in the territory of the Crimean ASSR (june 1941 to july 1942). *Criminalist*. 2026;3(56):130-138. (In Russ.).

Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов стала тяжелым испытанием на прочность не только для советских граждан, но и для системы органов государственной власти СССР. В начальный период войны стране необходимо было в кратчайшие сроки мобилизовать весь имеющийся ресурс для достижения победы над врагом, обеспечить эффективность реализации решений Государственного комитета обороны (ГКО). Успех этой деятельности также зависел от профессионализма работников органов прокуратуры, особенно в тяжелейших условиях первого года войны.

В научных изысканиях отечественных ученых история работы прокуратуры на территории Крымской АССР в начальный период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов не нашла своего детального освещения. Отдельные вопросы были рассмотрены в научных трудах Р.И. Хаяли [1; 2; 3].

С первых дней войны перед прокуратурой стояла задача оказывать всемерную поддержку военному командованию в использовании всех имеющихся в наличии ресурсов для подготовки страны к обороне, обеспечения надзора за точным исполнением законов, проведения мобилизационных мер [4, с. 30].

Вероломное нападение Германии с ее сателлитами на СССР и стремительное продвижение войск вермахта вглубь страны вынуждало руководство принимать оперативные решения, в том числе о проведении мобилизации. Она затро-

нула все слои населения страны. Работники органов прокуратуры также были мобилизованы в действующую армию.

Первая волна прошла сразу же после нападения Германии. Уже в первый месяц войны целый ряд работников прокуратуры Крымской АССР ушли на фронт. 23 июня 1941 года были мобилизованы прокурор Сталинского района г. Керчи Умрихин; прокурор Сейтлерского района Тимофеева; и.о. прокурора отдела общего надзора И.А. Лебедев; прокурор уголовно-судебного отдела Полинарков; прокурор г. Феодосии Попов; народный следователь прокуратуры Красно-Перекопского района Миновский; народный следователь Симферопольского района Н.И. Степанов. Мобилизация продолжилась и в последующие дни. 14 июля 1941 года ушли по мобилизации прокурор Колайского района Д.Н. Радчук и прокурор Ак-Мечетского района Мамбет Ислямов, 16 июля – народный следователь г. Евпатории Л. Макарьев, 18 июля мобилизовали народного следователя Джанкойского района П.Н. Казака, а 23 июля – прокурора Джанкойского района А.Н. Степанова, 26 июля добровольцем в РККА ушел шофер прокуратуры Республики С.П. Катрушенко¹.

Среди призванных в действующую армию в первые дни войны был прокурор Железнодорожного района г. Симферополя Илья Моисеевич Ага. На его

¹ ГАРК (Государственный архив Республики Крым). Ф. 2680. Оп.1. Д. 2.

примере можно проследить боевой путь мобилизованного работника органов военной прокуратуры. В августе 1941 года Илья Моисеевич получил назначение на должность военного прокурора в 320-ю стрелковую дивизию [5, с. 8]. Будучи в должности помощника военного прокурора 47-й армии, с 1 по 30 мая 1942 года принимал непосредственное участие в кровопролитных боях на Керченском полуострове, за что был награжден медалью «За боевые заслуги». В наградном листе отмечался его личный вклад в укрепление аппарата военных прокуратур соединений 47-й армии и борьбу с имевшими место паникерами, трусами и нарушителями воинской дисциплины¹. За годы войны И.М. Ага также был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Кавказа», «За взятие Берлина».

Еще одним примером может служить жизненный путь Григория Андреевича Рачинского. Он к началу войны возглавлял прокуратуру Центрального района г. Симферополя. Уже в июле 1941 года был мобилизован в военную прокуратуру Черноморского флота на должность военного следователя. В период с 15 августа 1941 года по 26 мая 1944 года принимал участие в боях за Одессу, Севастополь, Новороссийск, Геленджик. За время войны был отмечен медалями «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа». С 1944 по 1945 год служил в военной прокуратуре Северного оборонительного района и военной прокуратуре Печенгской военно-морской базы. За последний год войны им было проведено «45 занятий с дознавателями по обучению их методике расследования уголовных дел

и оформления следственных документов, с охватом 115 дознавателей. Проведено 134 инструктажа по конкретным дознаваниям и административным расследованиям. Проведено 15 бесед с личным составом на темы об охране социалистической собственности и о бдительности с охватом 450 человек... В октябре месяце 1944 года принимал участие в боевой операции по очищению от противника Печенгской области...». За службу на Севере был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Советского Заполярья» [6, с. 122 – 123].

Накануне Великой Отечественной войны в действующую армию был призван помощник прокурора Крымской АССР Ефим Михайлович Рыбко. Он принимал активное участие в обороне Крыма. Несмотря на тяжелое ранение и две контузии, лично руководил устранением повреждений линий связи в районе Керчи. За этот подвиг 23 июля 1943 года он был удостоен правительственной награды — ордена Красной Звезды. За годы войны также был награжден орденом Отечественной войны I и II степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа» и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» [7, с. 27 – 28].

Павел Мартынович Гулов до призыва в армию занимал должность начальника отдела общего надзора прокуратуры Крымской АССР². Уже в июле 1941 года он начал службу военным следователем. По состоянию на 1943 год служил заместителем военного прокурора 47-й армии. За годы войны проявил себя дисциплинированным и ответственным работником, много времени проводил непосредственно в частях и соединениях, где «насаждал революционный порядок» и воспитывал командиров и солдат в духе «железной воинской дисциплины». Лично в условиях непосредственной опасности для жизни, на передовой

¹ Наградной лист майора юстиции Ага Ильи Моисеевича // Подвиг народа в Великой Отечественной войне : электронный банк документов. URL: <https://podvignaroda.ru/?id=17228658&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 10.10.2024).

² ГАРК. Ф. 2680. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

линии, производил следствие «по крупным делам». За героизм во время войны в 1943 году был отмечен правительственной наградой — орденом Красной Звезды¹.

В августе 1941 года в действующую армию ушел прокурор следственного отдела прокуратуры Крымской АССР Яков Матвеевич Щепетильников. Он начал свою службу в военной прокуратуре Отдельной Приморской армии, которая принимала участие в обороне Одессы и Крыма. В ходе боев на Крымском полуострове в сентябре 1941 года получил контузию. За успешную службу в июле 1942 года Яков Матвеевич был представлен к правительственной награде — медали «За боевые заслуги». В наградном листе отмечено, что «т. Щепетильников очень быстро освоил особенности следственной работы в боевой обстановке... пренебрегая опасностью для жизни, всегда точно и в срок успешно выполнял все поручаемые ему ответственные задания, связанные с расследованием дел непосредственно в боевой обстановке и на линии фронта. Всей своей работой в военной прокуратуре Армии т. Щепетильников активно содействовал командованию в укреплении воинской дисциплины в частях»². Яков Матвеевич прошел всю Великую Отечественную войну и закончил службу в сентябре 1958 года в звании полковника юстиции, был отмечен орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалью «За оборону Сталинграда» и медалью «За победу над Германией

в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».

Несмотря на мобилизацию многих сотрудников органов прокуратуры Крымской АССР в РККА, прокуратура Республики продолжала работать с июня по октябрь 1941 года, осуществляя надзор за эффективностью работы советских органов власти в условиях войны, исполнением решений ГКО, указов о военном положении, о мобилизации военнообязанных и т. д. Прокуратура Республики в условиях стремительного приближения фронта обеспечивала контроль за эвакуацией с территории Крыма промышленных предприятий и культурных ценностей.

В августе — сентябре 1941 года в республиканской прокуратуре издавались приказы об увольнении сотрудников, которые эвакуировались в тыл для продолжения работы в органах прокуратуры, заменяя в них работников, ушедших на фронт по мобилизации.

Работники органов прокуратуры не только обеспечивали надзор за соблюдением законодательства, но и принимали участие в выполнении работ, направленных на усиление обороны полуострова. Например, 13 сентября 1941 года в соответствии с приказом командования в распоряжение Железнодорожного районного совета г. Симферополя для выполнения оборонительных работ с отрывом от производства были отправлены четыре человека — Бабич Елена Борисовна, Крюкова Екатерина, Шерстюкова Ольга и Шишковская Татьяна с сохранением им положенной заработной платы по месту работы³.

К середине сентября 1941 года передовым частям вермахта удалось выйти к Перекопскому перешейку и к 30 сентября прорвать оборону Красной Армии, которая смогла закрепиться на Ишунских позициях. Командующий наступающими немецкими войсками Э. Ман-

¹ Наградной лист майора юстиции Гулова Павла Мартыныча // Подвиг народа в Великой Отечественной войне : электронный банк документов. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie12058137/ (дата обращения: 18.11.2024).

² Наградной лист майора юстиции Щепетильникова Якова Матвеевича // Подвиг народа в Великой Отечественной войне : электронный банк документов. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie150509390/ (дата обращения: 13.12.2024).

³ ГАРК. Ф. 2680. Оп.1. Д. 3. Л. 15 (об).

штейн из-за больших потерь временно отказался от дальнейшего наступления.

В этих военно-политических условиях 28–29 сентября 1941 года прокуратура была эвакуирована из Симферополя в Керчь, и 30 сентября прокурор Крымской АССР Ф.Г. Донченко продолжил руководить прокуратурой¹. С 30 сентября по 4 октября 1941 года он издал целый ряд приказов организационно-распорядительного характера, направленных на оптимизацию работы прокуратуры в условиях приближающегося фронта и сокращенного штата работников.

В приказе № 118 по кадрам от 4 октября 1941 года были перераспределены обязанности между семью сотрудниками, которые находились в его подчинении. Начальником уголовно-судебного отдела стал Шемшетдинов; начальником отдела по надзору за милицией и местами заключения назначили И.Я. Кохмана; и.о. начальника по надзору за следствием стал А.В. Норден (участник обороны Севастополя, награжден медалью «За оборону Севастополя» в 1946 году²); и.о. начальника отдела общего надзора — М.А. Богаткин (27 октября 1941 года был эвакуирован в Чувашскую АССР, где с февраля 1942 по май 1943 года занимал должность прокурора Урмарского района Чувашской АССР); и.о. начальника гражданско-судебного отдела был И.Н. Дикань; прокурором отдела по спецделам — П.С. Кручишин (1894 года рождения) (до ноября 1941 года, затем был эвакуирован и с 14 декабря 1941 года назначен помощником прокурора по спецделам Челябинской областной прокуратуры, где работал до 23 февраля 1942 года, в феврале 1942 года Прокуратурой СССР был направлен в распоряжение прокурора Крымской АССР в город Керчь, где ра-

ботал помощником прокурора по спецделам до 19 мая 1942 года); и.о. начальника особого сектора — М.Г. Коркина³.

4 октября 1941 года издан приказ № 120, согласно которому в Севастополе подлежали упразднению Центральная, Корабельная и Северная районные прокуратуры, а в Керчи — Орджоникидзевская, Сталинская и Кировская районные прокуратуры [3, с. 27]. Прокуратура проработала в Керчи до конца октября 1941 года и была эвакуирована.

В сложившихся военно-политических реалиях руководство страны в декабре 1941 года ставило перед армией задачу освободить полуостров от немцев, деблокировать Севастополь. В ходе проведенной Керченско-Феодосийской наступательной операции в период с 26 декабря 1941 года по 2 января 1942 года войскам Красной Армии удалось выбить немецко-румынские войска с территории Керченского полуострова, овладеть Феодосией.

На освобожденном Керченском полуострове в феврале 1942 года были восстановлены органы прокуратуры. Такой вывод можно сделать на основании анализа целого ряда личных дел работников органов прокуратуры Крыма. Например, О.И. Ибрагимов с июня по ноябрь 1941 года занимал должность прокурора г. Феодосии. В связи с эвакуацией из Крыма был командирован в распоряжение прокурора Челябинской области. После освобождения Керчи откомандирован в распоряжение прокурора Крымской АССР, где служил до мая 1942 года. А. Арифов с 5 февраля по 15 мая 1942 года служил в прокуратуре г. Керчи. М. Небиев служил накануне войны народным следователем в г. Керчи. В августе 1941 года мобилизован и служил в военном трибунале, в апреле 1942 года демобилизован и направлен в распоряжение Крымского ОК ВКП (б).

¹ ГАРК. Ф. 2680. Оп.1. Д. 2. Л. 16 (об).

² Норден Андрей Владимирович. URL: <https://35батарея.рф/poisk/> (дата обращения: 15.07.2025).

³ ГАРК. Ф. 2680. Оп.1. Д. 2. Л. 17 (об).

С апреля по май 1942 года занимал должность народного следователя г. Керчи¹.

18 мая 1942 года немцам удалось нанести поражение Красной армии и во второй раз оккупировать Керченский полуостров. 4 июля 1942 года официально завершилась героическая оборона г. Севастополя. С этого времени Крым находился под оккупацией до мая 1944 года.

Уже 15 июля 1942 года исполняющий обязанности прокурора Крымской АССР А. Аликберов, будучи в Краснодаре, составил отчет о месте нахождения работников прокуратуры Крымской АССР. Утверждать, что этот список был полным и достоверным, не приходится. Как следует из списка, о ряде прокуроров не имелось информации. В частности, в графе напротив фамилий прокурора Ак-Шейхского района Гулимова, прокурора Судакского района И.У. Халилова, и.о. прокурора Джанкойского района Ельяшева, прокурора Ленинского района Иваненко, прокурора Зуйского района Макухина и еще 27 человек указывалось, что их местонахождение неизвестно².

В результате поисковой работы удалось выявить личное дело прокурора Судакского района И.У. Халилова. Это позволило восполнить сведения о его деятельности в годы Великой Отечественной войны. В деле указано, что с ноября 1941 года по ноябрь 1942 года прокурор находился в партизанском отряде, а после ранения был направлен на лечение в госпиталь в г. Сочи³.

Напротив фамилии прокурора Севастополя Александра Семёновича Шней (занимал должность прокурора города с 27 августа 1941 года)⁴ указывалось, что, по неподтвержденным данным, он по-

гиб, защищая город. Как удалось установить прокуратуре г. Севастополя, Александр Семёнович, имея возможность эвакуироваться, не воспользовался этим правом и героически защищал город до конца его обороны. Погиб на мысе Херсонес, в районе 35-й береговой батареи, 4 июля 1942 года, поднимая людей в атаку⁵. Помощник прокурора г. Севастополя Свириденко не прибыл в Краснодар, и сведения о его судьбе отсутствовали (можно предположить, что он погиб, защищая Севастополь, или попал в плен).

Многие эвакуированные прокуроры в июле 1942 года продолжили службу в прокуратурах Краснодарского края, Адыгеи, Омской, Ростовской, Челябинской областей, Чувашской АССР, Татарской АССР, часть прокуроров были направлены работать в прокуратуры Казахской и Таджикской ССР и в иные регионы СССР⁶. Так, прокурор Крымской АССР Н.И. Чекалов с лета 1942 года по начало 1943 года продолжал работать в должности прокурора Крыма в г. Чкалове, куда была эвакуирована часть Прокуратуры СССР. В 1943 году он находился в Москве и по мере приближения фронта к Крыму и освобождения Кубани был переведен в Краснодар для восстановления работы прокуратуры Крымской АССР [8, с. 117].

С территории Крыма осенью — весной 1941 — 1942 годов были эвакуированы не все работники органов прокуратуры, часть из них остались для борьбы с врагом в партизанских отрядах. На сегодняшний день удалось установить, что прокурор Кировского района Федор Лукич Безногов на момент своей гибели в марте 1942 года командовал Кировским партизанским отрядом [9, с. 34]. Отряд был сформирован в декабре 1941 года

¹ Архив прокуратуры Республики Крым. Личные дела прокуроров А. Арифова, О.И. Ибрагимова, М. Небиева.

² ГАРК. Ф. 2680. Оп.1. Д. 5. Л. 1 — 5.

³ Архив прокуратуры Республики Крым. Личное дело прокурора И.У. Халилова.

⁴ ГАРК. Ф. 2680. Оп.1. Д. 3. Л. 10 (об).

⁵ Герои Победы на страже закона. Александр Семенович Шней // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_92/massmedia/news?item=61104249 (дата обращения: 23.08.2025).

⁶ ГАРК. Ф. 2680. Оп.1. Д. 6.

по решению штаба 1-го партизанского района в целях повышения боеспособности путем объединения Старокрымского и Кировского партизанских отрядов [10].

Осенью 1941 года в партизанский отряд ушел 28-летний прокурор Сейтлерского района Моисей Яковлевич Магидов. Уже в начале ноября отряд принял свой первый бой, в ходе которого Моисей Яковлевич под шквальным огнем противника обеспечивал прорыв партизан и получил смертельное ранение. В донесении комиссара Сейтлерского отряда М.И. Пузакина от 12 ноября 1941 года начальнику 2-го партизанского района Крыма И.Г. Генову сказано, что «в ночь на 7 ноября с боем прорвались в лес. В схватке погибли районный прокурор Магидов, старший инспектор милиции Лядюк и другие» [11, с. 42; 12].

Сражаясь в партизанских отрядах, погибли помощник прокурора Алуштинского района Абдуреуф Аджиниязов (погиб 21 ноября 1941 года) [9, с. 24] и народный следователь прокуратуры Сеит-Джелиль Муследин¹ [13, с. 71]. По сохранившимся архивным данным, помощник прокурора Зуйского района И.В. Прокопчиков вступил в ряды партизанского отряда под командованием А.А. Литвиненко. Погиб 9 марта 1942 года в бою за село Баксан. Награжден медалью «За отвагу» посмертно².

В то же время судьба И.С. Хаджинова сложилась так, что он целый год воевал в партизанских отрядах Крыма, за совершенные подвиги награжден в 1942 году орденом Красного Знамени. В октябре 1942 года в связи с ухудшением здоровья его вывезли на самолете на большую землю, с января 1943 года работал в прокуратуре Чкаловской области прокурором отдела по надзору за органами милиции. 12 ноября 1943 года получил новое назначение на должность проку-

рора г. Севастополя³. Уже будучи прокурором г. Владимира, 11 августа 1945 года по решению Исполнительного комитета Севастопольского городского Совета депутатов трудящихся был награжден медалью «За оборону Севастополя»⁴.

Интересным образом в годы войны сложилась судьба прокурора-следователя Джанкойской прокуратуры Эдуарда Яновича Сизаса. По предложению секретаря райкома партии Джанкойского района Э.Я. Сизас ушел с сформированным отрядом в лес. Вплоть до 16 марта 1942 года Эдуард Янович занимал должность начальника штаба Джанкойского партизанского отряда [14, с. 363]. В конце 1942 — начале 1943 года был уполномоченным группы НКВД при Северном соединении партизан Крыма. Э.Я. Сизас вместе со своими подчиненными в районе Феодосии установил связь с лагерем советских военнопленных и вывел оттуда 37 человек, из которых сформировал партизанский отряд. Эдуард Янович имел свою агентуру в Феодосии, в Кировском и Старокрымском районах Крымской АССР. Через эту агентуру добывались ценные сведения о противнике, которые передавались советскому командованию. В период обороны Севастополя (1941 — 1942 годы) Э.Я. Сизас возглавлял штаб партизанского отряда, в сентябре 1944 года его наградили медалью «За оборону Севастополя»⁵.

³ Хаджинов Иван Савельевич // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/about-the-proc/veterans-wow/participants/e8319426/?ysclid=mkclwh77qq598183679> (дата обращения: 29.12.2025).

⁴ Медаль «За оборону Севастополя» 1941–1942 гг. (Хаджинов Иван Савельевич). URL: <https://sevarchiv.ru/medal-za-oboronu-sevastopolya-1941-1942/?records&view=6973> (дата обращения: 29.08.2025).

⁵ Медаль «За оборону Севастополя» 1941–1942 гг. (Сизас Эдуард Янович). URL: <https://sevarchiv.ru/medal-za-oboronu-sevastopolya-1941-1942/?records&view=5985> (дата обращения: 29.08.2025).

¹ ГАРК. Ф. 2680. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

² ГАРК. Ф. 2680. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

Таким образом, прокуратура на территории Крыма продолжала свою работу на протяжении всего времени его героической обороны. Многие из прокуроров Крымской АССР в июне – августе 1941 года были мобилизованы в ряды РККА, где служили в должностях военных прокуроров и военных следователей, обеспечивали в армии воинскую дисциплину, своевременность выполнения советских законов и воинских уставов, проводили беседы с солдатами, направленные на повышение боеспособности вооруженных сил. Стремительное приближение фронта к полуострову требовало от прокуроров мобилизации всех ресурсов для осуществления надзора за исполнением решений Государственного комитета обороны, связанных в том числе с эвакуацией населения, культурных и материальных ценностей, строительством оборонительных укреплений. Прокурорский надзор был

восстановлен на территории Керченского полуострова после его освобождения от немецко-фашистских захватчиков в январе 1941 года. Прокуратура функционировала и в окруженном Севастополе, и многие из прокуроров погибли на оборонительных рубежах города, защищая суверенитет своей Родины. Часть прокуроров ушли в партизанские отряды, где участвовали в боевых действиях с превосходящими силами противника, собирали сведения о силах врага, руководили подпольем.

В условиях тяжелых испытаний начального периода войны работники органов прокуратуры продемонстрировали профессионализм, внесли неоценимый вклад в защиту полуострова, что позволило оттянуть значительные силы противника от других театров боевых действий и перевести экономику страны на военные рельсы.

Список источников

1. Хаяли Р.И. Восстановление органов прокуратуры на освобожденных от немецко-фашистских захватчиков территориях в годы Великой Отечественной войны // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 5 (79). С. 107 – 112.
2. Хаяли Р.И. Восстановление органов прокуратуры и организация прокурорского надзора в Крымской области (1944 – 1955 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75), № 3. С. 165 – 172.
3. Хаяли Р.И. Прокуратура Крыма (1922 – 1991 гг.). Очерки истории : монография. Симферополь : Доля, 2024. 223 с.
4. Маматов М.В., Маслов И.А. Защита прокурорами интересов государства гражданскими процессуальными средствами в период Великой Отечественной войны // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 6. С. 28 – 41.
5. Память сердца: и помним, и гордимся / авт.-сост. Г.А. Колосов. Симферополь, 2020.
6. Прокуратура Крыма. История и современность / О.А. Камшилов, Д.Ю. Бирюк, И.П. Задерейчук [и др.]. Симферополь : Салта ЛТД, 2022. 400 с.
7. Балаховский А.М. Рыбко Ефим Михайлович – герой Великой Отечественной войны // Прокуратура России: 300 лет на страже закона : сборник материалов студенческой научно-практической конференции (г. Симферополь, 17 сентября 2021 г.) / под общ. ред. Н.Н. Колюки ; сост. Ф.А. Аметка, Д.В. Щеплыкина, Д.С. Божко, Д.С. Глодина, Е.К. Селиванова. Симферополь : Пинчук А.В., 2021. С. 27 – 28.
8. Деятельность прокуратуры в Крыму: от Екатерининских времен до наших дней, 1784 – 2024 / вступительные слова: И.В. Краснов, С.В. Аксёнов, К.И. Степанов, В.А. Константинов, Г.А. Колосов, О.А. Камшилов ; сост. О.А. Камшилов, Д.Ю. Бирюк, И.П. Задерейчук, К.М. Хвостик, Ю.С. Андрущенко. Симферополь : Салта ЛТД, 2024. 205 с.
9. Книга памяти Республики Крым. Т. 6. Партизаны и подпольщики. Симферополь : Таврида, 1995. 271 с.

10. Осипов В.М. Заметки краеведа / Владимир и Тамара Осиповы. 4-е изд., уточненное и дополненное. Симферополь : Форма, 2016. 287 с.
11. Генов И. Дневник партизана. Симферополь : Крымиздат, 1963. 280 с.
12. Иван Генов: судьба партизана / авт.-сост. И.А. Носкова, М.Е. Суднев. Симферополь : Медиацентр им. И. Гаспринского, 2020. 216 с.
13. Поляков В.Е. Партизаннаме. Крымские татары в партизанском движении Крыма (1941 – 1944 гг.). Москва : Маска, 2020. 314 с.
14. Иванов В.А., Щербакова В.Р. Борьба подпольной организации Феодосии в 1941 – 1943 гг. (по воспоминаниям чекиста Эдуарда Яновича Сизаса) // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы : материалы V Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Ростов-на-Дону, 30 – 31 мая 2024 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2024. С. 363 – 371.

Информация об авторе

И.П. Задерейчук – доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

I.P. Zadereychuk – Associate Professor at the Department of General Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Crimean Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 34.01

**К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ СУЩЕСТВЕННЫХ ПРИЗНАКАХ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕЖИМА
В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ
В ОБЛАСТИ ТЕЛЕМЕДИЦИНЫ)**

Мария Андреевна КОВАЛЕНКО

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, pra-241_553745@volsu.ru

Аннотация. В статье рассматривается содержание понятия «экспериментальный правовой режим в сфере цифровых и технологических инноваций», которое было выработано российским законодателем. К устоявшимся в науке признакам данного правового института относятся ограниченность масштаба, времени проведения и круга участников, введение специального правового регулирования, направленность на опытную проверку полезности и безопасности инноваций. При этом в качестве существенных признаков следует выделять также рисковый и поисковый характер, наличие активной комплексной проектной деятельности при организации и осуществлении данного экспериментального правового режима. Указанные признаки выводятся путем рассмотрения закрепленных в законодательстве Российской Федерации экспериментальных правовых режимов в области телемедицины.

Ключевые слова: экспериментальный правовой режим, правовой эксперимент, телемедицина, проект, риск, медицинская деятельность, правовое регулирование, цифровые инновации, технологические инновации.

Благодарность: Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-10175.

Для цитирования: Коваленко М.А. К вопросу о некоторых существенных признаках экспериментального правового режима (на примере экспериментальных правовых режимов в области телемедицины) // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 139 – 147.

Original article

**ON CERTAIN ESSENTIAL FEATURES OF THE EXPERIMENTAL LEGAL REGIME
IN THE SPHERE OF DIGITAL AND TECHNOLOGICAL INNOVATIONS
(A CASE STUDY OF EXPERIMENTAL LEGAL REGIMES IN TELEMEDICINE)**

Maria A. KOVALENKO

Volgograd State University, Volgograd, Russia, pra-241_553745@volsu.ru

Abstract. The article examines the concept of the «experimental legal regime in the sphere of digital and technological innovations» as formulated by the Russian legislator. The characteristics of this legal institution established in legal doctrine include limitations in scope, duration, and the range of participants, the introduction of special legal regulation, and a focus on the empirical verification of the utility and safety of innovations. At the same time, the risk-oriented and exploratory nature of the regime, as well as the presence of active, comprehensive project-based activities in its organization and implementation, should also be highlighted as essential features.

© Коваленко М.А., 2026

These characteristics are derived through an analysis of the experimental legal regimes in the field of telemedicine provided for in the legislation of the Russian Federation.

Keywords: experimental legal regime, legal experiment, telemedicine, project, risk, medical practice, legal regulation, digital innovations, technological innovations

Acknowledgment: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project № 23-78-10175.

For citation: Kovalenko M.A. On certain essential features of the experimental legal regime in the sphere of digital and technological innovations (a case study of experimental legal regimes in telemedicine). *Criminalist*. 2026;3(56):139-147. (In Russ.).

Экспериментальный правовой режим в сфере цифровых и технологических инноваций остается малоизученным правовым институтом в российской правовой действительности. Несмотря на то что внимание к нему постоянно возрастает, как и количество научных публикаций, значительное число существенных вопросов еще не разрешено. Многие научные работы ориентированы на исследователей, которые не имеют представления о данном правовом институте. Доводы таких работ сконцентрированы на преимуществах экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых и технологических инноваций, целях и задачах их введения. По настоящее время отсутствует подробная информация, в том числе статистическая, относительно хода и итогов реализации на территории Российской Федерации экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых и технологических инноваций.

Целью настоящего исследования является определение некоторых существенных признаков экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых и технологических инноваций. Думается, что данная цель может быть достигнута путем рассмотрения созданных на территории Российской Федерации экспериментальных правовых режимов в медицинской сфере.

В рамках настоящего исследования автором избран узкий подход к пониманию термина «экспериментальный правовой режим». В соответствии с данным подходом экспериментальный правовой

режим и экспериментальный правовой режим в сфере цифровых и технологических инноваций являются тождественными явлениями. Экспериментальный правовой режим не охватывает проводимые на территории России правовые эксперименты. М.Л. Давыдова также рассматривает экспериментальный правовой режим с указанной позиции [1].

Первоначально следует выделить существующие в науке точки зрения относительно признаков экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций, входящих в содержание данного понятия. Это позволит наметить ориентир для сравнения экспериментальных правовых режимов в области телемедицины.

Ученые сходятся во мнении, что экспериментальный правовой режим в сфере цифровых и технологических инноваций непосредственно коррелирует с правовым экспериментом. Например, О.А. Тарасенко и И.В. Ершова отмечают, что фундаментом экспериментального правового режима выступает социально-правовой эксперимент. Последний, в свою очередь, представляет собой проверку в ограниченных и реальных условиях эффективности действия экспериментальной правовой нормы [2, с. 42 – 43]. А.М. Волков также придерживается позиции о соотносимости правового эксперимента и экспериментального правового режима. Он подчеркивает, что происходит не только проверка эффективности и полезности нового правового регулирования, но и определение оптимальных правовых

решений в области цифровизации общественных отношений. Это способствует выполнению двух значимых задач: анализ особенностей и сложностей применения цифровых технологий, поиск компромисса между интересами различных заинтересованных лиц [3, с. 40]. М.Л. Давыдова выделяет широкий и узкий подход к выявлению сущности экспериментального правового режима. С позиции широкого подхода указанный институт выступает результатом осуществления правового эксперимента. Узкий подход позволяет отделить предметную сферу экспериментального правового режима — имплементация инноваций в общественные отношения. Данный подход способствует разграничению экспериментального правового режима и правового эксперимента по объектам, которые могут подвергаться опытной проверке [1, с. 13 – 15].

В существенном количестве научных работ не выделяется признак алеаторности экспериментального правового режима. Однако ряд ученых обращают внимание на этот аспект. К примеру, А.В. Земляникова указывает, что в силу природы данного явления ему присущ риск [4, с. 199].

Однако многие исследователи не уделяют достаточного внимания поисковому характеру экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций. Экспериментальный правовой режим предполагает не внедрение уже готовой цифровой инновации в общественные отношения, не изменение только общественных условий для возможности ее применения. Должен происходить двусторонний процесс согласования и адаптации общественных отношений и цифровой инновации. Это подразумевает активное ведение исследовательской работы. Сотрудничество государства и субъектов предпринимательской деятельности наиболее ярко проявляется в том, что государство предоставляет таким субъектам право на самостоя-

тельную проектную деятельность по имплементации задумываемой цифровой инновации в гражданский оборот. Самостоятельно государство указанный проект не реализует, оно только создает условия для этого. Указанное свойство рассматриваемого правового явления находит отражение в слове «экспериментальный» его названия.

Прерогативой государства является внесение изменений и дополнений в действующее общее регулирование по итогам реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций. Это обусловлено исключительной компетенцией государства на издание правовых норм. Предпосылкой установления экспериментального правового режима является то, что действующее правовое регулирование не позволяет беспрепятственно субъектам предпринимательской деятельности внедрять результаты инновационной проектной деятельности в свою реальную практику с реальными клиентами (потребителями). В связи с этим, чтобы распространить результаты экспериментального правового режима на всех субъектов права и всю территорию государства, требуется скорректировать правовое регулирование. Это свойство экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций выражается в слове «правовой». Еще Р.В. Рывкина и А.В. Винокур применительно к правовому эксперименту указывали, что не все эксперименты, которые учреждаются путем издания нормативных правовых актов, являются правовыми. Для признания таких экспериментов правовыми требуется, чтобы их целью являлась проверка эффективности правовых норм [5, с. 118].

На взгляд автора настоящего исследования, основными признаками экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций являются:

ограниченность его сроков и масштаба, круга участников и субъектов;
поисковый характер;
рисковая природа;

направленность на цифровую трансформацию рынка товаров и услуг;

в настоящее время преимущественно участниками выступают частные субъекты. Публичные субъекты также могут быть участниками экспериментальных правовых режимов. Однако по состоянию на март 2026 года только два экспериментальных правовых режима из 19 установлены по инициативе публичных органов. На активную роль частных участников гражданского оборота указывают положения Федерального закона от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации»¹, вне зависимости от того, кем было подано инициативное предложение. Например, правовые нормы статьи 9 указанного Федерального закона предусматривают обязанность организации предпринимательского сообщества дать заключение по внесенному инициативному предложению. Также важность участия указанной группы субъектов подчеркивает легальное определение цифровой инновации, данное в статье 2 Федерального закона. Закрепленные признаки цифровой инновации указывают на ее включенность в гражданский оборот;

объект тестирования — проект по внедрению цифровых инноваций.

Выводимые признаки присущи экспериментальным правовым режимам, которые устанавливаются в частной сфере.

В России в период существования данного правового института было вве-

дено три экспериментальных правовых режима в области телемедицины. Уполномоченным государственным органом на их установление выступает Правительство Российской Федерации, которое утверждает программу экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций путем вынесения постановлений.

На примере указанных ниже экспериментальных правовых режимов рассмотрим наличие в них ранее обозначенных признаков.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 9 декабря 2022 года № 2276² был введен экспериментальный правовой режим, затрагивающий использование передовых технологий для сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан. Он был предназначен для создания и апробации информационной системы (платформы) «Персональные медицинские помощники». Внедрение указанной информационной системы преследовало цель размещения в ней для ознакомления медицинскими работниками информации о показаниях медицинских изделий, которые используются пациентами. Это должно было позволить медицинским работникам дистанционно контролировать состояние здоровья пациента, осуществлять его мониторинг, оперативно вмешиваться при наличии угрозы. В ходе экспериментального правового режима происходило тестирование возможности использования цифровых технологий в трех измерениях:

создание работоспособной, безопасной и пригодной для эксплуатации по назначению информационной системы;

тестирование дистанционного мониторинга медицинскими работниками состояния пациента путем использования медицинских изделий;

¹ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ : текст с изм. и доп. на 26 июня 2026 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102801499> (дата обращения: 27.01.2026).

² Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012022120150019> (дата обращения: 27.01.2026).

проверка исправности и безопасности медицинских изделий для дистанционного контроля за показателями здоровья пациентов.

Тестирование проводилось в отношении ограниченного круга пациентов. Принять участие могли лица со следующими диагнозами:

- артериальная гипертензия;
- сахарный диабет;
- гестационный сахарный диабет;
- отеки, протеинурия, гипертензивные расстройства во время беременности;
- необходимость наблюдения за протеканием беременности и состоянием плода в антенатальном периоде.

Также были установлены территориальные ограничения. За протеканием болезни первых двух диагнозов наблюдение дистанционным способом осуществлялось на территории Республики Татарстан, Иркутской, Магаданской, Новосибирской, Рязанской, Самарской, Тюменской, Московской областей, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, города федерального значения Москвы (первая категория пациентов). Дистанционный мониторинг состояния пациентов, которым установлены другие диагнозы, производился на территории Республики Алтай, Республики Башкортостан, Республики Саха (Якутия), Астраханской, Владимирской, Московской, Пензенской областей, города федерального значения Москвы (вторая категория пациентов).

Кроме того, действовали ограничения в отношении субъектов экспериментального правового режима. Ими могли стать медицинские организации, находящиеся в ведении Федерального медико-биологического агентства, в отношении первой категории пациентов, а в отношении второй категории пациентов — медицинские организации, находящиеся в ведении Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Следовательно, соблюдался признак ограниченности действия эксперимен-

тального правового режима как видového явления по отношению к правовому эксперименту в широком смысле.

Главные условия для возможности участия: установление диагноза, дистанционное наблюдение назначено лечащим врачом при проведении им очного приема.

Таким образом, дистанционный мониторинг состояния пациента не мог быть назначен в ходе удаленной консультации. Думается, что это условие является важной гарантией обеспечения права пациента на квалифицированную медицинскую помощь, направлено на минимизацию рисков применения телемедицинских технологий, когда невозможен физикальный осмотр пациента. Программа экспериментального правового режима описывает возможные риски. К ним относятся в том числе поломка мобильного устройства, назначение неправильного лечения из-за недостоверных сведений медицинского изделия, что подтверждает рисковый характер опытной проверки. Данный признак должен быть признан существенным, поскольку от этого зависит методология разработки программы экспериментального правового режима. Это ориентирует законодательные и правоприменительные органы на безусловный поиск сопутствующих рисков и принятие мер их нейтрализации или минимизации.

В науке риски экспериментального правового режима по использованию персональных медицинских помощников также были предметом рассмотрения. Риски подразделяют на две группы: связанные с обеспечением тайны персональных данных и с возможностью причинения вреда жизни и здоровью пациента [6, с. 73].

Срок действия экспериментального правового режима составлял три года. 22 декабря 2025 года Министерство экономического развития Российской Федерации на официальном сайте опубликовало сводный аналитический отчет и

указало, что срок действия экспериментального правового режима истекает 19 января 2026 года. В сводном отчете указывается, что за период действия экспериментального правового режима жалобы в связи с нарушением прав и законных интересов не поступали. Также при реализации экспериментального правового режима не было отмечено случаев нарушения прав и свобод человека и гражданина, причинения вреда жизни, здоровью или имуществу человека или имуществу юридического лица, причинения вреда интересам государства. Результаты данного экспериментального правового режима признаны успешными. Были достигнуты заданные показатели. Планировалось, что количество подключенных к информационной системе (платформе) «Персональные медицинские помощники» устройств для дистанционного мониторинга состояния здоровья должно достигнуть 27 000. В ходе реализации было подключено 267 297 устройств¹. Таким образом, несмотря на то что при планировании были предусмотрены потенциальные риски экспериментального правового режима, они не наступили. Это не может свидетельствовать о том, что риски были неправильно определены или их значение было преувеличено. Напротив, это может служить доказательством того,

¹ Сводный аналитический отчет о результатах мониторинга реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности с применением телемедицинских технологий и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозов граждан в отношении реализации инициативы социально-экономического развития Российской Федерации «Персональные медицинские помощники», оценки его эффективности и результативности, общественного обсуждения вопросов эффективности и результативности реализации указанного экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций (далее — ЭПР ПМП) // Министерство экономического развития Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/3ffe5db176a775124b76812453fdf362/svodniy_analiticheskiy_otchet_122025.pdf (дата обращения: 27.01.2026).

что меры по обеспечению безопасности проводимых мероприятий были эффективными.

Экспериментальный правовой режим по использованию персональных медицинских помощников уже на данном этапе повлиял на общее правовое регулирование. Был утвержден национальный стандарт ГОСТ Р 72099.1-2025 «Персональные медицинские помощники. Термины и определения».

Важно отметить, что данный экспериментальный правовой режим нацелен не на внедрение уже готовой цифровой или технологической инновации. Он устанавливается для разработки такой цифровой инновации, ее адаптации под существующие общественные условия, проверки ее работоспособности, безопасности и пригодности. Предполагался длительный и сложный поисковый и рискованный процесс по созданию и апробации цифровой инновации.

Также Постановлением Правительства Российской Федерации от 18 июля 2023 года № 1164² была утверждена программа экспериментального правового режима по применению телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан. Данный экспериментальный правовой режим направлен на частичное смягчение запрета на постановку диагноза и назначение лечения только на очном приеме. На современном этапе развития общества, особенно в период распространения коронавирусной инфекции, появился существенный спрос на удаленные медицинские консультации. В силу правового регулирования такие консультации не могли проводиться. По их результатам невозможно было поставить диагноз, назначить лечение. Информация, предоставляемая врачом, могла носить исключительно рекомендательный ха-

² Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202307200023> (дата обращения: 27.01.2026).

ракти. Всю ответственность за использование таких рекомендаций при лечении несли только пациенты. Они не влекли никаких правовых последствий. Пациенты были юридически не защищены. Это привело к формированию в обществе потребности в снятии данного законодательного ограничения. Именно на тестирование возможности корректировки лечения или назначения лечения при его отсутствии в ходе дистанционной консультации нацелен данный экспериментальный правовой режим. Устанавливается, что при осуществлении дистанционного взаимодействия формата «врач — пациент» лечащий врач имеет право на корректировку назначенного ранее лечения или его назначение при отсутствии. Кроме того, по итогам такой консультации врач вправе установить дистанционный мониторинг состояния здоровья пациента. Такую консультацию может провести не только лечащий врач, диагностировавший заболевание, но и другой врач, который работает в этой же медицинской организации и имеет специальный стаж не менее семи лет. Главное условие — диагноз должен быть установлен на очном приеме.

Указанный экспериментальный правовой режим предполагает осуществление комплекса технологических, организационных и собственно медицинских действий для его воплощения. Требуется не только организация дистанционной консультации и непосредственно ее проведение, но и создание цифровых средств (специальных программ, медицинских изделий, информационных систем), которые бы позволили удаленно коммуницировать врачу и пациенту. Таким образом, подразумевается проведение существенных проектных работ. Государство устанавливает только условия такой проектной деятельности, оказания медицинской помощи. Самостоятельно в реализации проекта активно не участвует. Субъектам экспериментального правового режима предоставлена свобода действий по претворению в жизнь

намеченной цифровой инновации. Рассматриваемый экспериментальный правовой режим так же, как и первый, может влечь риски причинения вреда жизни и здоровью пациентов. Для нейтрализации негативных явлений предусматривается перечень мер безопасности при оказании медицинской помощи. Признак ограниченности действия тоже соблюдается. Установлен узкий круг субъектов — частных медицинских организаций, которые могут тестировать инновации в рамках экспериментального правового режима. Срок проведения — три года.

В конце 2025 года был установлен экспериментальный правовой режим, направленный на цифровизацию процесса получения информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство или отказа от медицинского вмешательства с использованием электронной графической подписи (Постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2025 года № 1706¹).

Субъекты экспериментального правового режима — Департамент здравоохранения города Москвы и находящиеся в его ведении медицинские организации.

Цифровая инновация заключается в осуществлении Департаментом здравоохранения города Москвы действий по созданию возможности подписания пациентами согласия на медицинское вмешательство или отказа от медицинского вмешательства электронной графической подписью, а медицинскими работниками также усиленной квалифицированной электронной подписью и передачи документов в автоматизированную информационную систему города Москвы «Единая медицинская информационно-аналитическая система города Москвы». Департамент здравоохранения города Москвы наделя-

¹ Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202511010040> (дата обращения: 27.01.2026).

ется широкими полномочиями, что не свойственно субъекту экспериментального правового режима. Например, он утверждает порядок участия подведомственных ему медицинских организаций, устанавливает критерии отбора.

Программа данного экспериментального правового режима также устанавливает риски его проведения. К ним относится риск поломки специальной аппаратуры, нарушения работы и эксплуатации. Думается, если сравнить указанные риски с рисками двух других экспериментальных правовых режимов в области телемедицины, то они являются менее существенными, не может быть причинен вред здоровью и жизни пациентов.

В связи с этим возникает вопрос, какие группы рисков могут сопровождать экспериментальный правовой режим. Является ли обоснованным установление экспериментального правового режима, если риск незначительный, тестируемая инновация касается исключительно электронного документооборота.

В правовой науке отмечается, что рисковый характер присущ в целом правовому эксперименту, являющемуся родовым понятием по отношению к экспериментальному правовому режиму. Именно наличие рисков является существенным признаком правового эксперимента, позволяющим отграничить его от исключений в праве [7, с. 57]. Практическое и теоретическое значение имеет выяснение вопроса об особенностях риска в рамках экспериментального правового режима как видового понятия по отношению к правовому эксперименту в широком смысле. Думается, что экспериментальный правовой режим может быть применен при реализации цифровых инноваций, которые сопровождаются рисками особого порядка. Рассмотрение сущности и подразделения рисков не может быть полностью осуществлено в рамках данной работы из-за обширности проблемы, отсутствия теоретического материала и

ограниченности объема настоящего исследования. Автором только намечается направление для дальнейшего изучения экспериментального правового режима в обозначенной плоскости. Исходя из изученного практического материала, можно выделить риски в зависимости от предмета (блага), на который они могут оказывать негативное влияние. Риски могут быть направлены на персональные данные, технологические структуры, здоровье и жизнь, имущество, государственные интересы. Полагаем, что экспериментальный правовой режим может вводиться для тестирования цифровых и технологических инноваций, в ходе которого могут быть затронуты такие блага, как жизнь и здоровье гражданина. В связи с этим экспериментальный правовой режим по получению согласия на медицинское вмешательство или отказа от медицинского вмешательства с использованием электронной графической подписи с теоретической точки зрения таковым не является. Кроме того, не соблюдается признак осуществления комплексной проектной деятельности. Внедрение в практику получения согласия на медицинское вмешательство или отказа от медицинского вмешательства использования специальной аппаратуры для проставления электронной графической подписи не подразумевает под собой выполнение сложных и требующих длительной проработки технологических, организационных и медицинских действий.

Таким образом, экспериментальный правовой режим в сфере цифровых и технологических инноваций в российском праве представляет собой специальный правовой режим, направленный на создание правовых условий для опытного тестирования цифровых и технологических инноваций для последующего введения их в гражданский оборот и совершенствования общего правового регулирования. Он носит ограниченный характер, заключающийся в сужении территории, перечня возможных участ-

ников, установлении времени проведения тестирования. Также обладает поисковым и рисковым характером. При его организации и реализации необходимо составление проекта деятельности, включающего комплекс мероприятий по нахождению оптимального варианта имплементации инноваций в общественные отношения.

В связи с выделением указанных признаков полагаем, что недавно введенный экспериментальный правовой режим по получению согласия на медицинское вмешательство или отказа от медицинского вмешательства с использованием электронной графической подписи в действительности таким признакам не отвечает. Его реализация сопряжена только с рисками технического характера. Также не требуется проведение длительной разработки проекта по внедре-

нию в медицинскую сферу специальной программной аппаратуры для проставления на ней электронной графической подписи. Целесообразнее было бы реализовать данную инициативу путем закрепления пилотного проекта. Данный правовой институт также может вводиться на территории Российской Федерации для внедрения в общественные отношения цифровых инноваций. При этом в его реализации активную позицию занимают государственные органы [8, с. 63]. В рассматриваемом экспериментальном правовом режиме участие принимает Департамент здравоохранения города Москвы и подведомственные ему организации. Это еще один аргумент в пользу установления для тестирования планируемой инновации именно пилотного проекта, а не экспериментального правового режима.

Список источников

1. Давыдова М.Л. Экспериментальное правовое регулирование как средство обеспечения устойчивого развития // Legal Concept = Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 3. С. 11–19. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.2>.
2. Правовые режимы экономической деятельности : монография / Т.А. Андропова, Н.Г. Аapresова, С.С. Галкин [и др.] ; отв. ред. И.В. Ершова. Москва : Проспект, 2023. 278 с.
3. Экспериментальное нормотворчество: доктрина, практика, техника : монография / К.М. Беликова, А.М. Волков, П.Е. Егоров [и др.] ; отв. ред. О.А. Тарасенко. Москва : Проспект, 2024. 132, [1] с.
4. Землянникова А.В. Экспериментальные правовые режима как механизм внедрения цифровых инноваций // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 4. С. 197–201.
5. Рывкина Р.В., Винокур А.В. Социальный эксперимент / Новосибирский государственный университет. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1968. 173 с.
6. Сивоконева П.С. Защита прав пациентов при использовании персональных медицинских помощников в рамках экспериментального правового режима // Право и политика. 2024. № 4. С. 72–75.
7. Чагин И.Б. К вопросу о понимании правового эксперимента как исключения в праве // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. 2020. № 2. С. 54–59.
8. Коваленко М.А. Экспериментальный правовой режим: текущее состояние и проблемы // Legal Concept = Правовая парадигма. 2025. Т. 24, № 4. С. 61–67. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.8>.

Информация об авторе

М.А. Коваленко – аспирант, младший научный сотрудник Волгоградского государственного университета.

Information about the author

M.A. Kovalenko – Postgraduate Student, Junior Researcher Fellow, Volgograd State University.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 34

АДАПТАЦИЯ КЛАССИЧЕСКИХ НОРМ О ПИСЬМЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ К ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ОПЫТ ФРАНЦУЗСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Виталий Алексеевич МАКСИМОВ¹, Альбина Юрьевна ПИДДУБРИВНАЯ²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ taximovva@mail.ru

² alba.78@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу развития института доказательств во французском гражданском праве с акцентом на современные электронные доказательства. Рассмотрены нормативные основы, закрепленные в Гражданском кодексе Франции. Особое внимание уделено правовому статусу электронной почты и электронных подписей, их доказательной силе, требованиям к идентификации авторства и обеспечению целостности документов. Проанализированы ключевые законодательные изменения 2000–2020 годов, судебная практика и влияние цифровизации на эффективность гражданского судопроизводства. Сделан вывод о необходимости дальнейшей модернизации законодательства и цифровизации процедур для обеспечения юридической надежности и оперативности доказательственного процесса.

Ключевые слова: Франция, Гражданский кодекс, доказательства, электронные доказательства, электронная почта, электронная подпись, цифровизация, судебная практика, письменные доказательства, идентификация автора, целостность документов

Для цитирования: Максимов В.А., Пиддубривная А.Ю. Адаптация классических норм о письменных доказательствах к цифровой среде: опыт французского законодательства и судебной практики // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 148 – 156.

© Максимов В.А., Пиддубривная А.Ю., 2026

Original article

ADAPTING CLASSICAL RULES ON DOCUMENTARY EVIDENCE TO THE DIGITAL ENVIRONMENT: THE EXPERIENCE OF FRENCH LEGISLATION AND JUDICIAL PRACTICE

Vitaly A. MAKSIMOV¹, Albina Yu. PIDUBRIVNAYA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ maximovva@mail.ru

² alba.78@mail.ru

Abstract. This article analyses the development of the institution of evidence in French civil law, with a focus on modern electronic evidence. The normative foundations enshrined in the French Civil Code are examined. Special attention is paid to the legal status of e-mail and electronic signatures, their evidentiary value, requirements for the identification of authorship, and ensuring the integrity of documents. The study also analyses key legislative amendments from 2000 to 2020, relevant judicial practice, and the impact of digitalization on the efficiency of civil proceedings. The authors conclude that further modernization of legislation and the digitalization of procedural mechanisms are necessary to ensure the legal reliability and efficiency of the evidentiary process.

Keywords: France, Civil Code, evidence, electronic evidence, e-mail, electronic signature, digitalization, judicial practice, documentary evidence, authorship identification, document integrity

For citation: Maksimov V.A., Piddubrivnaya A.Y. Adapting classical rules on documentary evidence to the digital environment: the experience of french legislation and judicial practice. Criminalist. 2026;3(56):148-156. (In Russ.).

Известно, что Гражданский кодекс Франции¹ относится к числу наиболее старых кодифицированных актов и неоднократно обновлялся. Во французской системе нормы о доказательствах сосредоточены прежде всего не в Гражданском процессуальном кодексе², а в Гражданском и в отдельных случаях в Торговом кодексе³, где закреплены

специальные правила доказывания по предпринимательским спорам.

Действующая редакция Гражданского кодекса Франции выделяет несколько средств доказывания, основными из которых являются:

письменные доказательства — ст. 1363—1380;
показания свидетелей — ст. 1381;
презумпции — ст. 1382;
признание стороной — ст. 1383—1383-2;
клятвы — ст. 1384—1386-1.

Развитие электронных доказательств во Франции связано прежде всего с электронной почтой и электронной подписью: появление новых средств коммуникации потребовало адаптации классических правил к цифровой среде. Представляется, что, несмотря на недружественный характер отношений с отдельными государствами, входящими

¹ Code civil // Legifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/ (дата обращения: 12.12.2025).

² Code de procedure civile // Legifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070716/ (дата обращения: 12.12.2025).

³ Code de Commerce de France // Legifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000005634379/?__cf_chl_rt_tk=YY.SkVqpcq6MVkZ21FLWtSLQF5hpa9S1i0ogOrWC48-1768476949-1.0.1.1-XGVuPpYL6DyQw3VwujTRmyCQke2FQJ2MJxyu9c4XEI (дата обращения: 12.12.2025).

ми в состав Европейского союза¹, анализ данного правового опыта представляется целесообразным и заслуживающим внимания.

Долгое время письменные доказательства (*preuve par écrit, preuve littérale*) отождествлялись с бумажными документами. Однако с ростом числа электронных сообщений и способов хранения информации суды столкнулись с новыми проблемами, которые уже не укладывались в традиционную модель.

Именно поэтому в 2000 году законодатель сформулировал определение письменного доказательства, охватывающее как традиционные, так и электронные документы.

В развитии этого регулирования особенно значимы три даты:

13 декабря 1999 года — публикация Европейской директивы о правовых основах использования электронных подписей²;

13 марта 2000 года — принятие Закона об адаптации права доказательств к информационным технологиям и об электронной подписи³;

¹ Перечень иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц : утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р : текст с изм. и доп. на 29 окт. 2022 г. // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/View/0001202203070001?undex=2> (дата обращения: 05.12.2025).

² Directive 1999/93/EC of the European Parliament and of the Council of 13 December 1999 on a Community framework for electronic signatures // Official Journal of the European Communities. L 13, 19.01.2000. P. 12—20. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1999/93/2008-12-11/eng> (дата обращения: 05.12.2025).

³ Loi n° 2000-230 du 13 mars 2000 portant adaptation du droit de la preuve aux technologies de l'information et relative à la signature électronique // Journal officiel de la République française. 2000. 14 mars. P. 3968. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/>

30 марта 2001 года — принятие Декрета № 2001-272 о применении ст. 1316-4 ГК об электронной подписи⁴.

Статья 1316 Гражданского кодекса Франции в редакции 2001 года определяла документальное доказательство как совокупность букв, символов, цифр и иных знаков с понятным значением независимо от носителя и способа передачи.

Тем самым законодатель включил электронные документы в общее понятие письменного доказательства, сохранив при этом его классический характер: электронное письмо остается записью, зафиксированной на ином носителе.

Отсюда следует принцип нейтральности носителя и недискриминации: суд не может заранее отвергнуть электронное письмо, скриншот или IP-адрес только из-за их цифровой формы.

Вместе с тем судья вправе отказать в принятии доказательства, если оно его не убеждает. Поэтому ст. 1316-1 Гражданского кодекса Франции требует, чтобы электронная запись позволяла идентифицировать автора и сохранялась при условиях, обеспечивающих целостность.

Для стороны процесса это означает двойную обязанность: представить доказательство в понятной суду форме и подтвердить подлинность отправителя и целостность документа. На практике это достигается через сохранение серверных журналов, резервных копий и участие судебного исполнителя или эксперта.

Проблемы особенно заметны на примере IP-адреса. Сам по себе он допустим во французском суде, но для его доказательственного использования необходи-

JORFTEXT000000399095/ (дата обращения: 05.12. 2025).

⁴ Decret N 2001-272 du 30 mars 2001 pris pour l'application de l'article 1316-4 du Code Civil et relatif a la signature electronique // Legifrance — Le service public de l'accès au droit. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/> (дата обращения: 05.12.2025).

мо зафиксировать журналы соединений и представить понятное суду экспертное объяснение¹.

Следующий этап развития электронных доказательств связан с Законом о правосудии 2007 года и Законом № 1.383 «О цифровой экономике» 2011 года, который закрепил электронную почту и определил ее как сообщение в форме текста, голоса, звука или изображения, переданное по Сети и сохраненное на сервере или устройстве получателя².

Эти законы существенно расширили доказательственные возможности сторон, поскольку электронная почта стала обычным средством направления претензий и иной деловой корреспонденции. Однако пробелы в регулировании полностью устранены не были.

Для ряда юридических действий, где требуется выражение действительной воли сторон, закон по-прежнему устанавливает строгую процедуру доказывания. Поэтому электронная почта признается равной бумажному документу лишь при соблюдении установленных формальных условий; в противном случае она может выступать лишь как иное письменное подтверждение.

Согласно Гражданскому кодексу Франции электронная почта может быть буквальным доказательством, если она представляет собой разборчивую последовательность знаков и позволяет идентифицировать автора (ст. 1163); такое доказательство должно храниться с сохранением целостности (ст. 1163-1); если посредством электронной почты со-

вершается юридический акт, требуется электронная подпись (ст. 1163-3).

Электронная подпись не сводится ни к адресу почты, ни к указанию имени в конце письма, ни к отсканированному изображению подписи. По ст. 1163-3 Гражданского кодекса Франции она представляет собой надежный процесс идентификации, обеспечивающий связь подписи с соответствующим актом и подтверждающий личность подписанта и целостность документа.

При соблюдении этих требований электронная почта, подписанная надлежащей подписью, приобретает полную доказательственную силу и облегчает заключение договоров в электронном виде. При этом презумпция надежности может быть опровергнута, и тогда именно оспаривающая сторона должна доказать ненадежность процесса.

На практике такая презумпция нередко оказывается трудноопровержимой, что повышает риски злоупотреблений. Кроме того, французское право не допускает совершение в электронной форме ряда сделок, в частности в сферах семейного и наследственного права, а также личной и имущественной безопасности [2].

Если электронная подпись отсутствует, письмо не всегда признается письменным доказательством, но это не означает полной утраты его доказательной силы.

Кассационный суд Франции разъяснил, что при отсутствии надежного процесса идентификации простое электронное письмо, подлинность которого оспаривается, не может считаться полноценным доказательством³. Суд не вправе устанавливать автора сообщения лишь

¹ Vial G., Leclerc O., Verges E. Preuves scientifiques et technologiques CA Paris, 15 mai 2019, n. 18/26775.

² Loi n° 1.383 du 2 août 2011 sur l'Économie Numérique : Article premier // Journal officiel de Monaco (Journal n° 8029). 12 août 2011. URL: <https://www.legimonaco.mc/305/legismclois.nsf/ViewTNC/D3F606E03CE7C5E0C125790B002F41BC?OpenDocument> (дата обращения: 12.05.2025).

³ Cass. 1re civ., 30 septembre 2010, n° 0968.555 // Dictionnaire Juridique. URL: <https://www.dictionnaire-juridique.com/jurisprudence/2010-09-30-Cass-civ-1-30-septembre-2010-09-68555.php> (дата обращения: 12.12.2025).

по адресу электронной почты [3]. Хотя этот подход не является бесспорным [4], он отражает стремление к единообразию в применении правил о письменных доказательствах [5].

Следовательно, электронная почта может служить началом письменного доказательства и в нужных случаях дополняться иными средствами, например показаниями свидетелей¹.

Поскольку электронная почта стала повседневным способом общения, слишком жесткие формальные требования могут провоцировать споры о формальностях вместо обсуждения существа обязательства. Поэтому в спорных ситуациях практикуется сохранение переписки через судебного исполнителя и эксперта².

Квалификация электронной почты как письменного доказательства в ст. 1163 Гражданского кодекса Франции снимает часть сомнений относительно ее допустимости. В коммерческих отношениях, где действует свобода доказательств, неподписанное письмо также может быть принято судом³.

Судебная практика коммерческих дел подтверждает: доказательство не может отвергаться только потому, что оно основано на электронной переписке. Это особенно важно для оборота, где пере-

писка часто заменяет традиционные документы.

В отношениях между предпринимателями и потребителями строгий формализм нередко создает практические затруднения. Потребители часто не располагают средствами электронной подписи, хотя именно электронная почта широко используется для заключения и подтверждения сделок, например страховых⁴.

Поэтому законодатель предусмотрел возможность заранее согласовать между сторонами признание электронных писем доказательствами, что позволяет частично снять жесткость формальных требований.

Для сделок на сумму менее 1140 евро письменная форма не требуется⁵, поэтому обычного электронного письма может быть достаточно. Если письмо оспаривается, суд проверяет соблюдение формальных условий и вправе истребовать компьютерные следы или назначить эксперта.

Применение столь сложных процедур к незначительным по стоимости сделкам выглядит спорным, однако даже в этом случае электронное письмо может быть оценено как начало письменного доказательства⁶.

Электронные письма активно используются и для подтверждения вины. Так, во французской трудовой практике электронная переписка, отправленная

¹ FéralSchul, La jurisprudence de la Cour de cassation en matière de preuve électronique // Féral — Cabinet d'avocats. 31 déc. 2010. URL: <https://feral.law/archives/la-jurisprudence-de-la-cour-de-cassation-en-matiere-de-preuve-electronique/> (дата обращения: 12.12.2025).

² JCI Communication. Fascicule 4740 : Courrier électronique : Note n. 143 // JCI Communication. URL: <https://www.99avocats.com/publications/la-force-probante-du-courrier-electronique> (дата обращения: 12.12.2025).

³ Cass. Com., 4 octobre 2005, n° 0415.195 // Légifrance. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000007502996> (дата обращения: 12.12.2025) ; RoBnagel. Recht der Multimedia-Dienste. Mtinchen 2004. Rn.14.

⁴ Caprioli E. Vérification d'écriture en matière d'écrit électronique. Communication Commerce Electronique n°10, Octobre 2006, comm.149.

⁵ 99 Avocats associés. La loi sur l'Économie numérique et la preuve électronique / 99 Avocats associés. PDFфайл (5 с.). URL: <https://www.99avocats.com/assets/1.pdf> (дата обращения: 12.12.2025).

⁶ FéralSchul, La jurisprudence de la Cour de cassation en matière de preuve électronique // Féral — Cabinet d'avocats. 31 déc. 2010. URL: <https://feral.law/archives/la-jurisprudence-de-la-cour-de-cassation-en-matiere-de-preuve-electronique/> (дата обращения: 12.12.2025).

с корпоративного ящика, признавалась доказательством серьезного проступка работника¹.

Это показывает, что даже при отсутствии электронной подписи доказательственная сила письма может сохраниться, если речь идет о юридических фактах, доказываемых любыми допустимыми средствами. Вместе с тем законодатель и суды подходят к таким материалам осторожно² [5].

Таким образом, именно особая ценность письменной формы и влияние европейского права побудили французского законодателя быстро признать доказательственную силу электронного текста и электронной подписи³.

С позиции функциональной эквивалентности электронное письмо выполняет те же доказательственные функции, что и бумажное [6]. Дальнейшее развитие цифровых технологий расширило набор способов проверки и хранения данных: геолокация, выгрузка компьютерной информации, базы данных и иные цифровые инструменты.

Многие традиционные средства доказывания были постепенно оцифрованы: изображения, разговоры, переписка и иные материалы теперь существуют

в электронном виде, а внутри компаний все чаще хранятся в единой информационной системе.

В результате доказательство все меньше связано с физическим объектом и все чаще представляет собой цифровую запись, т. е. последовательность нулей и единиц.

Совет Европы⁴ определяет электронные доказательства как любые доказательства, возникающие на основе данных, содержащихся, создаваемых или передаваемых устройством, работающим с использованием программного обеспечения или Сети⁵.

Общим признаком всех таких определений является наличие данных, однако само понятие «данные» слишком широкое и не передает различий между отдельными видами электронных доказательств.

Так, данные геолокации и данные электронной подписи решают разные задачи: первые связаны с местоположением и конфиденциальностью, вторые — с идентификацией и согласием. Аналогично установление фактов по геопозиции и доказательство содержания смарт-контракта или блокчейн-записи требуют разных подходов [1].

Проблемы электронного доказывания зависят от конкретного носителя. Если изображение редактируется в видео, его природа не меняется; вопрос заключается лишь в проверке подлинности, которую помогает решить экспертиза.

Совершенно иной эффект имело появление электронной почты в гражданском обороте. Электронная подпись не

¹ Tribunal du Travail, Affaire n° 03166460, 16 mars 2000 // Legimonaco — Jurisprudence. URL: <https://legimonaco.mc/jurisprudence/tribunal-travail/2000/03-16-6460/> (дата обращения: 12.12.2025) ; Tribunal de première instance, 9 juin 2005, SBM SAM c/ N. // Legimonaco — Jurisprudence. URL: <https://legimonaco.mc/jurisprudence/tribunal-premiere-instance/2005/06-09-27206/> (дата обращения: 12.12.2025).

² Tribunal de première instance // Tribunaux — Cours et Tribunaux. URL: <https://www.tribunauxrechtbanken.be/fr/tribunaux/tribunaldepremiereinstance> (дата обращения: 12.12.2025).

³ Directive 1999/93/EC of the European Parliament and of the Council of 13 December 1999 on a Community framework for electronic signatures // Official Journal of the European Communities. L 13, 19.01.2000. P. 12–20. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1999/93/2008-12-11/eng> (дата обращения: 05.12.2025).

⁴ Российская Федерация прекратила членство в Совете Европы с 16 марта 2022 года.

⁵ Council of Europe. Lignes directrices sur les preuves électroniques dans les procédures civiles et administratives et exposé des motifs / Conseil de l'Europe, Comité des Ministres. — Strasbourg: Council of Europe, 30 janvier 2019. URL: <https://rm.coe.int/lignes-directrices-sur-les-preuves-electroniques-et-expose-des-motifs/1680968ab6> (дата обращения: 12.12.2025).

имеет графического сходства с собственноручной: она создается кодом или кликом мыши, а при квалифицированном формате презюмируется надежной¹.

В таком случае меняется распределение бремени доказывания: автор квалифицированной подписи должен оспаривать ее подлинность, тогда как собственноручная подпись может быть отвергнута более простой процедурой.

К числу цифровых данных, которые могут стать предметом судебного исследования, относятся сведения об абоненте, используемых сервисах, доступе к онлайн-ресурсам, местоположении устройства, метаданные переписки, содержание сообщений и иные цифровые следы [7].

Рекомендации Совета Европы исходят из того, что суд должен принимать электронные доказательства, оценивая при этом их подлинность, особенности сбора и допустимость в свете прав лиц, которых затрагивает доступ к данным².

Иными словами, цифровизация охватывает весь массив электронных доказательств и предоставляет судье широкий инструментарий для установления фактов.

При этом говорить о появлении полностью новой самостоятельной конструкции необязательно: разнообразие цифровых доказательств можно регулировать в рамках уже существующих процессуальных подходов [1].

¹ Art. 1367 Code civil combiné avec l'art. 1 du décret n° 20171416 du 28 septembre 2017 relatif à la signature électronique // Légifrance. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000035676246> (дата обращения: 12.12.2025).

² Council of Europe. Lignes directrices sur les preuves électroniques dans les procédures civiles et administratives et exposé des motifs / Conseil de l'Europe, Comité des Ministres. — Strasbourg: Council of Europe, 30 janvier 2019. URL: <https://rm.coe.int/lignes-directrices-sur-les-preuves-electroniques-et-expose-des-motifs/1680968ab6> (дата обращения: 12.12.2025).

20 ноября 2020 года министр юстиции Франции подписал Приказ об электронной подписи судебных решений, вынесенных по гражданским делам³.

Этот акт вписывается в рамки Регламента (ЕС) № 910/2014 и Решения о выполнении (ЕС) 2015/1506, которые задают общеевропейские стандарты электронной идентификации и доверительных услуг⁴.

Приказ соотносится со ст. 1366 и 1367 Гражданского кодекса Франции, закрепляющими равную доказательственную силу электронного письма и правила идентификации автора электронной подписи.

Он устанавливает, что любой процесс подписания судебных решений, предусмотренных ст. 456 Гражданского процессуального кодекса Франции, соответствует квалифицированной электронной подписи в смысле Регламента 910/2014.

Это важный шаг в цифровизации гражданского судопроизводства: теперь решения можно публиковать без печати, ручной подписи и последующего скани-

³ Arrêté du 20 novembre 2020 relatif à la signature électronique des décisions juridictionnelles rendues en matière civile / Ministère de la Justice. Journal officiel de la République française n° 0283, 22 novembre 2020. NOR: JUST2030158A. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000042545656/> (дата обращения: 12.12.2025).

⁴ Regulation (EU) No 910/2014 of the European Parliament and of the Council of 23 July 2014 on electronic identification and trust services for electronic transactions in the internal market // Official Journal of the European Union, L 257, 28.08.2014, P. 73–114. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/910/oj/eng> (дата обращения: 12.12.2025); Commission Implementing Decision (EU) 2015/1506 of 8 September 2015 laying down specifications relating to formats of advanced electronic signatures and advanced seals to be recognised by public sector bodies pursuant to Articles 27(5) and 37(5) of Regulation (EU) No 910/2014 // Official Journal of the European Union, L 235, 9.9.2015, P. 37–41. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dec_impl/2015/1506/oj/eng (дата обращения: 12.12.2025).

рования, что упрощает уведомление и архивирование.

Указ продолжает линию ранее принятых актов об электронной подписи решений Кассационного суда и коммерческих судов.

В практическом плане он экономит время, повышает читаемость открытых данных и упрощает работу с почтой и архивами, опираясь на стандартизованный европейский механизм аутентификации.

В перспективе такая реформа должна облегчить процессуальные процедуры, повысить качество рассмотрения дел, сохранить доказательственный материал и ускорить его использование¹.

Следовательно, достигнутый прогресс должен стать основой для дальнейшей модернизации цифрового гражданского судопроизводства.

На этом фоне Европейская комиссия 30 июля 2020 года представила дорожную карту цифровизации правосудия, указав на проблемы бумажного документооборота и доступа к правосудию, особенно в условиях кризиса здравоохранения².

Комиссия начала консультации, которые должны привести к принятию до-

кумента о цифровизации правосудия и обеспечении совместимости судебных систем в рамках сотрудничества ЕС³.

В 2014 году Франция была признана ООН одним из лидеров цифрового публичного управления, а в 2018 году Европейская комиссия высоко оценила ее цифровые публичные услуги и открытые данные. Это отражает последовательное использование информационных технологий в правовой сфере.

Таким образом, французское доказательственное право демонстрирует адаптацию классической системы письменных доказательств к цифровой экономике. Электронная почта и электронная подпись сохранены в правовой системе как функциональные аналоги бумажных документов, но формализм и требования к идентификации автора по-прежнему создают трудности. Практика подтверждает: эффективное использование электронных доказательств возможно при соблюдении условий целостности, надежной идентификации и участия судебных исполнителей и экспертов. Дальнейшая цифровизация требует более цельного регулирования всех видов цифровых доказательств.

Список источников

1. Géraldine Vial, Olivier Leclerc et Étienne Vergès. Preuves scientifiques et technologiques CA Paris, 15 mai 2019, n. 18/26775.
2. Aballea H. Signature électronique, quelle force pour la présomption légale? D. 2004. P. 2235.
3. Bruguière J.-M. La difficile preuve par e-mail. Rev. Lamy dr. civ. 2011. P. 179 – 199.
4. Grynbaum L. Le droit de l'écrit électronique : un frein au commerce en ligne. RLDI 2011. P. 67.
5. Caprioli E. Vérification d'écriture en matière d'écrit électronique. Communication Commerce Electronique n°10, Octobre 2006, comm. 149.

¹ Williams v. Sprint / United Management Company, 230 F.R.D. 640 (D. Kan. 2005) / U.S. District Court for the District of Kansas. URL: <https://dockets.justia.com/docket/kansas/ksdce/2:2003cv02200/42746> (дата обращения: 12.12.2025).

² European Commission. Digitalisation of justice in the EU: public consultation (Ares 2020 4029305) // European Commission — Have Your Say. URL: https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/12547-Digitalisation-of-justice-in-the-EU_en (дата обращения: 12.12.2025).

³ Williams v. Sprint / United Management Company, 230 F.R.D. 640 (D. Kan. 2005) / U.S. District Court for the District of Kansas. URL: <https://dockets.justia.com/docket/kansas/ksdce/2:2003cv02200/42746> (дата обращения: 12.12.2025).

6. Gautrais V. Preuve des reproductions : vues d'ailleurs! CDST. 2014 [en ligne], n. 4.
7. Franssen V., Berrendorf A., Corhay M. La collecte transfrontière de preuves numériques en matière pénale. Enjeux et perspectives européennes. e-Revue internationale de droit pénal. 2019. P. 24 – 31.

Информация об авторах

В.А. Максимов – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

А.Ю. Пиддубриная – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V.A. Maksimov – Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

A.Y. Piddubrinaya – Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 347.9

ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕДУКЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Михаил Юрьевич ПОРОХОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия. more03@inbox.ru

Аннотация. В статье исследуется вопрос о месте справедливости в современном российском цивилистическом процессе. Обосновывается, что одной из форм практической реализации требования справедливости выступает телеологическая редукция, понимаемая как ограничительное толкование процессуальной нормы в случаях, когда ее буквальное применение приводит к результату, противоречащему целям судопроизводства. Особое внимание уделяется соотношению процессуальной формы и материально-правовой защиты, пределам судебного усмотрения, а также разграничению телеологической редукции и толкования *contra legem*. На основе анализа положений ГПК РФ, АПК РФ, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и отдельных примеров судебной практики делается вывод о том, что телеологическая редукция допустима в процессуальном праве как исключительный интерпретационный прием, направленный на предупреждение чрезмерного формализма, но применяться она может лишь при соблюдении требований правовой определенности, равенства сторон и недопустимости подмены законодательного регулирования судебным правотворчеством.

Ключевые слова: справедливость, телеологическая редукция, судебный акт, формализм, правовая определенность, судебное толкование.

Для цитирования: Порохов М.Ю. Телеологическая редукция как средство обеспечения справедливости в цивилистическом процессе // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 157 – 163.

Original article

TELEOLOGICAL REDUCTION AS A MEANS OF ENSURING JUSTICE IN CIVIL PROCEDURE

Mikhail Y. POROKHOV

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, more03@inbox.ru

Abstract. The article explores the role of justice in modern Russian civil procedure. It is argued that one of the forms of practical implementation of the requirement of justice is teleological reduction, which is understood as the restrictive interpretation of a procedural norm in cases where its literal application leads to a result contradicting the objectives of proceedings. Particular attention is paid to the relationship between procedural form and substantive rights protection, the limits of judicial discretion, and the distinction between teleological reduction and *contra legem* interpretation. Based on an analysis of the provisions of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, the legal positions of the Constitutional

© Порохов М.Ю., 2026

Court of the Russian Federation, the guidance of the Supreme Court of the Russian Federation, and specific examples of judicial practice, the author concludes that teleological reduction is permissible in procedural law as an exceptional interpretative tool aimed at preventing excessive formalism. However, its application must adhere to the principles of legal certainty, equality of parties, and the inadmissibility of substituting legislative regulation with judicial lawmaking.

Keywords: justice, teleological reduction, judicial act, formalism, legal certainty, judicial interpretation

For citation: Porokhov M.Y. Teleological reduction as a means of ensuring justice in civil procedure. *Criminalist*. 2026;3(56):157-163. (In Russ.).

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — ГПК РФ) и Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — АПК РФ) закреплены такие требования к судебным актам, как законность, обоснованность и, применительно к арбитражному процессу, мотивированность¹. При этом категория справедливости как самостоятельное требование к судебному акту в названных кодексах прямо не сформулирована. Уже это обстоятельство позволяет поставить вопрос о том, каким образом справедливость, будучи одной из фундаментальных категорий права, достигается в современном цивилистическом процессе.

Проблема имеет не только теоретическое, но и выраженное прикладное значение. Судебная практика регулярно сталкивается с ситуациями, когда буквальное применение процессуальной нормы не столько обеспечивает правильное и своевременное рассмотрение дела, сколько создает формальное препятствие для доступа к правосудию, пересмотра судебного акта либо защиты материального права. В подобных случаях суду следует либо ограничиться формально правильным применением нормы, либо применять такую норму, учитывая ее цель и место в системе гарантий судебной защиты.

От выбора суда зависит не только исход конкретного дела, но и общая харак-

теристика правосудия. Если судебная деятельность реализует процессуальную форму, но при этом не достигает реального восстановления нарушенного права лица, то такая судебная защита вызывает сомнения. Именно поэтому категория справедливости должна рассматриваться как неотъемлемый внутренний ориентир судебного процесса.

В таком контексте интерес представляет телеологическая редукция. Этот способ толкования представляет собой ограничение буквального толкования нормы в тех случаях, когда буквальное применение приводит к результату, который противоречит самой цели правового регулирования. Для процессуального права, в отличие от материального, такая постановка вопроса неоднозначна [1], поскольку оно содержит нормы, обеспечивающие юридическую определенность, равенство участников и механизм рассмотрения дел. Вместе с тем именно в сфере процесса проблема соотношения цели применения нормы и ее буквального толкования проявляется особенно ярко.

Рассмотрим телеологическую редукцию в качестве одного из способов практической реализации справедливости в гражданском и арбитражном процессе.

В отечественной науке справедливость традиционно рассматривается как категория, находящаяся на стыке позитивного и ценностного начала права. Еще С.С. Алексеев подчеркивал, что право не исчерпывается формой государственной воли и включает в себя бо-

¹ Ст. 15 АПК РФ, ст. 195 ГПК РФ.

лее глубокие регулятивные и оценочные начала [2, с. 103 – 110]. В современной литературе идея справедливости обычно связывается с разумностью, соразмерностью и необходимостью недопущения чрезмерного формализма в правоприменении [3, с. 356 – 362]. При этом применительно к процессуальному праву вопрос о справедливости чаще всего ставится либо в контексте права на справедливое судебное разбирательство, либо через анализ отдельных процессуальных институтов — сроков, доступности правосудия, полномочий апелляционной и кассационной инстанций.

Категория телеологической редукции в российской процессуальной литературе разработана значительно слабее. Основные теоретические ориентиры здесь по-прежнему задаются общей теорией толкования и германской методологией права. К. Ларенц определял телеологическую редукцию как ограничение слишком широкого по своему словесному выражению правила в силу того, что его цель не распространяется на конкретный случай. Для нас эта позиция важна, поскольку позволяет рассматривать телеологическую редукцию не как произвольное смягчение закона, а как правовой способ сохранить норму в пределах ее назначения.

Отсутствие прямого указания на справедливость в числе общих требований к судебному решению не означает, что данная категория не имеет значения для процессуального права. Напротив, уже само содержание статьи 46 Конституции Российской Федерации предполагает, что судебная защита должна быть не формальной, а эффективной. На международном уровне эта идея выражена в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (прекратила действие в отношении России с 16 марта 2022 года), закрепляющей право на справедливое судебное разбирательство. Европейский суд по правам

человека¹ неоднократно подчеркивал, что право на судебную защиту должно быть не теоретическим и иллюзорным, а практическим и эффективным².

Именно в этом состоит ключ к пониманию места справедливости в цивилистическом процессе. Справедливость здесь не сводится к произвольной оценке того, «правильно» ли суд разрешил спор с точки зрения житейских представлений. Ее процессуальное измерение заключается прежде всего в том, допускает ли осуществляемая судом процедура реальную возможность защиты нарушенного или оспариваемого права в каждом конкретном деле. Если процессуальная форма используется таким образом, что дело устраняется из судебного рассмотрения по основаниям, не связанным с охраной принципиальных процессуальных гарантий, то возникает сомнение в соответствии такого подхода самой природе правосудия.

Конституционный Суд Российской Федерации многократно выражал близкую по смыслу позицию, говоря о том, что правосудие реализует свое назначение лишь тогда, когда обеспечивает справедливое разрешение дела и эффективное восстановление в правах³. При таком подходе справедли-

¹ В связи с прекращением членства Российской Федерации в Совете Европы решения Европейского суда по правам человека, вступившие в силу после 15 марта 2022 года, исполнению судами Российской Федерации не подлежат (Федеральный закон от 11 июня 2022 года № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»).

² Белеш и другие против Чешской Республики. Beles and others — Czech Republic № 47273/99 : по материалам Постановления Европейского Суда по правам человека от 12 ноября 2002 года (вынесено II Секцией). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объедине-

вым должен быть не только механизм разбирательства, но и его результат — восстановление в правах. Иначе говоря, справедливая судебная защита это не то же самое, что формальная законность.

Справедливость следует рассматривать как неотъемлемую характеристику судебной защиты. Она помогает определять пределы такого понимания законности, при котором буквальное применение процессуальной нормы начинает противоречить целям судебной защиты. При таком подходе справедливость — это критерий толкования процессуальной нормы.

Под телеологической редукцией следует понимать ограничительное толкование правовой нормы, поскольку применение такой нормы в конкретном случае приводит к результату, противоречащему цели правового регулирования. Здесь речь стоит вести об исключении из сферы действия нормы той ситуации, которая формально подпадает под ее действие, но не охватывается назначением этой нормы.

Для разграничения телеологической редукции и других подходов к толкованию закона нужно остановиться на следующих моментах. Во-первых, редукция не тождественна толкованию *contra legem*. При *contra legem* суд подменяет норму собственным решением. Во-вторых, телеологическая редукция не совпадает и с аналогией закона или права. Аналогия восполняет пробел; телеологическая редукция же ограничивает действие нормы исходя из целей закона. В-третьих, ее применение возможно только при условии, что цель применения нормы можно определить.

ние „Берег”», открытых акционерных обществ „Карболит», „Завод „Микропровод”» и „Научно-производственное предприятие „Респиратор”»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2010 г. № 1-П // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.03.2026).

Эта конструкция четко проявляется в процессуальных отношениях. Процессуальные нормы, по общему правилу, императивны, поскольку их формальный характер обусловлен самой правовой природой судопроизводства. Суду необходимы четкие правила, регулирующие стадии процесса, сроки, подсудность, порядок обжалования и др. Поэтому всякое использование телеологической редукции в процессе требует повышенной осторожности.

Однако формализованность процессуальной нормы еще не означает, что ее буквальное применение всегда тождественно правильному применению. Норма существует не ради самой процедуры, а ради обеспечиваемой ею цели. Если процессуальное правило начинает создавать препятствия судебной защите без достаточного функционального основания, то суд сталкивается с необходимостью соотнести текст нормы с ее назначением. И именно в этой точке телеологическая редукция становится юридически релевантной.

Формализм в процессе сам по себе не является негативным явлением. Более того, без известной степени формализации судопроизводство невозможно. Вопрос заключается в границе, за которой формализм перестает быть средством упорядочивания судебной защиты и превращается в механизм ее ограничения.

Такая граница определяется задачами самого процесса. Статья 2 ГПК РФ связывает гражданское судопроизводство с правильным и своевременным рассмотрением и разрешением дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов. Статья 2 АПК РФ помимо этого прямо указывает на справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок. Следовательно, процессуальная форма должна оцениваться не изолированно, а через ее соответствие задачам

судопроизводства. Если результат буквального применения нормы состоит в том, что защита права становится недоступной по причинам, не имеющим принципиального значения для целей правосудия, можно говорить о чрезмерном формализме.

В судебной практике чрезмерный формализм чаще всего проявляется в вопросах сроков, порядка подачи процессуальных документов, устранения недостатков жалоб и заявлений, а также в определении последствий отдельных процессуальных нарушений. Общим для этих ситуаций является то, что нарушение касается процедуры, но далеко не всегда затрагивает сущность правосудия. Между тем последствия такого нарушения могут оказаться несоразмерно тяжелыми: лицо лишается возможности обжаловать судебный акт, обратиться в суд либо добиться рассмотрения своих доводов по существу.

В подобных случаях буквальное применение нормы может привести к результату, который будет законным лишь внешне. Процессуальная форма при этом начинает обслуживать саму себя. Именно поэтому в современном цивилистическом процессе возникает потребность в таком способе толкования, который позволял бы отличать необходимый формализм от формализма избыточного.

Хотя термин «телеологическая редукция» практически не употребляется в актах высших российских судов, фактически соответствующий подход прослеживается достаточно отчетливо. Прежде всего это видно в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, который неоднократно подчеркивал, что процессуальные нормы не могут толковаться и применяться таким образом, чтобы право на судебную защиту становилось недоступным¹.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2010 г. № 1-П.

Уже сама эта формула предполагает, что буквальное содержание нормы должно соотноситься с конституционной целью судебной защиты.

Показательной является позиция Верховного Суда Российской Федерации по вопросу о подаче апелляционной жалобы. Как уже отмечалось, часть 1 статьи 321 ГПК РФ требует подавать жалобу через суд первой инстанции. Однако Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что подача апелляционной жалобы непосредственно в суд апелляционной инстанции не является основанием для ее возвращения заявителю; такая жалоба подлежит направлению в суд первой инстанции для выполнения предусмотренных законом действий². С точки зрения буквального текста нормы это решение не очевидно. Однако с точки зрения цели процессуального регулирования оно вполне оправданно. Цель правила состоит в организации движения дела, а не в лишении лица права на апелляционное обжалование при ошибке в адресате.

Именно в этом случае ясно проявляется логика телеологической редукции. Верховный Суд сохраняет обязательность статьи 321 ГПК РФ, но ограничивает ее чрезмерно формалистическое последствие. Он, по существу, исключает из буквальной сферы действия нормы такой вариант ее понимания, при котором право на апелляционное обжалование блокировалось бы исключительно из-за неправильного порядка подачи документа. Подобное решение не является ни аналогией, ни толкованием *contra legem*. Оно представляет собой именно ограничительное, целевое толкование нормы.

² О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 16. П. 14 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/30137/> (дата обращения: 12.03.2026).

Схожая логика обнаруживается и в вопросах оценки процессуальных нарушений как оснований для отмены судебных актов. Верховный Суд Российской Федерации в своих разъяснениях исходит из того, что не всякое нарушение процессуальной формы само по себе влечет безусловную отмену судебного акта. Значение имеет вопрос о том, повлияло ли нарушение на исход дела, лишило ли участников процесса их прав и подорвало ли гарантии справедливого разбирательства. Здесь снова видно, что суд оценивает не просто факт отступления от формы, а функциональное отношение этого отступления к цели соответствующей процессуальной нормы.

Не менее важны ситуации, связанные с восстановлением сроков и защитой прав лиц (как правило, несовершеннолетних), зависящих от действий законных представителей. Суды разумно исходят из того, что бездействие представителя не должно автоматически влечь для несовершеннолетнего утрату процессуальной возможности защиты материального права. Такой подход затрагивает в первую очередь вопросы применения процессуальных сроков, демонстрируя, что институт срока рассматривается судами как важнейший элемент доступности правосудия, а не только как пресекательный институт. Поэтому оценивание уважительности причин пропуска срока включает целевое толкование соответствующего правового института.

Несмотря на то что телеологическая редукция несет очевидную практическую функцию, ее нельзя рассматривать как способ толкования, который можно применять всегда и везде. Если всякий раз, когда суд посчитает решение, определение или постановление «несправедливыми», он будет, ссылаясь на цели правосудия, ограничивать действие нормы, то такой подход из толкования превратится в судебное правотворчество. Поэтому применение телеологической

редукции в процессуальном праве должно быть ограничено рядом принципиальных условий.

Во-первых, цель нормы должна быть объективно выявляема. Она не может выводиться исключительно из субъективного представления судьи о желательном результате. Ее следует устанавливать на основе текста закона, системных связей норм, задач судопроизводства, конституционных положений.

Во-вторых, буквальное применение нормы должно действительно приводить к результату, противоречащему ее цели. Недостаточно того, что такой результат кажется чрезмерно жестким или неудачным. Противоречие должно носить правовой, а не психологический характер.

В-третьих, ограничительное толкование не должно разрушать правовую определенность. Участники процесса должны сохранять возможность предвидеть юридические последствия своих действий. Именно поэтому телеологическая редукция допустима прежде всего в отношении тех норм, чья функция носит организационный или технический характер. Напротив, нормы, связанные с компетенцией суда, подсудностью и иными институциональными гарантиями, требуют большей сдержанности.

В-четвертых, телеологическая редукция не должна превращаться в способ восполнения законодательных пробелов там, где необходимо прямое нормативное решение. Суд не может под видом борьбы с формализмом создавать новое процессуальное правило.

Именно соблюдение этих условий позволяет рассматривать телеологическую редукцию как правомерный способ обеспечения справедливости, а не как форму произвольного усмотрения.

Исходя из всего сказанного, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, справедливость в процессе проявляется прежде всего как требование к такой организации судебной

защиты, при которой процессуальная форма не превращается в средство устранения спора из судебного рассмотрения по причинам, не имеющим принципиального процессуального значения.

Во-вторых, телеологическая редукция представляет собой один из механизмов толкования, через который требование справедливости получает практическое выражение. Она позволяет ограничить чрезмерно широкое буквальное действие процессуальной нормы тогда, когда такое действие приводит к результату, противоречащему цели правосудия.

В-третьих, российская судебная практика уже фактически использует подобный подход, хотя и не всегда называет его прямо. Это видно на примере разрешения вопроса о порядке подачи апелляционной жалобы, оценки последствий

процессуальных нарушений, восстановления сроков.

В-четвертых, допустимость телеологической редукции в процессуальном праве обусловлена жесткими пределами: она возможна лишь при выявляемости цели нормы, наличии действительного противоречия между буквальным применением и этой целью, сохранении правовой определенности и недопустимости толкования *contra legem*.

Тем самым справедливость и телеологическая редукция оказываются концептуально связанными. Справедливость выступает ценностным и конституционным ориентиром судебной защиты, а телеологическая редукция — одним из тех юридических способов, посредством которых этот ориентир реализуется в условиях формализованного цивилистического процесса.

Список источников

1. Ротань В.Г. Об одной особенности доктринального толкования гражданского законодательства // Толкование правовых актов (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой и трудо-правовой аспекты) : сборник научных статей по материалам V Всероссийской научно-практической конференции / Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. Симферополь : Ариал, 2022. С. 84 — 91.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1. Москва : Юрид. лит., 1981. 360 с.
3. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. Москва : Юрайт, 2022. 521 с.
4. Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции / пер. с нем. К.В. Нама. Москва : М-Логос, 2024. 357 с.

Информация об авторе

М.Ю. Порохов — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

M. Y. Porokhov — Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 347

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ГРАНИЦЫ АВТОРСКОГО ПРАВА В ЭПОХУ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Дарья Дмитриевна СТУКАЛОВА¹, Анна Викторовна СЛИНЬКО²

^{1,2} Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ stukalova-dd@ranepa.ru

² ani.slinko@yandex.ru

Аннотация. Искусственный интеллект (ИИ) все активнее проникает в повседневную жизнь, однако его правовой статус, особенно в контексте авторского права на произведения, созданные с его помощью, остается дискуссионным вопросом в юридической науке. В исследовании проанализирована правосубъектность ИИ — возможность рассматривать его как субъект права, изучены мнения российских и зарубежных экспертов о том, кто может считаться автором результатов творчества ИИ: сам ИИ, разработчик модели, пользователь, задавший промпт, или следует признать соавторство человека и ИИ. Также исследован вопрос о том, какие субъекты (человек, организация или сама система) могут обладать авторскими или смежными правами на объекты, созданные ИИ. Научная новизна работы заключается в выводах о круге субъектов, обладающих правами на интеллектуальную собственность, созданную с помощью ИИ, что призвано внести ясность в эту сложную правовую проблему.

Ключевые слова: правосубъектность, искусственный интеллект, субъекты права, право авторства, смежные права

Для цитирования: Стукалова Д.Д., Слинко А.В. Правосубъектность искусственного интеллекта: границы авторского права в эпоху нейросетевых технологий // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 164 – 173.

Original article

LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THE BOUNDARIES OF COPYRIGHT LAW IN THE ERA OF NEURAL NETWORK TECHNOLOGIES

Daria D. STUKALOVA¹, Anna V. SLINKO²

^{1,2} North-West Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia

¹ stukalova-dd@ranepa.ru

² ani.slinko@yandex.ru

Abstract. Artificial intelligence (AI) is increasingly integrating into everyday life; however, its legal status, particularly in the context of copyright for works created with its assistance, remains a subject of intense debate in legal scholarship. The study analyses the legal personality of AI — the possibility of recognizing it as a subject of law — and examines the opinions of Russian and international experts regarding the authorship of AI-generated works: whether the author should be the AI itself, the model developer, the user who provided the prompt, or whether joint

© Стукалова Д.Д., Слинко А.В., 2026

authorship between a human and AI should be recognized. Furthermore, the research investigates which entities (natural persons, legal entities, or the system itself) may hold copyright or related rights over objects produced by AI. The novelty of this study lies in its conclusions regarding the specific categories of rights holders entitled to intellectual property rights in works generated with the aid of AI, aiming to provide clarity on this complex legal issue.

Keywords: legal personality, artificial intelligence, legal subjects, copyright, related rights

For citation: Stukalova D.D., Slinko A.V. Legal personality of artificial intelligence: the boundaries of copyright law in the era of neural network technologies. *Criminalist*. 2026;3(56):164-173. (In Russ.).

Нейросети начинают приобретать все большую популярность в различных сферах человеческого творчества, включая написание текстов, создание изображений и видео, т. е. демонстрируют возможность компиляции и обработки информации, заложенную в них разработчиками программы. Любопытно привести позицию В.О. Калятина, который отмечает, что при активном развитии использования искусственного интеллекта (далее также — ИИ) в повседневной жизни людей, в том числе в их интеллектуальной деятельности, оно часто стало «прятаться» под «участием (реальным или мнимым) в разработке соответствующих результатов интеллектуальной деятельности людей» [1, с. 2–3], что нередко усложняет достоверную оценку доли результатов работы искусственного интеллекта и реального человека в итоговом произведении. По данным на конец 2025 года, исследование The Guardian (сейчас цитируется под брендом Kapwing) показало, что каждое пятое видео из рекомендаций YouTube для нового аккаунта — это ИИ-слоп¹. В эпоху стремительной цифровизации и повсеместной интеграции искусственного интеллекта в повседневные процессы остро встает вопрос о правовой охране результатов его деятельности. Проблема носит междисциплинарный харак-

тер, затрагивая не только юридические аспекты, но и технологические, этические, экономические реалии современного общества. Существующие правовые механизмы, сформированные в доцифровую эпоху, оказываются недостаточно гибкими для регулирования отношений по поводу принципиально новых объектов интеллектуальной собственности, порождаемых ИИ-системами. Суть коллизии заключается в фундаментальном противоречии между классическим пониманием авторства и природой ИИ-генерации. Традиционное авторское право исходит из презумпции творческого вклада человека: согласно ст. 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)² автором признается исключительно физическое лицо, чьим интеллектуальным трудом создан результат. Искусственный интеллект, будучи алгоритмической системой, не обладает правосубъектностью — он не может быть субъектом права, а значит, не вправе претендовать на авторство в юридическом смысле. Эта нормативная установка создает правовой вакуум в отношении произведений, сгенерированных полностью автономно, без непосредственного творческого участия человека. Однако ситуация усложняется, когда речь идет о гибридных сценариях,

¹ AI Slop Report: The Global Rise of Low-Quality AI Videos. Kapwing's research // Kapwing official cite. URL: <https://www.kapwing.com/blog/ai-slop-report-the-global-rise-of-low-quality-ai-videos/> (дата обращения: 28.12.2025).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ : текст с изм. и доп. на 23 июля 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102110716> (дата обращения: 12.01.2026).

где ИИ выступает инструментом в руках человека. Если пользователь задает параметры генерации, отбирает и редактирует результаты, вносит существенные коррективы, его вклад может расцениваться как достаточный для признания авторства. В таких случаях правовая охрана, вероятно, будет распространяться на конечного создателя, использовавшего ИИ как технологического помощника. Эта позиция подтверждается российской судебной практикой: например, в деле № А60-8560/2025 суд отклонил аргументы о чисто машинной генерации видеоряда, признав авторские права за лицом, доказавшим свой творческий вклад¹.

Искусственный интеллект в Российской Федерации давно законодательно урегулирован, а дефиниция указана в Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490, которым утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Под искусственным интеллектом следует понимать «комплекс технологических решений», который способен имитировать когнитивные функции человеческого мозга, включая выработку стратегии и самостоятельное принятие решений, деятельность которого способна сравниться с интеллектуальной деятельностью человека или даже превзойти ее. «Комплекс технологических решений» это, по своей сути, «информационно-коммуникационная инфраструктура, программное обеспечение (в том

числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений». Кроме понятия искусственного интеллекта, дается определение «сильного искусственного интеллекта», который отличается от первого способностями к взаимодействию с человеком и самостоятельной адаптации к внешним изменениям². Согласно информации сайта Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, на территории России функционирует федеральный проект «Искусственный интеллект», который направлен на интеграцию технологий в современную жизнь, а также на поддержку и развитие исследований и проектов в данной области³.

Несмотря на длительность применения и крайнюю степень изученности в юридической литературе, вопрос определения правосубъектности все еще вызывает споры в научно-юридической среде. Фактически каждый серьезный ученый в области юриспруденции предложил свое видение данного правового института. Анализируя все представленные научные труды, посвященные определению правосубъектности, авторы работы обращают внимание на тот факт, что чаще всего камнем преткновения являются именно необходимость и целесообразность выделения понятия правосубъектности при наличии дефиниций право- и дееспособности. При этом во-

¹ Постановление Арбитражного суда Свердловской области от 18 апреля 2025 г. по делу №А60-8560/2025 по иску ООО «Ю1» к ООО «Фастгеар» о взыскании компенсации за нарушение авторских прав на изображение (произведение) // Картотека арбитражных дел : сайт. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/81530786-3408-43a2-ba4d-bd1718fa2e13/0b2e9e77-c4d7-4580-bc3a-f09c34f9e9e2/A60-8560-2025_20250418_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 30.01.2026).

² О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 : текст с изм. и доп. на 15 февр. 2024 г. // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003?index=3> (дата обращения: 12.01.2026).

³ Федеральный проект «Искусственный интеллект» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/fed_proekt_iskusstvennyy_intellekt/ (дата обращения: 10.05.2024).

прос о субъектном составе правосубъектности не выяснялся, не разрешен вопрос о возможности наделения правосубъектностью систем, обладающих подобными человеку когнитивными функциями.

Под правосубъектностью понимается «свойство лица, его общественно-юридическое состояние, способность иметь и самостоятельно осуществлять права и обязанности, мера участия в правовых отношениях»¹. При этом отмечаются различия правосубъектности в зависимости от отрасли права, вида субъекта, а также уровня применения (международный или национальный). Особо подчеркнуто отнесение правосубъектности к элементам правового статуса личности.

Остродискуссионным является вопрос наделения ИИ правосубъектностью. Авторы Zhifeng Wen и Deyi Tong полагают, что ключевой момент того, может ли искусственный интеллект стать юридическим субъектом, заключается не в том, может ли искусственный интеллект получить права и может ли взять на себя обязательства, а в том, должен ли искусственный интеллект получить права и взять на себя обязательства. При обсуждении последнего ключевой вопрос заключается в том, соответствует ли это конечной цели человеческого интереса в долгосрочной перспективе, в то время как основная ценность человека как субъекта права не должна подвергаться сомнению [2]. Этот методологический сдвиг переносит фокус с чисто инструментальных характеристик ИИ на глубинные этико-правовые основания потенциального признания его субъектом права. Вклад данных исследователей заключается в формировании ценностно ориентированной методологии оценки правосубъектности ИИ. Их подход требует от законодателя не просто ре-

агировать на технологические вызовы, а осознанно конструировать правовые рамки, где инновации служат человеку, а не подменяют его, и это превращает дискуссию о правосубъектности ИИ из узкоюридической в междисциплинарную, включающую этику, философию права и социальную теорию, что, на наш взгляд, представляется действительно верной постановкой проблемы.

Решение проблемы определения правового статуса искусственного интеллекта с точки зрения авторского права занимает ученых несколько лет. Так, В.Б. Нагродская подчеркивает актуальность определения правового статуса искусственного интеллекта [3]. И.В. Понкин и А.И. Редькина дают авторское определение искусственного интеллекта как «сложной кибернетической компьютерно-программно-аппаратной системы», а также «системы электронной или гибридной, которая обладает когнитивно-функциональной архитектурой и наделена рядом свойств, в том числе определенного рода субъектностью в связи с частичной или полной автономией в принятии решений и адаптации к изменчивым внешним обстоятельствам» [4]. На основании вышеуказанного эти авторы предлагают создание для ИИ специального понятия (или правового статуса) — «кибер-субъект», при этом внутри данного правового статуса они предлагают разграничивать технологические группы разнообразного функционала, например наделяя «субъекты», работающие на основе искусственного интеллекта и адаптированные для работы в рамках военного комплекса, правовым статусом, отличным от правового статуса «субъекта» с помогающим, гражданским функционалом. И данная точка зрения имеет место быть не только в отечественной, но и в иностранной доктрине. Так, Mustafa Kenan Ustahaliloğlu считает, что с точки зрения автономного искусственного ин-

¹ Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://bigenc.ru/c/pravosubektnost-50cf05> (дата обращения: 12.05.2024).

теллекта на него можно наложить любое ограничение, только признав субъектом права, и рассматривает условия, сроки и последствия признания искусственного интеллекта полномочным субъектом права [5]. Признание искусственного интеллекта субъектом права вызывает глубокие сомнения. Вопрос о наличии души у человека — теологический и субъективный, не имеющий научного подтверждения. То есть размышления о правосубъектности, основанные на наличии или отсутствии у предполагаемого субъекта души, несостоятельны. Отсутствие у искусственного интеллекта сознания и чувств — это более существенные субъектные характеристики, однако они, скорее, относятся к морально-этической стороне вопроса, нежели к правовой. Фундаментальные противоречия между природой ИИ и традиционными правовыми концепциями делают невозможным наделение ИИ правосубъектностью. Правовой порядок опирается на представление о субъекте как носителе воли, способном осознанно вступать в правоотношения и нести ответственность. Искусственный интеллект, даже будучи высокоразвитым, лишен этих качеств. Он не обладает сознанием и автономным целеполаганием, а его действия сводятся к обработке данных по алгоритмам. Таким образом, несмотря на кажущуюся «творческую» продуктивность ИИ, за результатами всегда стоят человеческие намерения и инженерные решения. Это онтологическое различие между человеком и машиной создает непреодолимый барьер для признания ИИ полноценным субъектом права. Исходя из этих признаков, с точки зрения авторов, вопрос о правосубъектности ИИ нецелесообразен и не должен подниматься.

Авторы исследования считают, что нельзя проводить аналогию между правосубъектностью искусственного интеллекта и юридического лица, яв-

ляющегося продуктом человеческой деятельности. Юридическое лицо, хотя и обладает самостоятельностью в принятии решений, полностью зависит от воли своих учредителей и руководителей. ИИ, в свою очередь, демонстрирует двойственность: он может самостоятельно компилировать решения на основе заложенных скриптов, но его результаты требуют постоянного контроля со стороны человека. ИИ может имитировать человеческий интеллект, используя алгоритмы для моделирования, являясь как человекоподобным роботом, так и компьютерным устройством, содержащим интеллектуальные системы, а может просто относиться к набору программных систем, имитирующих человеческое мышление [4]. ИИ не может выражать собственной воли (лишь заранее прописанные создателями алгоритмы действий), не может иметь умысла (выраженного в какой-либо форме), а соответственно, не может самостоятельно отвечать за свои действия.

Право как социальный институт сформировано вокруг антропоцентричной модели: его нормы рассчитаны на регулирование поведения разумных, свободных и морально ответственных агентов. Попытка вписать ИИ в эту систему приводит к размыванию базовых юридических категорий [6]. Например, понятие вины теряет смысл применительно к системе, не имеющей внутреннего мира и ценностных ориентиров. Аналогично невозможно говорить о реальном авторстве ИИ в сфере интеллектуальной собственности — ведь творческий вклад, требуемый законом (ст. 1257 ГК РФ), предполагает осознанное создание произведения, а не генерацию текста или изображения на основе обученной модели.

Практические последствия признания ИИ субъектом права выглядят еще более проблематичными, особенно в вопросе ответственности за причи-

ненный ущерб. В условиях отсутствия деликтоспособности у ИИ становится неясным, кто должен возмещать ущерб: разработчик, владелец или сам ИИ. Механизм ответственности превращается в фикцию, поскольку нельзя привлечь к ответственности того, кто не понимает сути обвинения и не может понести наказание. Формальное наделение ИИ правами требует участия человека как посредника, что подрывает идею самостоятельного субъекта. Также признание правосубъектности ИИ вызывает риски для правовой системы, включая злоупотребления, разрушение баланса интересов (например, в трудовом праве) и нарушение принципов справедливости, так как ИИ не понимает моральных норм. Более рационально отказаться от «очеловечивания» технологий и сосредоточиться на альтернативах. Перспективные подходы включают: ИИ как объект права, что сохраняет ясность правоотношений и возлагает ответственность на владельцев; ИИ как вспомогательный инструмент с акцентом на ответственных лицах (разработчиках и владельцах); и квазисубъектность в специализированных сферах, признавая за ИИ отдельные права. Международный опыт подтверждает эти позиции: в России ИИ не считается правосубъектом, а в ЕС обсуждаются концепции «электронного лица» без фактического наделения правами. В США и Великобритании суды последовательно отказывают в признании ИИ автором или ответчиком [7]. Это свидетельствует о том, что ведущие юрисдикции предпочитают не ломать существующую правовую парадигму, а адаптировать ее к новым технологическим реалиям. Таким образом, невозможность признания ИИ субъектом права обусловлена не техническими ограничениями, а глубинной несовместимостью его природы с антропоцентричной правовой системой. Оптимальный путь — развитие гибких

правовых механизмов, регулирующих взаимодействие человека и ИИ без попытки наделить машину несвойственными ей качествами.

Очевидно, что искусственный интеллект не способен обладать правосубъектностью, следовательно, субъектом он быть признан не может, аргументация ученых, которая основана на перспективах относительной автономности искусственного интеллекта от человека, не может быть признана состоятельной. Стоит отметить, что данная точка зрения также соотносится и с общепринятой мировой доктриной, согласно которой нельзя считать объектами гражданского права и нельзя наделять правосубъектностью системы ИИ. На данный момент для любой национальной правовой системы это является определенностью, в том числе и для российской. Независимо от того, какого уровня развития достигнет (или не достигнет) искусственный интеллект, система ИИ является чьей-то собственностью [8].

Из этих рассуждений логично вытекает вывод об авторских правах на произведения, созданные с применением технологии ИИ. Анализируя терминологию, которую нормативно устанавливает Гражданский кодекс Российской Федерации, становится очевидным, что автором произведения может быть только гражданин, т. е. физическое лицо, которое на правах автора может в дальнейшем распоряжаться всей полнотой прав в отношении произведения, вплоть до отчуждения своих прав на него, и наделять искусственный интеллект тем же правовым статусом, что и автора, невозможно и субъектом права он не является. Именно поэтому законодатель определяет понятие ИИ именно через формулировку «имитировать когнитивные функции человеческого мозга».

Так как искусственный интеллект не может быть признан автором произведения и не является субъектом права,

открытым остается вопрос прав на произведения, созданные искусственным интеллектом, и вопрос правовой защиты прав интеллектуальной собственности на подобные произведения. Некоторые ученые предполагают, что права авторства на произведение могут принадлежать разработчику программы искусственного интеллекта, где было создано произведение [9], однако это утверждение не является совершенным. Автор программы обладает правами автора на саму программу, однако права автора не распространяются на произведения, созданные этой программой.

В научных кругах существует мнение о необходимости наделения искусственного интеллекта статусом, аналогичным статусу исполнителя авторского заказа [10], и установления правового регулирования произведений ИИ, сопоставимого с регулированием заказа по ст. 1288 ГК РФ. Согласно этой статье, сторонами договора выступают заказчик и автор (исполнитель), который за вознаграждение создает произведение и передает исключительные права на него заказчику. Однако подобное предложение имеет критический изъян: ИИ не может быть признан автором произведения, как уже установлено, поэтому идея «очеловечивания» ИИ на текущем этапе развития технологии представляется преждевременной и излишней. На данный момент ИИ функционирует на основе компиляции и переработки существующих произведений, создавая производные тексты и изображения. Оригинальность таких итоговых продуктов несопоставима с уникальными произведениями, созданными человеком. Эту точку зрения поддерживает Т.Е. Орлова, отмечая, что ИИ не может обладать авторскими правами, так как не является автором (человеком) [11]. При определении принадлежности авторских прав необходимо учитывать фактическое творческое участие человека в создании произведения.

Судебная практика по делам, связанным с использованием результатов деятельности программ искусственного интеллекта, только начала складываться¹. Определенного внимания заслуживает постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 февраля 2024 года по делу № А42-3966/2023. ИП Котелевец И.С. обратилась в суд с иском к ООО «Стоматологический центр „Жемчужина“» о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на изображение, сообщив, что Кочелаевский В.Г. создал фотографическое произведение с изображением зубов, а затем обнародовал изображение в Интернете, сопровождая его указанием своего ФИО. Между фотографом и истцом ранее был заключен договор, согласно которому осуществлена передача исключительного права на вышеуказанное произведение. При этом на странице сайта ответчика размещена статья, в которой воспроизведено и распространено аналогичное произведение с изображением импланта и зубов человека. Истец указал, что ответчик, будучи владельцем сайта, без разрешения использовал указанные фотографии через распространение в сети «Интернет» и тем самым нарушил исключительные авторские права. Ответчик в свою очередь указывал, что данное изображение сгенерировано нейросетью, соответственно, не может быть признано объектом авторского права, а само изображение используется в Интернете с 2014 года, т. е. еще до его создания истцом. В качестве доказательств авторства спорного изображения истцом представлен скриншот, в котором произведение открыто

¹ Обзор судебной практики по вопросам, связанным с использованием искусственного интеллекта, нейросетей и подобных цифровых технологий / подготовлен экспертами компании «Гарант». 2024 г. URL: <https://internet.garant.ru/document/redirect/481007526/0> (дата обращения: 12.05.2025).

в 3D-формате, который имеется только у автора изображения как обладателя исходного файла 3D-модели. Только Кочелаевский В.Г., как автор произведения, обладающий исходным файлом, имел возможность преобразовать файл в иной формат с большим разрешением. Таким образом, суд пришел к правомерному и обоснованному выводу о том, что истец подтвердил доказательствами факт размещения ответчиком спорной фотографии, автором которой является фотограф Кочелаевский В.Г.¹

Учитывая сложность и новизну спора, а также сложившуюся тенденцию по вынесению судебных решений с опорой на ранее состоявшиеся позиции и толкования судов, при рассмотрении аналогичных споров судам следует иметь в виду, что рассмотренная арбитражным судом ситуация очень специфична и камнем преткновения в ней явился именно тот факт, что, несмотря на использование технологии ИИ, в результате не было создано принципиально нового произведения, не произошло изменения финального образа. Технология использовалась только для улучшения качества и разрешения уже имеющегося изображения, сделанного физическим лицом. Со всем иначе будет обстоять дело в случае создания с помощью ИИ принципиально нового изображения.

Только оригинальные творческие работы могут подпадать под защиту авторских прав, а само понятие оригинальности в большинстве его прочтений требует наличия в качестве автора именно человека. И в англосаксонской, и в романо-германской системах права, в том числе в таких странах, как Испа-

ния и Германия, имеются положения, которые либо прямо, либо косвенно устанавливают правило, что авторским правом защищаются только произведения, созданные человеком. Британский ученый Andres Guadamuz полагает, что предоставление авторских прав человеку, который сделал возможным функционирование искусственного интеллекта, представляется наиболее разумным подходом [12].

Предлагаем разделить права на программу искусственного интеллекта и права пользователя. Программист обладает правами на программу, но не на результаты ее работы. Пользователь, который ввел запрос и получил результат, может иметь смежные права на произведение, если установлен и определен процент заимствования из исходных работ. В этом случае ИИ должен уведомлять пользователя об авторах исходной информации, чтобы избежать правовых споров, аналогичных ранее рассмотренным в судебной практике. Смежные права производны от авторских и ограничены правами на использование произведения. На наш взгляд, это является релевантной квалификацией для произведений ИИ, который не может считаться автором, но чьи результаты деятельности более широкие, чем у других программ. Таким образом, необходимо дополнить п. 1 ст. 1304 ГК РФ абзацем следующего содержания: «Изображения, полученные в результате использования компьютерных, в том числе графических, программ и искусственного интеллекта на основе первоначального уникального авторского изображения в случае возможности установления первоначального автора и определения процента заимствования».

При этом необходимо отметить, что следует руководствоваться тем же принципом, который существует в интел-

¹ Постановление Тринадцатого арбитражного суда от 6 февраля 2024 г. № 13АП-37912/2023. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS013&n=435724#xdUhuBUywwEHopQ7> (дата обращения: 09.05.2024).

лектуальном праве относительно прав на правки, вносимые новым автором в существующее произведение: если пользователь программы искусственного интеллекта самостоятельно внес

существенные изменения в результат, предложенный программой, используя последний как некую базу для нового произведения, в таком случае автором произведения является пользователь.

Список источников

1. Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы : доклад НИУВШУ / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» ; рук. авт. кол. В.О. Калятин. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. URL: <http://www.hse.ru/mirror/pubs/share/482492820.pdf> (дата обращения: 17.02.2026).
2. Zhifeng Wen, Deyi Tong. Analysis of the Legal Subject Status of Artificial Intelligence // Scientific Research Publishing. Beijing Law Review. Vol.14 No.1, March 2023. URL: <https://www.scirp.org/journal/paperinformation?paperid=122946> (дата обращения: 10.05.2024).
3. Нагродская В.Б. Новые технологии. Блокчейн / искусственный интеллект на службе права : научно-методическое пособие / под ред. Л.А. Новоселовой. Москва : Проспект, 2019. 128 с.
4. Понкин И.В, Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 1. С. 91 – 109.
5. Ustahaliloğlu M.K. Legal Personality of Artificial Intelligence. URL: https://www.researchgate.net/publication/367207390_Legal_Personality_of_Artificial_Intelligence (дата обращения: 10.05.2024).
6. Future of the Artificial Intelligence: Object of Law or Legal Personality? URL: <https://www.lawjournal.digital/jour/article/view/184#:~:text=Artificial%20intelligence%20system%20as%20an,development%2C%20AI%20system%20is%20C2%A0someone's%20property> (дата обращения: 12.05.2024).
7. Чаннов С.Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 12 (145). С. 944 – 107. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.094-109.
8. Свиридова Е.А. Проблема определения субъекта авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом // Государство и право. 2021. №. 2. С. 95 – 103.
9. Абдрахимова В.Р., Смоленский М.Б. Право авторства на произведения, созданные искусственным интеллектом: проблемы управления и перспективы развития // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 1 (164). С. 87 – 90.
10. Герфанова М.Р. Авторское право и искусственный интеллект // Актуальные вопросы эксплуатации систем охраны и защищенных телекоммуникационных систем : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 10 июня 2021 года / Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Воронеж : Воронежский ин-т МВД России, 2021. С. 165 – 166.
11. Орлова Т.Е. Авторское право на результаты деятельности искусственного интеллекта // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 204 – 221.
12. Guadamuz A. Artificial intelligence and copyright // World Intellectual Property Organization Magazine. 2017. № 5. URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2017/05/article_0003.html (дата обращения: 12.05.2024).

Информация об авторах

Д.Д. Стукалова – старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

А.В. Слинко – старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Information about the authors

D.D. Stukalova – Senior Lecturer at the Department of Civil and Labor Law of the North-West Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;

A.V. Slinko – Senior Lecturer at the Department of Civil and Labor Law of the North-West Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

ПЕРСОНАЛИИ В НАУКЕ

Персоналии
УДК 343.2

ВКЛАД ПРОФЕССОРА В.С. ПРОХОРОВА В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УЧЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Екатерина Николаевна РАХМАНОВА¹, Кристина Александровна КРАСНОВА²

^{1,2} Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия
имени В.М. Лебедева, Санкт-Петербург, Россия

¹ ekaterina.rachmanova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4602-4676>

² kkrasnova@mail.szfrgup.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1545-8025>

Аннотация. Современная уголовная политика, претерпевающая значительные изменения, зачастую демонстрирует тенденцию к ситуативной и не всегда научно обоснованной криминализации новых явлений, что порождает необходимость обращения к теоретическим истокам отечественного уголовного права. Статья посвящена анализу научного наследия профессора В.С. Прохорова, вклад которого в отечественное учение о преступлении оставался недооцененным в определенные исторические периоды развития страны. Целью исследования является комплексный анализ теоретических положений профессора В.С. Прохорова в области учения о преступлении и его признаков, уголовной ответственности и механизма уголовно-правового регулирования. Проведен обзор основных трудов профессора В.С. Прохорова с современных позиций и с последующей интерпретацией его концепций в контексте современных теоретических и практических задач уголовного права, включая фундаментальный пятитомный «Курс советского уголовного права» и монографию «Преступление и ответственность». Результаты исследования показали, что теоретические взгляды профессора В.С. Прохорова на понятие преступления, его общественную опасность и противоправность, общие вопросы уголовной политики, включая проблему профилактики, а также личность преступника, сохраняют исключительную актуальность и сегодня.

Ключевые слова: В.С. Прохоров, учение о преступлении, общественная опасность преступления, противоправность, уголовная политика, эффективность уголовно-правового регулирования, история правовой науки

Для цитирования: Рахманова Е.Н., Краснова К.А. Вклад профессора В.С. Прохорова в развитие отечественного учения о преступлении // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 174 – 180.

© Рахманова Е.Н., Краснова К.А., 2026

PROFESSOR V.S. PROKHOROV'S CONTRIBUTION
TO THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN DOCTRINE OF CRIMEEkaterina N. RAKHMANOVA¹, Kristina A. KRASNOVA²^{1,2} North-Western branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
St. Petersburg, Russia¹ ekaterina.rachmanova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4602-4676>² kkrasnova@mail.szfrgup.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1545-8025>

Abstract. Contemporary criminal policy, which is undergoing significant changes, often demonstrates a tendency toward the situational and not always scientifically justified criminalization of new phenomena, thereby creating a need to refer to the theoretical foundations of domestic criminal law. This article is devoted to the analysis of the scientific legacy of Professor V.S. Prokhorov, whose contribution to the domestic doctrine of crime has been underestimated during certain historical periods of the country's development. The aim of the study is to provide a comprehensive analysis of Professor V.S. Prokhorov's theoretical positions concerning the concept of crime and its attributes, criminal responsibility, and the mechanisms of criminal-legal regulation. The study reviews his major works from a modern perspective, followed by an interpretation of his concepts in the context of contemporary theoretical and practical tasks of criminal law, including the fundamental five-volume «Course of Soviet Criminal Law» and the monograph «Crime and Responsibility». The research results showed that Professor V.S. Prokhorov's theoretical views on the concept of crime, its social danger and unlawfulness, general issues of criminal policy (including crime prevention), and the personality of the offender remain highly relevant today.

Keywords: V.S. Prokhorov, doctrine of crime, social danger of crime, unlawfulness, criminal policy, effectiveness of criminal-legal regulation, history of legal science

For citation: Rakhmanova E.N., Krasnova K.A. Professor S.V. Prokhorov's contribution to the development of russian doctrine of crime. *Criminalist*. 2026;3(56):174-180. (In Russ.).

Российская уголовно-правовая наука формировалась и развивалась на протяжении многих десятилетий, объединяя усилия нескольких поколений ученых-правоведов. За более чем столетнюю историю развития уголовного права определились как общепризнанные классические работы, регулярно цитируемые и используемые и в науке, и на практике, так и менее заметные, но не менее содержательные исследования, известные узкому кругу специалистов. Многообразие авторских подходов и научных школ создает богатый фон для анализа фундаментальных основ уголовного права и их трансформации под воздействием науки, практики и законодательства.

Профессор Вадим Семёнович Прохоров получил широкое научное признание прежде всего как соавтор пятитомного «Курса советского уголовного права», подготовленного кафедрой уголовного права юридического факультета Ленинградского государственного университета, в котором на поистине монографическом уровне обобщил достижения советской науки уголовного права в области учения о преступлении и его признаках, прежде всего общественной опасности преступления, а также наиболее значимых категорий Общей части уголовного права, таких как уголовная ответственность, соучастие в преступлении, механизм уголовно-правового регулирования [1].

Но роль В.С. Прохорова в развитии отечественной науки уголовного права не ограничивается участием в написании «Курса советского уголовного права», в его научном наследии свыше 50 работ, включая четыре монографии и участие в подготовке Комментария к Уголовному кодексу РСФСР 1960 года [2]. Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем приветственном слове участникам научно-практической конференции «Развитие учения о преступлении и ответственности в уголовном праве XXI века» особо отметил, что В.С. Прохоров «внес поистине уникальный вклад в развитие юридической науки, отечественного высшего образования, воспитал не одно поколение квалифицированных специалистов, которые сегодня достойно проявляют себя на научном, педагогическом, общественном поприще, на ответственной государственной службе»¹.

Примером значимости взглядов В.С. Прохорова является его утверждение, что «изучение уголовного закона и практики его применения — теоретический фундамент обеспечения законности при осуществлении правосудия по уголовным делам» [3, с. 5]. Важность этого принципа была подчеркнута 24 сентября 2025 года, когда Игорь Викторович Краснов, отвечая на вопросы сенаторов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, акцентировал внимание на «продолжении служению законности»², которое невозможно без опоры на тот самый теоретический фундамент, о котором писал В.С. Прохоров.

¹ Участникам научно-практической конференции «Развитие учения о преступлении и ответственности в уголовном праве XXI века», приуроченной к 95-летию со дня рождения В.С. Прохорова / В.В. Путин. URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/78129> (дата обращения: 03.10.2025).

² Игорь Краснов: служение законности и правосудию. URL: <https://zhurnalsudya.ru/tpost/dtsfzmr671-igor-krasnov-sluzhenie-zakonnosti-ipravo> (дата обращения: 01.10.2025).

Обратившись к обзору научных исследований Общей части уголовного права в 1968 — 1978 годах, сделанному профессором В.С. Прохоровым в пятом томе «Курса советского уголовного права», мы обнаруживаем три основные проблемы, ранее выходившие «за рамки традиционно разрабатывавшейся тематики» [1, с. 452].

Во-первых, это общие вопросы уголовной политики, включающие в себя определение главных направлений борьбы с преступностью, основных задач, подлежащих решению на том или ином этапе развития государства, важнейших средств, обеспечивающих достижение поставленных целей. В.С. Прохоров считал, что профилактика преступлений — это основное направление борьбы с преступностью, особо подчеркивая ее приоритет над репрессивными мерами. Будучи соавтором монографии «Механизм уголовно-правового регулирования. Норма, правоотношение, ответственность» [4], где он совместно с Н.М. Кропачевым и А.Н. Тарбагаевым раскрыл структуру механизма уголовно-правового регулирования как норму, реализационные акты и уголовно-правовые отношения, он способствовал научным дискуссиям о балансе криминализации и декриминализации деяний. В.С. Прохоров определял уголовную политику как систему норм, правоотношений и ответственности, в которой центральное место занимает соотношение общественной опасности деяния и вины виновного, что позволяет оптимизировать предупреждение преступлений. Он подчеркивал, что механизм уголовно-правового регулирования интегрируется в общий механизм правового регулирования, наследуя его свойства, включая регулятивные уголовно-правовые отношения, обязывающие граждан к правомерному поведению и государство — к обеспечению условий для этого, а в случае нарушения

— к применению уголовной ответственности. Как главный редактор журналов «Правоведение» (1990—1995 годы) и «Юридическая практика» (с 1999 года) В.С. Прохоров поддерживал научные дебаты, посвященные этим темам, тем самым формируя доктрину предупреждения преступности как гуманистический вектор уголовной политики. Он исходил из того, что механизм уголовно-правового регулирования является составной и неотъемлемой частью общего механизма правового регулирования и, соответственно, как часть последнего имеет некоторые его основные свойства. В частности, в числе основных звеньев механизма правового регулирования он выделял нормы уголовного права, акты их реализации и уголовно-правовые отношения [5; 6, с. 47].

Идеи Прохорова о профилактике преступности и балансе криминализации/декриминализации продолжают влиять на разработку принципов индивидуализации наказания, учитывающих личность виновного, степень его опасности и цели воздействия. В современной российской доктрине они отражаются в дискуссиях о декриминализации малозначительных деяний и усилении превентивных мер, где соотношение опасности и вины служит критерием дифференциации ответственности.

Во-вторых, ознакомившись с дискуссией об эффективном уголовно-правовом регулировании, мы видим научное противостояние двух школ — свердловской и ленинградской. Противоречия этих двух направлений особенно ярко проявились в различных подходах к оценке эффективности уголовного законодательства. Представитель свердловской юридической школы М.И. Ковалев, в частности, писал, что указанная проблема «полностью исчерпывается установлением того полезного результата, который приносит применение уголовно-правовых норм в предупреж-

дении и пресечении преступных проявлений» [1, с. 453]. Не соглашаясь с ним, профессор Вадим Семенович Прохоров, напротив, утверждал, что «эффективность следует рассматривать как явление многоплановое, включающее в себя различные аспекты», в том числе такой аспект, как «характер и степень участия соответствующих правовых институтов и норм в решении общесоциальных задач, выходящих за рамки их специфических задач» [1, с. 455], сформулированный академиком В.Г. Афанасьевым [7, с. 306]. В.С. Прохоров подчеркивал, что предмет уголовно-правового регулирования охватывает не только охранительные, но и регулятивные отношения между государством, личностью и обществом, обеспечивая правомерное поведение через запреты и полномочия. Эффективность регулирования, согласно его концепции, достигается за счет механизма, включающего нормы, акты реализации и отношения, что позволяет влиять на всю систему охраняемых благ. Его подход дополнял традиционные теории, акцентируя внимание на роли уголовного права в установлении правопорядка [6, с. 42].

В-третьих, проблемы личности преступника, разрабатывавшиеся особенно интенсивно в анализируемый период в трех аспектах: уголовно-правовом, криминологическом, пенитенциарном. Ведущие советские ученые (Б.С. Волков, П.С. Дагель, К.Е. Игошев, В.Н. Кудрявцев, Н.С. Лейкина, А.Б. Сахаров, В.Д. Филимонов) обращались к анализу личности преступника, описывая ее особенности, основные причины криминального поведения, что, по мнению В.С. Прохорова, решало не только специфические задачи профилактики преступлений, но и имело «важное уголовно-правовое значение» [1, с. 454]. Он рассматривал личность преступника как элемент механизма регулирования, где криминологические характеристики

(социально-демографические, уголовно-правовые и нравственно-психологические) определяют степень ответственности и цели наказания. Эффективность регулирования зависит от учета этих свойств для предупреждения рецидива и исправления [5; 8; 9].

Таким образом, в рассматриваемый период (1968—1978 годы) проблематика уголовно-правовых исследований существенно расширилась, что «потребовало дальнейшего развития методологии уголовно-правовых исследований» [1, с. 455]. Вместе с тем следует отметить, что даже в условиях активно развивавшихся междисциплинарных подходов, характерных для 70—80-х годов XX века, когда криминология уже функционировала как самостоятельная наука, ученые-юристы продолжали уделять пристальное внимание фундаментальным категориям и институтам уголовного права. В фокусе их исследований неизменно оставались такие ключевые проблемы, как понятие преступления, уголовно-правовые отношения, уголовная ответственность, вина, основания уголовной ответственности, а также вопросы соучастия и множественности преступлений [1, с. 457].

После десятилетий игнорирования и даже определенного неприятия в 90-е годы прошлого века советской уголовно-правовой школы 70—80-х годов в целом и работ Вадима Семёновича Прохорова в частности, которые казались устаревшими на фоне новых либеральных веяний, сегодня мы становимся свидетелями возрождения интереса к его научному наследию, что в определенной мере объясняется кризисом современной уголовной политики, которая зачастую проявляет себя как инструмент ситуативной и недостаточно научно обоснованной криминализации. В результате новые вызовы и угрозы безопасности личности, общества и государства приводят к поспешному расширению уго-

ловной ответственности, что создает хаос в законодательстве и подрывает принципы законности. В этом контексте фундаментальные исследования профессора В.С. Прохорова о сущности преступления, о материальных и формальных признаках общественной опасности, а также о системных критериях криминализации предлагают столь необходимую теоретическую базу для возвращения к рациональной, научно выверенной и принципиальной уголовной политике.

Актуальность теоретических взглядов профессора В.С. Прохорова подтверждает его фундаментальный труд «Преступление и ответственность», опубликованный в 1984 году [3]. Востребованность разработанных им фундаментальных положений о преступлении, его общественной опасности и противоправности была доказана временем и подтверждается в работах ученых-правоведов более позднего периода.

В частности, в этой работе он рассматривает разнообразные по своему характеру последствия преступления, которые, по его мнению, «предопределяют назначение уголовной ответственности и наказания» [3, с. 63]. Далее, раскрывая суть противоправности преступления, которая заключается в нарушении требований уголовно-правовой нормы, он справедливо отмечает, что «противоправность производна от общественной опасности, так как законодатель устанавливает запрет совершать определенное действие именно в силу его общественной опасности» [3, с. 63].

В рамках обсуждения противоправности как признака преступления В.С. Прохоров обозначает проблему определения правовой природы и правовых последствий совершения малозначительного деяния, которая спустя сорок лет связывается не столько с пониманием основания уголовной ответственности, но в большей мере об-

суждается как уголовно-политическая проблема соотношения полномочий законодателя и правоприменителя в конструировании такого основания [10, с. 61 – 83].

Примечательно, что профессор В.С. Прохоров понимал под уголовной противоправностью не только наличие уголовно-правовых запретов в статьях Особенной части Уголовного кодекса, но, соглашаясь в данном случае с М.И. Ковалевым, считал, что «противоправны действия, запрещенные не только указанными статьями, но и нормами Общей части Уголовного кодекса, например, действия подстрекателей, организаторов и пособников», а «нормы Особенной части всегда действуют в органическом единстве с нормами Общей части и последние поэтому применимы ко всем нормам Особенной части» [3, с. 64]. Тем самым через противоправность как признак преступления профессор В.С. Прохоров в самом концентрированном виде раскрывал взаимосвязь Общей и Особенной частей уголовного права, что важно учитывать и в современных научных исследованиях, и в правоприменительной практике.

В этом труде также отражены две конкурирующие в науке концепции уголовно-правового регулирования. В частности, В.С. Прохоров критикует подход В.Г. Смирнова, в силу которого «нормы уголовного законодательства определяют права и обязанности сторон общественного отношения, возникающего вследствие совершения какого-либо преступления» [3, с. 64 – 65]. Между тем В.С. Прохоров верно подчеркивает, что «уголовное право как система уголовно-правовых норм адресовано всем: гражданам, действующим в самых разнообразных областях общественной жизни, и специальным субъектам, поведение которых осуществляется в особых областях общественной жизни» [3, с. 65]. Его позиция созвучна современ-

ному подходу к определению предмета отрасли уголовного права, которая регулирует «сравнительно узкий круг (отношения, наиболее ценные для общества)» [3, с. 66].

Наказуемость, по его мнению, как признак преступления «является проявлением его уголовной противоправности: нарушение нормы приводит в действие ее санкцию» [3, с. 68].

Завершая, необходимо признать фундаментальный вклад профессора В.С. Прохорова в развитие отечественной уголовно-правовой науки. Его идеи о составе преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона) интегрированы сегодня в доктрину и практику, влияя на квалификацию преступлений, они заложили основу для глубокого понимания таких ключевых уголовно-правовых понятий, как преступление и его признаки (прежде всего общественная опасность и противоправность), уголовная ответственность и механизм уголовно-правового регулирования [4], соучастие в преступлении [11] и др. В.С. Прохоров существенно расширил проблематику исследований, включив в орбиту научного анализа вопросы уголовной политики (с акцентом на профилактику), многоаспектного понимания эффективности уголовно-правового регулирования (преодолевая узкопрагматические подходы) и комплексного изучения личности преступника в его уголовно-правовом, криминологическом и пенитенциарном измерениях. Особую ценность представляют идеи В.С. Прохорова о производности противоправности от общественной опасности, а также о неразрывном единстве Общей и Особенной частей уголовного права, проявляющемся через признак противоправности.

Несмотря на прошедшие десятилетия, идеи профессора В.С. Прохорова не утратили своей актуальности, что подтверждается всплеском интереса к его

трудам в условиях современной динамичной и порой ситуативной уголовной политики. Его взгляды на предмет уголовно-правового регулирования, охватывающий наиболее ценные общественные отношения, остаются созвучными нынешним подходам. Таким образом,

наследие В.С. Прохорова представляет собой теоретический фундамент не только для осмысления исторического развития отечественной уголовно-правовой мысли, но и для решения современных задач уголовного права.

Список источников

1. Курс советского уголовного права. В 5 т. Т. 5 / В.К. Глистин, Н.П. Грабовская, В.С. Прохоров [и др.]. Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1981. 654 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. / Ленинградский ордена Ленина государственный университет им. А.А. Жданова ; под ред. М.Д. Шаргородского, Н.А. Беляева. Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1962. 459 с.
3. Прохоров В.С. Преступление и ответственность. Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. 136 с.
4. Кропачев Н.М., Прохоров В.С., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования. Норма, правоотношение, ответственность : монография / науч. ред. Н.А. Беляев. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. 208 с.
5. Васильченко А.А. К вопросу о понятии, теоретическом значении и структуре механизма уголовно-правового регулирования // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3 (43). С. 46 – 50.
6. Епифанов О.С. О регулятивных уголовно-правовых отношениях и их элементах // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2022. № 2 (32). С. 41 – 46.
7. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом : (Опыт системного исследования). 2-е изд., доп. Москва : Политиздат, 1973. 391 с.
8. Кропачев Н.М., Прохоров В.С. Механизм уголовно-правового регулирования. Уголовная ответственность : учебное пособие. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 60 с.
9. Кропачев Н.М., Прохоров В.С., Тарбагаев А.Н. Уголовная ответственность и применение санкции уголовно-правовой нормы // Гарантии прав личности и проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов. Ярославль : Изд-во Яросл. ун-та, 1989. С. 51 – 57.
10. Пудовочкин Ю.Е. Малозначительность деяния в контексте учения об общественной опасности и о составе преступления // Уголовное право. 2025. № 1 (173). С. 61 – 83.
11. Прохоров В.С. Вопросы теории соучастия в советской уголовно-правовой литературе // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1962. № 2. С. 124 – 129.

Информация об авторах

Е.Н. Рахманова – заведующий кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, доктор юридических наук, доцент;

К.А. Краснова – доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

E.N. Rakhmanova – Head of the Department of Criminal Law of the North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Doctor of Science (Law), Associate Professor;

K.A. Krasnova – Associate Professor at the Department of Criminal Law of the North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Персоналии
УДК 34

ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ М.Б. ВАНДЕРА В ОБЕСПЕЧЕНИИ СЛЕДСТВИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ (К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО)

Алексей Васильевич ХОЛОПОВ¹, Ольга Юрьевна ДЕМЕНТЬЕВА²,
Оксана Евгеньевна ТИМОЩУК³

^{1,2,3} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ alekseiholopov@yandex.ru

² Olenyka_k82@mail.ru

³ okstim23@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена выдающемуся ученому-криминалисту, видному представителю Санкт-Петербургской школы криминалистики М.Б. Вандеру. Авторы представили наиболее яркие вехи его биографии и анализ научного наследия ученого.

Ключевые слова: М.Б. Вандер, криминалистика, микрочастицы, судебная микрология

Для цитирования: Холопов А.В., Дементьева О.Ю., Тимощук О.Е. Значение научного наследия М.Б. Вандера в обеспечении следствия криминалистическими технологиями (к 95-летию со дня рождения ученого) // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 181 – 189.

Personalities

THE SIGNIFICANCE OF M.B. VANDER SCIENTIFIC LEGACY IN SUPPORTING INVESTIGATIVE WORK WITH FORENSIC TECHNOLOGIES (TO THE 95TH ANNIVERSARY OF THE SCIENTIST'S BIRTH)

Alexey V. KHOLOPOV¹, Olga Y. DEMENTYIEVA², Oksana E. TIMOSHCHUK³

^{1,2,3} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ alekseiholopov@yandex.ru

² Olenyka_k82@mail.ru

³ okstim23@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the outstanding forensic scientist and prominent representative of St. Petersburg School of Criminalistics, Professor M.B. Vander. The authors outline the most significant milestones of his biography and provide an analysis of his scholarly legacy.

Keywords: M.B. Vander, criminalistics, microparticles, microscopic particles, forensic micrology

For citation: Kholopov A.V., Dementyeva O.Y., Timoshchuk O.E. The significance of M.B. Vander scientific legacy in supporting investigative work with forensic technologies (to the 95th anniversary of the scientist's birth). Criminalist. 2026;3(56):181-189. (In Russ.).

Институт на Литейном, 44 с момента своего основания обучал следственных работников и прокуроров-криминалистов прокуратуры, а впоследствии (до момента образования учебных учреждений Следственного комитета России) следователей и криминалистов Следственного комитета практически до 2014 года. Причем в Институте преподавание криминалистики имело преимущественно практико-ориентированный характер, так как следователей и криминалистов необходимо было не только обучить основам аналитического (следственного) мышления и предоставить систему знаний по организации процесса расследования преступлений, но и привить практические навыки использования широкого спектра технико-криминалистических и научно-технических средств по поиску, обнаружению, фиксации, изъятию, исследованию и упаковке (удостоверению) различных объектов-доказательств.

Для этого в Институте функционировали учебные криминалистические лаборатории (фото- и видеолaborатории, лаборатории трасологии, судебной баллистики, исследования документов, судебной микрологии), в которых преподавателями кафедр криминалистики (в определенный период истории Института функционировало четыре кафедры криминалистики) следователям и криминалистам передавались знания и практические навыки по освоению новейших и эффективных технико-криминалистических средств и методов, используемых в процессе расследования преступлений.

Уникальность Института на Литейном, 44 в обучении следователей и криминалистов заключалась в том, что преподавательская работа в аудиториях и учебных лабораториях проводилась учеными-криминалистами кафедр криминалистики, осуществлявшими научно-исследовательскую деятельность,

результатом которой было создание не только новых методик расследования преступлений, но и изобретение новых технико-криминалистических приборов, средств и методов их применения для обеспечения следствия необходимым криминалистическим инструментарием и технологиями.

Таким изобретателем, новатором, основателем новых направлений и научных школ в криминалистике являлся ученый-криминалист Михаил Борисович Вандер.

Становление Михаила Борисовича как ученого-криминалиста началось с получения высшего образования в Ленинградском юридическом институте им. Калинина, в котором он учился на очном отделении с 1949 по 1953 год. По окончании института с 1953 по 1954 год он работал адвокатом в коллегии адвокатов г. Улан-Удэ Бурят-Монгольской АССР.

В личных беседах Михаил Борисович отмечал, что, несмотря на полученное высшее юридическое образование, всегда интересовался точными науками, в связи с чем много читал научных журналов и книг по техническим дисциплинам. Можно сказать, что в результате этого с 1955 по 1956 год юрист Вандер работал лаборантом физической лаборатории Военной академии им. Можайского в г. Ленинграде.

Наработка первичного криминалистического опыта Михаилом Борисовичем началась в 1956 году при прохождении службы в управлении милиции Ленгорисполкома следователем, а с 1958 года он перешел на работу в спецотряд на должность начальника группы.

Формирование изобретательского таланта и новаторства в становлении криминалиста Вандера также основано на прохождении им заочного обучения с 1958 по 1961 год в Механическом техникуме г. Ленинграда по специальности техник-механик. При этом с 1959 по 1964

год он работал на предприятии — Ленинградском электромеханическом заводе (ЛЭМЗ), сначала рядовым рабочим, а закончил должностью инженера лаборатории.

Именно дополнительные технические знания в сочетании с успешным опытом работы на ЛЭМЗ сформировали те уникальные практические навыки, благодаря которым Михаил Борисович мог осуществлять разработку новых и модернизацию имеющихся научно-технических средств в криминалистике.

В 1964–1968 годах Михаил Борисович учился в аспирантуре Всесоюзного заочного юридического института (ВЮЗИ, г. Москва), где по окончании обучения защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Следственный осмотр предметов» [1]. Там же начался преподавательский путь будущего профессора-криминалиста.

Следующий этап формирования М.Б. Вандера как криминалиста приходится на 1969 год. В этом году по направлению юридической комиссии при Совете Министров РСФСР Михаил Борисович был принят в Центральную Ленинградскую научно-исследовательскую криминалистическую лабораторию (ныне — Северо-Западный центр судебных экспертиз Министерства юстиции Российской Федерации), в которой работал в период с 1971 по 1973 год старшим научным сотрудником и руководителем группы.

Опыт работы в экспертных учреждениях Михаил Борисович обобщил в научных работах, посвященных особенностям назначения и производства криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий [2; 3].

В апреле 1973 года Михаил Борисович перешел на преподавательскую работу в Институт на Литейном, 44 (в те годы — Институт усовершенствования следственных работников органов прокура-

туры и охраны общественного порядка) на должность старшего преподавателя кафедры криминалистической техники. На момент поступления на работу в Институт Михаил Борисович уже был автором 12 научных работ.

В лице Михаила Борисовича наш Институт приобрел специалиста высокого класса, имеющего опыт следственной и экспертной работы и использующего в преподавании последние достижения криминалистики. Наряду с преподавательской работой Михаил Борисович уделял большое внимание научным исследованиям, нацеленным на совершенствование деятельности криминалистов и следователей. Одним из результатов научных исследований профессора Вандера, проводимых в Институте и внесших значительный вклад в разработку и внедрение в практику нового направления в криминалистике, является использование микрочастиц в расследовании преступлений [4; 5; 6]. В книге «В мире криминалистики», где описываются некоторые стороны и этапы истории криминалистики, И.Ф. Крылов отмечал: «Советский криминалист М.Б. Вандер, признавая междисциплинарный характер учения о микроследах (микрочастицах), предложил учение о них называть судебной микрологией» [7]. Михаил Борисович является родоначальником одного из актуальнейших направлений современной криминалистики — судебной микрологии.

Актуальность данной тематики подтверждается тем, что для чтения лекций по судебной микрологии Михаила Борисовича неоднократно приглашали в учебные заведения Прокуратуры СССР, МВД СССР, на учебные сборы практических работников, а также для чтения лекций работникам экспертных учреждений.

В этом смысле ученого-криминалиста М.Б. Вандера по праву можно назвать основателем научного направления «судебная микрология» [8; 9].

В настоящее время использование микрочастиц в расследовании преступлений известно как «судебная микрология» и включено во все учебники криминалистики в раздел «Криминалистическая техника».

Научные исследования, проводимые Михаилом Борисовичем, являлись основой новаторства в области криминалистической техники в части совершенствования имеющихся и создания новых средств, приборов и инструментов.

Изобретателем-криминалистом М.Б. Вандером было зарегистрировано более 20 авторских свидетельств криминалистических изобретений, среди них устройство для фотографирования поверхности канала ствола оружия (1977 г.); визир для фотоаппарата (1982 г.); устройство для упаковывания предметов в термопластичную пленку (1987 г.); устройство для впечатывания дополнительной информации в фотоаппарате (1988 г.), а также изобретения в области судебной микрологии (портативные пылесосы для изъятия микрочастиц), в области судебной баллистики (жидкостный пулеуловитель для криминалистических исследований (1973 г.), лазерный визир для определения направления и дистанции выстрела, а также местонахождения стрелявшего [10] и т. д.

В 60–90-е годы XX века изобретательство являлось не только реализацией творческих идей в научно-исследовательской деятельности, но и насущной необходимостью, так как в те годы номенклатура централизованного промышленного производства криминалистической техники была крайне ограниченной, и следственно-криминалистические подразделения испытывали дефицит в ее наличии. Можно сказать, что ученые-криминалисты Института, особенно М.Б. Вандер, своим изобретательским талантом и новаторством пытались восполнить пробелы производства и дефицит криминалистической

техники, причем многие технико-криминалистические изобретения криминалисты и эксперты могли создать самостоятельно при наличии соответствующего технического описания и чертежей [11, 12].

Именно для этого при активном участии М.Б. Вандера в Институте с 1975 года стали издаваться методические указания для слушателей «Криминалистическая техника», которые впоследствии именовались «Криминалистический листок».

«Криминалистический листок» пропагандировал внедрение новых научно-технических средств в расследование преступлений. В Институте был издан 91 номер «Криминалистического листка». Отличительными особенностями такого издания являлись краткость, точность и конкретность описания, наличие чертежей, технологий изготовления и методов применения новых научно-технических и технико-криминалистических разработок, созданных сотрудниками Института, практическими работниками прокуратуры и других организаций. Эти разработки предлагались к использованию в практике расследования преступлений. Причем большую часть описанных на страницах «Криминалистических листков» специальных криминалистических приемов, методов и технических средств, как новых, так и имеющихся на практике, следователи и криминалисты могли создать, усовершенствовать и применить самостоятельно. Можно сказать, что «Криминалистический листок» являлся прямой связью и результатом взаимодействия криминалистической науки в нашем Институте со следственно-криминалистической практикой непосредственно при расследовании преступлений. Аналогов такому изданию не существует по сей день.

Уже к 1988 году Михаил Борисович являлся автором более 80 научных работ, в том числе написанных в соав-

торстве с практическими работниками Главного следственного управления и Главного управления криминалистики Прокуратуры СССР.

Михаил Борисович продолжил развитие организованных в свое время О.М. Глотовым при кафедре криминалистики Института учебных криминалистических лабораторий, например учебной лаборатории криминалистического документоведения, в которой следователи и криминалисты осваивали практические навыки криминалистического изучения документов с целью поиска, обнаружения, фиксации и предварительного исследования следов подделки.

Пожалуй, самой уникальной лабораторией в Институте и единственной в России стала учебная криминалистическая лаборатория судебной микрологии. Организацией этой лаборатории руководил лично Михаил Борисович. На момент создания лаборатория была оборудована самой современной учебной аппаратурой: на каждом столе были расположены микроскоп, набор специальных учебных материалов и приборов для работы с микрочастицами на различных поверхностях и в разных средах, а также видеомониторы, на которые транслировалось видеоизображение с телекамеры на столе преподавателя, посредством которой демонстрировались практические навыки работы с микрочастицами.

Можно сказать, что именно эта лаборатория судебной микрологии стала прообразом современных учебных криминалистических мультимедийных комплексов, созданных в нашем Институте.

В 1992 году старший советник юстиции, кандидат юридических наук, доцент Михаил Борисович Вандер был назначен на должность заведующего кафедрой криминалистической техники, в дальнейшем переименованной в кафедру криминалистики.

В 1994 году М.Б. Вандер по совокупности работ защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Проблемы совершенствования научно-технических средств и их применения в процессе доказывания по уголовным делам» [13]. В докторской диссертации Михаил Борисович попытался решить сложную системную проблему криминалистического и уголовно-процессуального характера — проблему объективности полученных (закрепленных) данных.

В этом научном исследовании впервые в криминалистике был использован термин «объективизация доказывания». «Под объективизацией понимается деятельность участников предварительного следствия и дознания, направленная на установление и закрепление фактических данных с помощью комплекса средств, на которые, при их надлежащем применении, существенно не влияют субъективные факторы, и обеспечивающих в значительной степени защиту доказательств от необоснованной дезавуации, опровержения, фальсификации, подмены» [13, с. 21].

На сегодняшний день проблема объективизации доказывания является очень актуальной, так как в современном уголовном судопроизводстве может быть поставлен под сомнение процесс получения и закрепления доказательств как с уголовно-процессуальной, так и с криминалистической точки зрения. Именно объективизация доказывания с использованием научно-технических средств и методов может сделать процесс получения и закрепления доказательств объективным и наглядным, а также максимально снизить влияние субъективных факторов на процесс доказывания [14].

В 1995 году Михаилу Борисовичу было присвоено ученое звание профессора. В 1996 году его заслуги в деле подготовки кадров для правоохранительных

органов и развития юридической науки отмечены знаком «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации».

В 1996 году постановлением Правительства Российской Федерации на базе Института повышения квалификации был образован Юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. С этого времени в Институте, помимо работников прокуратуры, начали обучаться студенты: сначала вечернего отделения, а позже и дневного.

Для студентов и слушателей Михаил Борисович стал великолепным лектором, на лекции которого ходили не только потому, что криминалистика — очень наглядная и интересная дисциплина, но и из-за его педагогического таланта. Один из авторов статьи, будучи студентом Института, прослушал полный курс лекций профессора Вандера и благодарен ему в том числе за то, что в своих лекциях он преподносил криминалистику как дисциплину, использующую строго научный подход к получению доказательств, в которой нет места псевдонаучным и антинаучным методам и средствам, и на лекциях любил демонстрировать так называемые «маятники», «биорамки» и т. п. Профессор Вандер не читал лекций с листа, проводил лекции в быстрой интенсивной манере, использовал слайды, различную криминалистическую технику, иллюстрировал материал практическими примерами с присущим ему уникальным чувством юмора. Примером такого лекторского юмора Михаила Борисовича было преподнесение студентам и слушателям алгоритма работы со следами на месте происшествия в виде аббревиатуры — ПОФИГУ, которая расшифровывалась как поиск, обнаружение, фиксация, изъятие и гарантирующее удостоверение (упаковка). Последнее — (ГУ) гарантирующее удостоверение — у слушателей обычно вызывало трудности в понимании его смысла и значения.

Михаил Борисович в лекциях пояснял, что упаковка объектов-доказательств является важнейшей частью объективизации доказывания, которая заключается в сохранении упакованных объектов не только от воздействия окружающей среды, но и от противоправных действий иных лиц, ведущих к дезавуированию доказательств (подмена, порча, уничтожение доказательств). На лекциях он показывал различные методы упаковки доказательств как с помощью промышленно изготовленных образцов, так и лично им изобретенных [15; 16].

Под руководством профессора Вандера были подготовлены и защищены более 10 кандидатских диссертаций.

Михаил Борисович всегда был открыт для самых смелых и передовых идей. В свое время такой идеей для него стала алгоритмизация следственных действий. Результатом научного исследования стало учебное пособие «Схемы криминалистических алгоритмов» [17], в котором некоторые следственные действия были отображены графически в виде четкой логической схемы определенных последовательностей. В 2001 году под руководством профессора Вандера была защищена кандидатская диссертация О.М. Соловьевой на тему «Криминалистическая алгоритмизация следственных действий», в которой алгоритмы следственных действий, ранее разработанные Михаилом Борисовичем, были переведены в компьютерные программы [18].

В нашем Институте сложился уникальный дуэт профессоров-криминалистов — М.Б. Вандера и Г.А. Густова [19], решавших практически одновременно фундаментальные задачи криминалистики. Профессор Густов разрабатывал научные методы познания и внедрял в практику расследования преступлений (метод моделирования, программно-целевой метод), которые фактически позволяли структурировать и систематизировать мыслительную деятельность

следователя и процесс расследования в целом. Профессор Вандер внедрял новейшие научно-технические методы в практику расследования, а также структурировал и систематизировал отдельные следственные действия, создав схемы криминалистических алгоритмов. Научное наследие ученых-криминалистов Вандера и Густова можно рассматривать как теоретический фундамент для создания автоматизированной системы управления расследованием преступлений.

С 2001 по 2005 год Михаил Борисович был председателем диссертационного совета Института. В этот период в Институте было защищено около 30 кандидатских диссертаций, в том числе в 2004 году защищался и один из авторов данной статьи. Во время руководства диссертационным советом Института проявился еще один талант профессора Вандера — в части редактирования и правки авторефератов диссертантов. Михаил Борисович редактировал авторефераты диссертаций не только по криминалистике, но и по уголовному праву и уголовному процессу и приводил формулировки положений, выносимых на защиту, практически к логическому совершенству. Более того, профессор Вандер редактировал и правил авторефераты не только юристов — к нему обращались авторы диссертационных исследований в области экономики и математики.

Профессор Вандер был всегда открыт для восприятия новых научных идей. В начале 2000-х один из авторов статьи (А.В. Холопов), будучи аспирантом кафедры криминалистики Института, внес предложения по использованию в следственных действиях цифровых фото- видео- и аудиосредств фиксации. В то время в научной среде и среди практиков шла оживленная дискуссия о возможности применения цифровых фото- и видеокамер в криминалистике. Большинство практических работ-

ников, особенно в судебной системе, а также ученых-процессуалистов и ученых-криминалистов были противниками использования цифровых технологий, ссылаясь на возможность подделки цифровых фото- и видеоизображений. Профессор Вандер был одним из тех, кто оценил эти идеи положительно, а также принял активное участие в их научной разработке. Одним из результатов совместного научного исследования по теме «Использование цифровых технологий фиксации аудиовизуальной информации в расследовании преступлений» стало написание в соавторстве с Михаилом Борисовичем научной статьи, опубликованной в 2003 году на страницах журнала «Законность» [20], в которой излагались способы и методы решения проблем применения цифровых технологий фиксации в криминалистике.

Именно совместная работа с профессором, давшая возможность перенять часть его уникального научного опыта, открыла одному из авторов данной статьи новое направление собственных научных исследований в криминалистике, ставшее основой для работы над докторской диссертацией [21].

Михаил Борисович Вандер — основатель научных школ и направлений в криминалистике: судебная микрология, криминалистическое исследование материалов, веществ и изделий, использование научно-технических средств в процессе доказывания по уголовным делам, алгоритмизация следственной деятельности, удостоверение и сохранение объектов-доказательств, объективизация доказывания, выдающийся ученый-криминалист, новатор-изобретатель, профессор, доктор юридических наук, автор более 150 научных трудов и более 20 изобретений, старший советник юстиции является одним из столпов и ярчайших представителей Санкт-Петербургской школы криминалистики [22; 23].

Список источников

1. Вандер М.Б. Следственный осмотр предметов : (Уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Вандер Михаил Борисович ; Всесоюзный юридический заочный институт, Кафедра криминалистики. Москва, 1967. 17 с.
2. Вандер М.Б. Современная криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий : конспект лекции / Институт усовершенствования следственных работников при Прокуратуре СССР. Ленинград : Ин-т усовершенствования следств. работников при Прокуратуре СССР, 1982. 48 с.
3. Вандер М.Б. Криминалистическая экспертиза материалов, веществ, изделий / Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Санкт-Петербург : Питер, 2001. 121 с.
4. Вандер М.Б. Понятие и значение микрочастиц в криминалистике // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1978. № 2. С. 70—80.
5. Вандер М.Б. Проблемы судебной микрологии // Вопросы совершенствования предварительного следствия / Институт усовершенствования следственных работников органов прокуратуры и МВД ; отв. ред. А.А. Любавин. Ленинград : Ин-т усовершенствования следств. работников органов прокуратуры и МВД, 1979. Вып. 5. С. 89—102.
6. Вандер М.Б. Работа с микрочастицами при производстве следственных действий (элементы судебной микрологии) : учебное пособие / Институт усовершенствования следственных работников при Прокуратуре СССР. Ленинград : Ин-т усовершенствования следств. работников при Прокуратуре СССР, 1980. 93 с.
7. Крылов И.Ф. В мире криминалистики. Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1989. 194 с.
8. Вандер М.Б., Маланьина Н.И. Судебная микрология (криминалистический аспект) : монография. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1988. 176 с.
9. Вандер М.Б. Использование микрочастиц при расследовании преступлений. Санкт-Петербург : Питер, 2001. 224 с.
10. Вандер М.Б., Егоров П.А. Лазерный визир для определения места производства выстрела // КриминалистЪ. 2009. № 2 (5). С. 117—118.
11. Вандер М.Б. Работа преподавателя по совершенствованию средств криминалистической техники // Вопросы совершенствования предварительного следствия : сборник статей / Институт усовершенствования следственных работников при Прокуратуре СССР. Ленинград : Ин-т усовершенствования следств. работников при Прокуратуре СССР, 1980. Вып. 6. С. 73—82.
12. Вандер М.Б. Совершенствование научно-технических средств в современной криминалистике // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2000. № 2. С. 66—70.
13. Вандер М.Б. Проблемы совершенствования научно-технических средств и их применения в процессе доказывания по уголовным делам : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика; судебная экспертиза» : дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. доклада, выполняющего также функцию автореферата / Вандер Михаил Борисович ; Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка. Москва, 1994. 66 с.
14. Вандер М.Б. Объективизация доказывания в уголовном процессе с применением научно-технических средств. Санкт-Петербург : Ин-т повышения квалификации прокурорско-следств. работников Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1994. 52 с.
15. Вандер М.Б., Филиппова М.А. Удостоверительная деятельность в расследовании преступлений // Вопросы совершенствования предварительного следствия : сборник статей / Институт повышения квалификации прокурорско-следственных работников Генеральной прокуратуры Российской Федерации ; науч. ред. С.К. Питерцев. Санкт-Петербург : Ин-т усовершенствования следств. работников Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1992. Вып. 7. С. 58—66.
16. Вандер М.Б. Актуальные уголовно-процессуальные и криминалистические меры по предотвращению фальсификации доказательств // Особенности расследования злоупотре-

блений в деятельности правоохранительных органов : материалы российско-американского семинара, 1–3 октября 1998 г. / Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Санкт-Петербург : СПб ЮИ ГП РФ, 1999. С. 59–60.

17. Вандер М.Б. Схемы криминалистических алгоритмов : пособие / Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Санкт-Петербург : СПбЮИ ГП РФ, 1998. 30 с.

18. Вандер М.Б., Соловьева О.М. Возможности алгоритмизации следственных действий // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 1999. № 1. С. 72–77.

19. Холопов А.В., Тимошук О.Е., Дементьева О.Ю. Научить следователя мыслить — научное наследие профессора Г.А. Густова (к 100-летию со дня рождения ученого) // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 168–177.

20. Вандер М.Б., Холопов А.В. Цифровая фиксация аудио- и видеoinформации // Законность. 2003. № 8. С. 15–19.

21. Холопов А.В. Криминалистическое учение о наглядности в уголовном судопроизводстве: понятие и содержание // КриминалистЪ. 2022. № 1 (38). С. 72–78.

22. Данилова Н.А., Елагина Е.В. Научное наследие ленинградской школы криминалистики и его современная интерпретация // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 1 (93). С. 27–31.

23. Холопов А.В. Санкт-Петербургская школа криминалистики: истоки и традиции // Санкт-Петербургская школа криминалистики : материалы ежегодного криминалистического форума, Санкт-Петербург, 25–26 октября 2019 года / Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. А.А. Сапожкова. Санкт-Петербург : СПбЮИ (ф) УП РФ, 2019. С. 101–118.

Информация об авторах

А.В. Холопов — заведующий криминалистической лабораторией Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации;

О.Ю. Дементьева — заведующий отделом государственной службы и кадровой работы Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации;

О.Е. Тимошук — заведующий отделом научной информации и издательской деятельности Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

A.V. Kholopov — Head of the Forensic Laboratory, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

O.Yu. Dementyeva — Head of the Department of Civil Service and Human Resources, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation;

O.E. Timoshchuk — Head of the Department of Scientific Information and Publishing Activities, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

РЕЦЕНЗИИ ОБЗОРЫ МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ

Обзорная статья
УДК 34

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПОСТКЛАССИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРАВА: ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Илья Львович ЧЕСТНОВ¹, Оксана Евгеньевна ТИМОЩУК²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ ichestnov@gmail.com

² okstim23@yandex.ru

Аннотация. 29 – 30 мая 2026 года в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации состоялась XXVI Всероссийская научно-теоретическая конференция «Постклассические исследования права» на тему: «Правоприменение: теория и практика», в которой приняли участие ведущие теоретики права и представители отраслевых юридических наук страны. В обзоре приводятся тезисы выступлений, которые вызвали наибольший интерес аудитории.

Ключевые слова: постклассические исследования права, правоприменение, структура правоприменения, методология исследования правоприменения.

Для цитирования: Честнов И.Л., Тимощук О.Е. Правоприменение в контексте постклассических исследований права: обзор Всероссийской научно-теоретической конференции // КриминалистЪ. 2026. № 3 (56). С. 190 – 200.

© Честнов И.Л., Тимощук О.Е., 2026

Review article

THE APPLICATION OF LAW IN THE CONTEXT OF POST-CLASSICAL
LEGAL STUDIES: AN OVERVIEW OF THE ALL-RUSSIAN
SCIENTIFIC AND THEORETICAL CONFERENCEIlya L. CHESTNOV¹, Oksana E. TIMOSHCHUK²^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia¹ ichestnov@gmail.com² okstim23@yandex.ru

Abstract. On May 29–30, 2026, the 26th All-Russian Scientific and Theoretical Conference «Post-Classical Legal Studies» under the theme of «Application of Law: Theory and Practice», was held at the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the prosecutor's office of the Russian Federation. The event brought together leading legal theorists and representatives of specialized branches of legal science from across the country. This review outlines the principal theses advanced in the presentations that attracted the greatest interest from the audience.

Keywords: post-classical legal studies, application of law, structure of law application, methodology of legal application research

For citation: Chestnov I.L., Timoshchuk O.E. The application of law in the context of post-classical legal studies: an overview of the all-russian scientific and theoretical conference. *Criminalist*. 2026;3(56):190–200. (In Russ.).

В Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации (СПбЮИ (ф) УП РФ) 29 – 30 мая 2026 года состоялась ежегодная уже XXVI Всероссийская научно-теоретическая конференция «Постклассические исследования права» на тему «Правоприменение: теория и практика».

В работе конференции приняли участие ведущие крупнейшие теоретики права страны: Г.Э. Адыгезалова, М.В. Антонов, М.А. Беляев, Ю.Ю. Ветютнев, Е.Ю. Калинина, Е.М. Крупеня, О.Б. Купцова, И.А. Кузьмин, И.Б. Ломакина, Н.В. Малиновская, Н.И. Малышева, И.А. Осветимская, Е.А. Поворова, А.В. Поляков, Р.А. Ромашов, Н.В. Разуваев, Е.Г. Самохина, Ю.В. Сорокина, Е.Н. Тонков, Л.А. Харитонов, Ю.А. Цветков, А.Э. Черноков, И.Л. Честнов, историк права А.А. Дорская, специалисты международного права и отраслевых юридических наук из Санкт-Петербург-

ского государственного университета, Московского городского педагогического университета, Нижегородского государственного университета, Воронежского государственного университета, Московской академии Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Северо-Западного Института управления – филиала РАНХиГС и других вузов страны, а также ученые, студенты, магистранты, аспиранты Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

В рамках конференции были рассмотрены вопросы:

изменилась ли методология правоприменения в XXI веке по сравнению с классическим подходом и как адекватно изучать применение права сегодня?

какова структура правоприменения, его объективная и субъективная составляющие? какие еще аспекты правоприменения образуют его содержание, можно ли к ним относить, например, человекомерность правоприменения, значения и смыслы, способы классификации и категоризации юридических ситуаций?

существуют ли алгоритмы правоприменения на практике и в теории? как можно соотнести типизации (алгоритмы) правоприменения с дискрецией (усмотрением)?

как происходит процесс применения права с точки зрения постклассической юриспруденции, например с позиций коммуникативной теории права, антропологии права, правового реализма?

каково содержание техники, технологии, тактики, методики, стратегии правоприменения?

Особый интерес вызвали доклады кандидата юридических наук, доцента Е.Н. Тонкова, доктора юридических наук, профессора А.В. Полякова, доктора юридических наук, профессора Р.А. Ромашова, кандидата юридических наук, доцента Ю.Ю. Ветютнева, кандидата философских наук, доцента М.А. Беляева, кандидата юридических наук, доцента Л.А. Харитонова, кандидата юридических наук, доцента Н.В. Малиновской.

Профессор СПбЮИ (ф) УП РФ, спикер конференции, доктор юридических наук, профессор И.Л. Честнов в докладе **«Должное и сущее в правоприменении»** сосредоточил внимание на диалоге этих двух аспектов. Правоприменение — сложный, многогранный феномен. Его бытие-событие (по терминологии М.М. Бахтина) образуют деятельность людей — носителей соответствующего статуса, ее предпосылки, контекст, ситуация (их можно объединить, но можно

контекст отнести к макрообуславливающим факторам, а ситуацию к микропроцессу), последствия, мотивация и экспектация акторов, смыслы и значения, приписываемые себе, контрагенту(-ам), ситуации и контексту, предполагаемым последствиям, включая образ и образец того, как должно поступать типичному человеку в такой-то ситуации. Эти психические процессы «порождают» деятельность и сопровождают ее, обеспечивая воспроизводство образа-образца (знакового воплощения нормы права). Тем самым бытие-событие правоприменения включает сущее и должное в их диалоге. Последний предполагает взаимосотнесение и взаимообусловленность действия и структуры, которые не могут существовать друг без друга, как Я невозможно без Другого.

Что такое сущее и должное в правоприменении? Сущее — это внешнее проявление чего-либо, в нашем случае прежде всего совершение деяния (в широком смысле слова — экстернализация любой активности человека). Эти моменты стали предметом достаточно обстоятельного обсуждения на прошлогодней конференции, посвященной перспективам правового реализма. Должное, в свою очередь, — это типичное, усредненное, воспринимаемое как правильное. Важно то, что оценка должного как правильного неотделима от типичного (типизированного), многократно повторяемого. Должное возникает из означивания — наделения социальным (в нашем случае — правовым) значением некоторого единичного-сущего. Какого? Того, которое, по мнению авторитета референтной группы, претендует на такую роль в силу его социальной (юридической) значимости. Значение знака — это не просто словарное определение слова, а типизированное (позволим сказать, хабиитуализированное)

его — знака — использование в правоприменительных практиках («языковых играх»). Но значение одновременно это и значимость, т. е. важность, ценность такого рода действия для человека, в нашем случае правоприменителя.

Структурные ограничения, например система отчетности, «политика», проводимая в данном государственном органе, общая ситуация в стране и даже мире, детерминируют поведение актора правоприменения, в том числе его мотивацию. Однако эти ограничения (которые одновременно выступают возможностями, о чем справедливо пишет Э. Гидденс) воспроизводятся действиями акторов тем или иным способом. В этом и состоит диалогичность правоприменения.

Профессор СПбГУ доктор юридических наук, профессор А.В. Поляков представил доклад **«Возможны ли правоприменительные акты *contra legem*?»**. Свое выступление он начал с, казалось бы, очевидного утверждения о том, что правоприменительная деятельность представляет собой применение права. Однако далеко не очевидным является вопрос: а право ли применяют суды в своей деятельности? Любой ли закон является формой права? Любой ли закон порождает правовую обязанность следовать этому закону? Различные научные школы отвечают на этот вопрос по-разному. А.В. Поляков отметил, что с позиций коммуникативного подхода право — это не то, что в одностороннем порядке вменяется адресатам, а то, что возникает в ходе интерпретации адресуемой информации, ее признания и возникновения на этой основе правовой коммуникации. Поэтому и обязанность подчиняться закону является не автоматическим следствием из закона, а коммуникативным актом. Страх перед возможным наказанием за неисполнение

закона, иррациональный по своей природе, сам по себе не порождает правовой обязанности следовать закону. Ведь и страх перед угрозой грабителя убить за неподчинение его воле не создает правовой обязанности исполнить его приказ и отдать требуемую вещь.

Единственным рациональным (разумным) основанием для подчинения закону как необходимому регулятору человеческих отношений (и для исполнения правовой обязанности) является, с позиций коммуникативной теории, осознание и признание его необходимости, значимости (ценности), а следовательно, справедливости и оправданности в глазах адресатов. В коммуникативной теории права такое осмысление качества закона называется легитимацией.

В этом ракурсе можно говорить о формальной, социальной и содержательной легитимации. Ни один из этих аспектов легитимации не является самодостаточным. Но в то же время только содержательный аспект имеет основания считаться основным и определяющим. В такой ситуации имеет значение правовая доктрина, которая способна подобного рода извращения закона определять как неправовые по существу и тем самым косвенно способствовать делигитимации неправоваых законов. В этом видится и роль таких теорий, которые способны различать законы, основанные на праве (на принципах права), и законы, основанные на произволе (законы неправоваые). На вопрос оппонентов, что может изменить характеристика закона как неправоваого — может ли такая оценка повлиять на его действительность или действенность — следует ответить положительно. Только эффект от такого признания не может быть мгновенным. Но ведь и «Нюрнбергские законы» были признаны неправоваыми не сразу,

а по истечении времени и на основании определенного влияния правовой доктрины (наиболее ярким является доктрина «законного неправа» Г. Радбруха).

Поэтому различие права и закона (В.С. Нерсисянц и др.) имеет как научно-философский, так и практический (идеологический) смысл. Право возникает на основе взаимного признания, оно является договорным по своей сути: для человека право — средство, а другой человек — цель, равная собственной цели — собственной ценности — собственному самополаганию. Закон как волеизъявление изначально (исторически) — акт силового господства, акт, устанавливающий отношения власти-подчинения, в которых человек является средством для власти, а цель — утверждение абсолютного властного суверенитета. Только через взаимное признание властвующих и подвластных возникает право в форме закона, правового закона, т. е. право, соединяющее суверенитет власти с суверенитетом человека, суверенитет одного государства с суверенитетом других государств.

Доцент СЗИУ РАНХиГС кандидат юридических наук, доцент Е.Н. Тонков в докладе **«Правоприменение в структуре современного права»** актуализировал необходимость выявления устойчивой структуры рассматриваемого феномена, соответствующей постклассическому состоянию науки и практики. Структура советского права включала всего три элемента: отрасль — институт — норма, которые могли дополняться подотраслями и субинститутами. Существующее в постсоветской науке деление правопорядка на право (корпус нормативно-правовых актов) и его применение (правоприменительные практики) не соответствует реальности, поскольку исключает из сферы права прецеденты и прецеденты толкования

(в том числе правоустанавливающие акты Конституционного Суда Российской Федерации и Пленумов Верховного Суда Российской Федерации).

Рассматривая правоприменение в качестве элемента права, Е.Н. Тонков обосновал следующую структуру права: 1) *«право в книгах»* — нормативно-правовые акты, текстуализированные в разнообразных источниках; 2) *«право в жизни»* — совокупность правоприменительных актов, вынесенных уполномоченными субъектами, в том числе судьями; 3) *правотворческие и правоприменительные институты публичной власти*, обеспечивающие создание и применение юридических норм; 4) *межведомственные и межличностные системные взаимосвязи между субъектами публичной власти*, оказывающие существенное воздействие на право; 5) *образовательные учреждения*, подготавливающие дипломированных юристов; 6) *академическая наука*, формирующая правовые доктрины и критерии для допуска к преподаванию юридических дисциплин.

Е.М. Крупеня, главный научный сотрудник Центра исследования права и культуры юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, доктор юридических наук, доцент, выступила с докладом **«Человекомерность правоприменения в постклассической парадигме: от методологического синтеза к системе саморегуляции и институциональной поддержки»**, в котором отметила, что в условиях постклассической парадигмы классическая догматика, рассматривающая правоприменение как механическую субсумцию фактов под норму, исчерпала свой эвристический потенциал. Актуальность принятого исследования обусловлена необходимостью преодоления разрыва между абстрактной нормой и реальной

практикой, где решения детерминируются ценностями, эмоциями и когнитивными схемами субъекта, осуществляющего субсумцию. Профессиональная деформация и правовой нигилизм правоприменителей выступают не просто кадровыми проблемами, а индикаторами системного кризиса правосознания, требующего научного осмысления.

Методологическую основу исследования составляет интегративный синтез подходов, которые обладают необходимым эвристическим ресурсом для того, чтобы переписать правоприменение в условиях развития постнеклассической науки: антропологический подход раскрывает «человеческое измерение» права, рассматривая правоприменителя не как «бюрократическую машину», а как активного созидателя правовой реальности, чьи решения опираются на фреймы, скрипты и типизации; деятельностный подход осмысливает правоприменение как сознательно-волевой акт. Методологическим стержнем правоприменения провозглашается принцип человекомерности права.

Вывод, к которому приходит автор, состоит в следующем. Для преодоления выгорания и правового нигилизма субъектов правоприменения необходима двухуровневая система психологического обеспечения: 1) индивидуальная саморегуляция (физиологический баланс, эмоциональное переключение); 2) институциональная поддержка (психодиагностика при отборе кадров, внедрение модулей по стресс-менеджменту в обучение, создание доступных каналов психологической помощи и работа с позитивным публичным образом). Только такой синтез обеспечит нравственную устойчивость субъекта, применяющего право, и доверие общества к правоприменительным органам государства.

Доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) кандидат философских наук *М.А. Беляев* в выступлении **«Стратегирование целей деятельности как фактор трансформации механизма правоприменения (на примере технологической регуляторной политики)»** остановился на проблемах трансформации механизма правоприменения. На примере технологической регуляторной политики были рассмотрены факторы такой трансформации, среди которых, по мнению автора, главным выступает стратегирование целей публичной (государственной, в первую очередь) деятельности. Безусловно, государство всегда занималось планированием тех или иных видов деятельности в различных масштабах и на различные временные периоды, но современные особенности реализации государственных функций состоят в том, что плановой деятельности придается правовое значение, а документы, оформляющие стратегическое планирование, вводятся в действие как полноценные источники права.

Такого рода факторы в сумме своей приводят к новым, ранее не известным юридической науке последствиям. Во-первых, в правовое регулирование вводится фактор времени, а точнее сказать, хронометража. Нормативные решения изначально планируются как временные, притом истечение срока действия соответствующих нормативных правовых актов, как правило, оказывается не связанным с устареванием тех или иных предписаний, а лишь подчиняется закономерностям замены одного перспективного плана другим. Во-вторых, ритм деятельности, свойственный одному субъекту или группе однородных субъектов, навязывается всем иным

субъектам, круг которых часто не определен точным образом — и это как раз самым явным образом видно на примере регулирования технологического развития в Российской Федерации. В-третьих, новые документы перспективного планирования почти никогда не определяют судьбу уже запущенных в действие процессов и функций, создавая тем самым некую «теневую» зону ведомственной безответственности. Наконец, главная проблема и одновременно особенность рассматриваемой ситуации состоит в том, что государство, взявшись за правовое регулирование технологического развития, игнорирует социально-онтологическую первичность технологий перед правом, когда право, будучи во многом производным от общественных возможностей, данных технологиями, должно эти же возможности нормировать. Это приводит и к неопределенности в достижении поставленных государством целей, и к размыванию ответственности между акторами.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежской государственного университета кандидат юридических наук *Н.В. Малиновская* представила доклад на тему **«Правоприменение сквозь призму идей философской герменевтики»**. Она отметила, что герменевтические идеи пронизывают философско-правовую мысль с глубиной древности. Иудейская традиция интерпретации права, александрийская школа толкования и римская юридическая мысль выдвинули ряд положений о толковании, не утративших своей актуальности по сей день.

В XX веке интенсивное развитие герменевтических идей было связано с именами М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, П. Рикера и феноменологической концепцией Э. Гуссерля. Результатами исследований этих философов стало

обоснование тезисов о языке как единственно возможном модусе бытия человека, опровержение необходимости «вживания» в мир Автора, утверждение универсальности проблемы понимания на основе выделения общего для всякого понимания свойства — применения.

В этой связи для юридической науки можно сделать следующие основные выводы: 1) всякое понимание права подразумевает его применение, будучи истолкованным в широком смысле этого слова, приближенным к понятию реализации права; 2) постигнутый смысл всегда индивидуален — он не принадлежит Автору, а только лишь Интерпретатору, который конструирует этот смысл с учетом собственного «горизонта понимания» и ситуативных целей толкования права. Наиболее ярко проблема понимания проявляется в деятельности суда присяжных заседателей, которая указывает на периодическое искажение смысла, специфику учета «горизонта понимания», эмоциональный фон как объект манипулятивных техник и другие проблемы.

Заместитель главного редактора журнала «Российская юстиция» кандидат юридических наук *Е.А. Поворова* в докладе **«Правоприменение в антропологическом измерении в эпоху когнитивной (не)свободы»** остановилась на проблеме когнитивной свободы/несвободы и ее влияния на правоприменение.

Обращение к теме когнитивной свободы важно в силу того, что сейчас происходит ее концептуализация в новом поколении прав человека. Когнитивная свобода является первокирпичиком в дискурсе об институциональной самостоятельности права и правоприменения, а также в размышлениях об изменении модуса права — его восприятии, интерпретации, человекомерности и в целом смены концептов знания, дис-

курса управления им. Так, рамки дискурса устанавливают не те, кто дает верные ответы, но те, кто задает эти рамки, внутри которых остается возможным поиск ответов. Когнитивная несвобода в медиальном повороте означает, что технологии манипулируют информацией, создают официальные рамки для дискурса с негативными последствиями выхода за эти рамки, что в целом означает когнитивный контроль над знанием и его использованием. Если Мишель Фуко исследовал, как менялись эпистемы знания и методы контроля над ним, то сейчас встает задача изменения в целом оптики контроля, поскольку знание человека переходит к технологиям ИИ. Соответственно, меняются взгляды на свободу в ее когнитивном изводе, на право и правоприменение в целом.

Дискуссионным является вопрос, возможно ли право в ситуации растущей алгоритмизации властного управления социальными процессами — «имитации» права, или за ним останется возможность диалога, коммуникации, договоренности и принятия правовых норм на горизонтальном уровне человек-человек. И не будет ли право заменено кодом? О такой возможности пишут исследователи договорного права, отмечая, что технологии оказывают масштабное влияние на свободу договора: свободу воли на заключение договора, свободу от договора и свободу определения содержания договора. И это влияние будет только расти, что вполне может поменять модус права как регулятора человеческих отношений на, условно обозначим, «модус кода» как регулятора отношений между человеком и устройством и между самими устройствами.

Как представляется, когнитивная свобода должна быть концептуализирована в качестве конституционной ценности, которая выступает важнейшей объектив-

но существующей социальной ценностью, показывающей ее действительный масштаб посредством конституционного закрепления.

Заведующий кафедрой уголовного процесса Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева кандидат юридических наук, доцент Ю.А. Цветков в своем выступлении **«Борьба за реализм в российском праве в целом и уголовном процессе в частности»** рассмотрел основные этапы развития правового реализма в России — третьего пути в юридических науках, представляющего собой альтернативу позитивизму и юснатурализму. Им была предложена основанная на реалистических концепциях авторская структура правоприменения.

Реалистический подход к праву, по его мнению, можно выразить формулой: право = (право)применение. Право раскрывает себя только в процессе его применения. Следовательно, первый по степени важности вопрос: кто применяет? Судья, прокурор, следователь, полицейский... За каждым из них стоят свои собственные процессуальные и служебные интересы, свой *background*, включающий в себя специфику образования (ведомственного или гражданского), принадлежности к общей и организационной культурной традиции и т. д. Второй вопрос: как применяет? То есть каковы ведомственные, региональные и индивидуальные особенности правоприменения? И третий вопрос: что на выходе? Можно ли считать все то, что применяется, правом в позитивном смысле этого слова? Разрыв между нормой права и практикой ее применения может оказаться настолько значительным, что вместо термина «правоприменение» более корректными становятся такие термины, как «юридическая практика» или просто «деятельность».

Но путь к осознанию и приятию в отечественной науке этих очевидных моментов оказался долог и тернист.

Несмотря на то что сегодня в российской юридической науке лишь очень узкий круг специалистов отождествляет себя со школой правового реализма, ряд ученых внесли свой вклад в подготовку трансформации правопонимания в реалистической парадигме. В начале XX века к российским реалистам с той или иной степенью условности можно отнести Л.И. Петражицкого (сам себя он считал «психологом» в праве) и его последователя М.А. Рейснера. В советское время создавались скорее утопические, нежели реалистические концепции права и правоприменения. Против догматико-утопических тенденций осторожно выступали «социологи», главным образом В.П. Казимирчук, а несколько позже — В.В. Лунеев (с акцентом на «статистическую» картину мира) и И.Б. Михайловская (со вниманием к управленческим факторам правоприменения).

Сегодня появился ряд посвященных правовому реализму общетеоретических работ монографического уровня (Е.Н. Тонкова, Д.Е. Тонкова, В.С. Груздева, Б.В. Лесива). Однако перед российскими учеными, развивающими это направление, стоят новые принципиально важные для развития правового реализма в России задачи. Первой среди них является применение реалистического подхода в отраслевых юридических науках, которые по-прежнему остаются сильно догматизированными. Вторая задача — переосмысление самого правового реализма в свете достижений психолингвистики и, соответственно, переоценки значения правовой нормы с ее языковыми особенностями. И третья задача — поиск российской специфики в развитии реалистических идей, с тем чтобы российские реалисты не просто

пересказывали иностранные концепции, а явили свое новое слово юридическому миру. Эта специфика может строиться на базе учения Л.И. Петражицкого об интуитивном праве, а может раскрыться и в каких-то принципиально новых идеях. Но она обязательно должна быть.

А.И. Цыреторов, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, выступил с докладом на тему **«Постклассическая теория права: от интересубъективности к критическому реализму»**. В рамках выступления он обосновал необходимость онтологического углубления коммуникативного подхода через синтез критического реализма Р. Бхаскара и концепции когнитивной самореференции Д.О. Труфанова. По мнению выступающего, постклассическая теория права убедительно показала, что право интересубъективно, диалогично и создается в коммуникации, но не ответила на вопрос о том, как право сохраняет устойчивость и идентичность во времени, если каждый раз заново конституируется в диалоге? А.И. Цыреторов предложил понимать право как динамичную тотальность — неразрывное единство системы правовых норм, институтов, принципов, доктрины, субъективных представлений о праве и профессионального этоса (с их связями и пробелами), существующее в правовой деятельности.

Концепция «отсутствия» Р. Бхаскара позволяет по-новому взглянуть на природу права: его неполнота (пробелы) трактуется не как дефект, а как имманентное свойство права и стимул правовой эволюции. Второй столп авторского подхода — когнитивная самореференция (Д.О. Труфанов) представляет собой способность правовой системы обосновывать и изменять

себя, оставаясь в границах собственного языка и процедур. Механизм самореференции реализуется через цикл «вербализация — логизация — рефлексивное замыкание» и обеспечивает воспроизводство и адаптивное развитие права без утраты его идентичности. Данное решение позволяет переосмыслить диалог (по И.Л. Честнову) как форму, в которой тотальность перерабатывает свою неполноту. Предложенная докладчиком критико-реалистическая реконструкция преодолевает ограничения легизма и постмодернистского конструктивизма, сохраняя человеческое измерение права и объясняя механизм его устойчивости и развития.

Выступление доцента кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России кандидата юридических наук, доцента М.В. Савельевой было посвящено теме «**Структура судебного толкования**». Докладчик напомнила, что дискуссия о правоприменении тесно связана с теорией толкования. Каждый акт применения права является результатом толкования соответствующей нормы, признанием того, что она по смыслу своего содержания подходит для юридической квалификации выявленных фактических обстоятельств.

Судебное толкование можно сконструировать по разным основаниям: как процесс уяснения, разъяснения и логического развития (Е.В. Васьковский). Если исходить из объема толкования — расширительное/ограничительное (А.Ф. Чеданцев). В постклассической онтологии права представляется возможным рассмотреть структуру толкования, состоящую из шести элементов, находящихся в устойчивых отношениях: ядро (объект и субъект), оболочка (герменевтический инструментарий, контекстуальная опора, ценностно-ориентирован-

ный мотиватор) и границы допустимого толкования. Объектом судебного толкования является не только правовой текст, но и юридически значимая жизненная ситуация. Осмысление нормы невозможно без учета фактического спора, а ее конкретизация осуществляется судьей через призму его личностных особенностей, профессионального опыта и ценностных установок.

Предложенная структура судебного толкования инвариантна: она присутствует в любом акте толкования независимо от отрасли права, уровня суда или стадии процесса. Ее практическая значимость иллюстрируется на примере ДТП с участием СИМ, где два дополняющих видео демонстрируют работу всех шести элементов в их взаимосвязи, а изменение ракурса обзора меняет оценочное суждение судьи, но не саму структуру толкования.

О.Е. Шишкин, аспирант СПб ЮИ (ф) УП РФ, в сообщении «**Законность правоприменения с социолого-правовой точки зрения**» отметил, что факторы, обуславливающие реализацию режима законности, — это перечень определенных условий, порождающих возможность проведения в жизнь режима законности. Данные условия подразделяются на метаусловия (или надусловия), порождающие указанную возможность на фундаментальном уровне, к которым относятся правотворчество и правореализация; иные условия, им (надусловиям) сопутствующие, сопровождающие их, — гарантии законности.

Правореализация, в частности правоприменение, является метаусловием, релевантным третьей стадии режима законности, заключающейся в реализации в правовом порядке объективированной в норме права потребности в нормативно-правовом регулировании. При этом к сопутствующим данному надусловию

гарантиям законности относятся в том числе: финансовые ресурсы, позволяющие обеспечить возможность реализовать право в той или иной форме; конкретная и детальная регламентация порядка реализации каждой правовой нормы; закрепленный в соответствующ-

щих формах внешнего выражения права механизм правового просвещения населения; наличие конкретно-определенного перечня органов власти и/или должностных лиц, обеспечивающих реализацию названных гарантий.

Информация об авторах

И.Л. Честнов — профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

О.Е. Тимощук — заведующий отделом научной информации и издательской деятельности Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

I.L. Chestnov — Professor at the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor;

O.E. Timoshchuk — Head of the Department of Scientific Information and Publishing Activities, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.